

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Роберт Твиггер "Злые белые пижамы"

Роберт Твиггер "Злые белые пижамы" (Robert Twigger. Angry White Pyjamas)

тематика: автобиография, боевые искусства

книга, которую написал европеец, уехавший в Японию и учившийся айкидо в додзе Ешинкан, и рассказывающая о том, как все это было

перевод: tsutsu (tsutsu@livejournal.com)

фрагменты перевода на русский:

Настоящий мужчина в эпоху Нинтендо

...

Мой путь в Японию начался с мечты о побеге. В то время, в Оксфорде я получил престижную награду в области поэзии - Ньюдигейт. Список обладателей награды включал Оскара Уайльда, Джона Рёскина и Мэтью Арнольда, это убедило меня в том, что я либо ПОЭТ, либо ПИСАТЕЛЬ. Эта призрачная амбиция протащила меня через ряд тупиковых работ. Различные бизнес-схемы балзаковской путанности все глубже загоняли меня в финансовую дыру, из которой сложно было вернуться в мир кредитных рейтингов и высокооплачиваемых договоров. Все написанное мной я либо публиковал сам, либо было журнально-поверхностным, деньги шли к моим более успешным собратьям.

Единственным моим достижением в тот жизненный период был поход в одиночку по Пиренеям, от Средиземного моря до Атлантического океана, на расстояние семисот километров. Некоторые участки я шел днями в разряженном воздухе, не встречая ни единой живой души; и там, вдали от города, у меня мелькнула мысль бросить все. Но питаться воздухом я не мог, мне нужно было как-то зарабатывать на жизнь.

После двух лет колебаний я купил билет в Японию, соблазнившись большими заработками, новыми местами, о которых можно было бы писать, экзотическими девушками и Тессю. Ямаока Тессю был моим лучшим открытием. Эрудированный английский поэт Питер Леви, который был практически моим наставником в Оксфорде, посоветовал мне почитать Басё, японского мастера хайку. В комментариях к Басё я натолкнулся на информацию о Тессю, самурае-поэте XIX-го века, который тоже писал хайку. Но Тессю был не только поэтом, он был еще и воином, адептом дзен, художником, создавшим более миллиона образцов каллиграфии; он выпивал полгаллона сакэ каждый вечер, был телохранителем императора и открыл собственную школу по искусству владения мечом.

Тессю не мелочился в своих делах. Когда он решил переписать целиком буддийский канон, его спросили, не будет ли это слишком сложно. "Вовсе нет, - ответил Тессю, - я же делаю копию только одной страницы за раз".

...

В год пребывания в Токио я заработал и потратил, больше денег, чем за предыдущие 4 года в Лондоне. Я почувствовал первый укол зарождающейся язвы. Я потерял работу преподавателя, занял денег на жизнь, наблюдал за взрывом "экономики мыльного пузыря", нашел самое дешевое кафе и поселился в квартирке с Крисом и Толстым

Фрэнком. Я нашел работу на полставки и начал снова писать.

Я собрал новую коллекцию стихов, и размышлял над примером Тессю. Он был поэт *и* воин. Он был невероятно продуктивен в деле и еще умудрялся находить время на махание мечом, часовые медитации и поглощение огромных количеств сакэ. Что останавливало меня? Телевиденье? Работа? Необходимость ездить на электричке? Что было у Тессю, чего не доставало мне? Дисциплина. Он просыпался рано, ложился спать поздно и тренировался каждый день. Дисциплины у меня просто не было.

В принципе дисциплины мне всегда не хватало. Всплески энтузиазма частично компенсировали отсутствие привязанностей к чему-либо, но меня удручала четко прослеживаемая система отличных начал и унылых концов. Я хорошо помню тот момент, когда понял, что все должно измениться. Я ехал вверх по эскалатору торгового центра. Было так много людей, что я должен был стоять без движения среди толпы других офисных служащих, всех как один одетых в пиджаки, с безразличными выражениями лиц, сдерживающих внутреннее раздражение на невозможность двигаться быстрее к пункту назначения, или им было просто все равно. А эскалатор, движущийся вниз, был так же заполнен. Он медленно проезжал мимо меня; это напоминало эпизод фантастического фильма, не фильма ужаса, а из тех нигилистически-футуристических фильмов, где у людей стирают сознание и все они сразу успокаиваются. Я смотрел на пустые лица и понимал: *вот это - та жизнь, что у тебя есть, и другой не будет*. Что за жизнь - я был физически неразвитый, нездоровый интеллектual, книжный червяк, поэт, чувствительный парень. Пришло время это изменить

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Взгляд новичка (начало)

Каждый хочет попасть в Рай, но никто не хочет умирать.

Фильм Стивена Сигала "Отмеченный смертью"

Старшие считают, что Самурай прежде всего должен быть настойчив.

Хагакуре

"Меня уволили" - объявил Крис, - "за то, что я лысый". Он только что вернулся с самой высокооплачиваемой работы, которую можно себе представить на полставки. Крис уже несколько месяцев работал преподавателем в специализированной языковой школе, начальство в которой составляли японки пятидесятилетнего возраста. Дела шли не так гладко, как хотелось бы начальству. Рассказывая, Крис пытался выдержать невозмутимое выражение лица, но мне было очевидно, что он раздражен, скорее даже оскорблен, так как с некоторыми студентами отношения складывались действительно хорошо. Начальница же считала, что лучшим способом для увеличения дохода было нанять свеженьких и сексапильных учителей-англичан, чтобы привлечь прибыльный сегмент рынка - учениц колледжей и офисных дам. Крис со своей лысиной должен был уйти первым. "Зам начальницы предложила мне найти парик, дескать, даже Шон Коннери носит парик. Я сказал, что если они готовы оплатить парик, то я его надену... Тогда в самой деликатной форме меня уволили."

Крису нужно было взбодриться. Мы взяли на видео "Выход Дракона", один из любимых фильмов Криса, который я почему-то раньше не видел. Пока мы смотрели, Крис с удовольствием цитировал реплики Брюса Ли до того, как тот их произносил. Но мне запомнились не слова, а в начале фильма, вид с вертолета на остров, где ряды мужчин в белых пижамах выполняли базовую ката из карате. Они слаженно делали удары - раз-два, раз-два - их рукава разбивали воздух, создавая чудесный хлопающий звук. Это была

пехота боевых искусств - и мне хотелось стать ее частью.

Однажды вечером Крис воспроизвел технику из недавно приобретенного пособия по айкидо. Фрэнк и я стояли друг напротив друга - Фрэнк держал меня за запястье. Такая атака нам казалась странной, но Крис пояснил, что захват за запястье был весьма распространен в феодальной Японии - его целью было остановить противника в попытке дотянуться до меча (прим. пер. - висящего на бедре). Под руководством Криса с помощью сложных манипуляций рукой и нескольких шагов я заломил руку Фрэнка ему за плечо. "Так?," - спросил я Криса. "Да, - он сверился с пособием, - А теперь ты должен либо сделать бросок, либо прижать его к полу".

"Давайте опустим эту часть,- сказал Фрэнк, по собственной воле свалившись на кипу матрасов,- вам не кажется, что это довольно сложно?"

Пришло время нам найти учителя. Проснувшись намного раньше обычного, Крис, Толстый Фрэнк и я притащились на станцию, чтобы отправиться в знаменитое додждо Ёшинкан. Крис посоветовал нам до поры до времени "держат головы пониже", потому что этикет очень важен в боевых искусствах и особенно в Японии. Додждо располагалось на 3-м этаже офисного здания. Мы вошли в лифт.

Двойная деревянная дверь, ведущая в додждо, была окружена табличками из кедрового дерева с вырезанными на них иероглифами, что напомнило дорогой японский ресторан. Внутри все было серо-функциональным, пыльный запах придавал ощущение официальности и безразличия.

В тусклом свете можно было разглядеть везде развешанные портреты основателя (прим. пер. - стиля Ёшинкан) Гозо Шиодо, которому сейчас было 77, вместе с фотографиями знаменитостей, посетивших додждо. Молодой японский учи-деши (внутренний ученик) сидел за стеклом квадратного стеклянного отсека приемной. В офисе додждо за его спиной учителя глазели в окна, курили или рассматривали экраны японских "текстовых редакторов". Из тренировочного зала, который и был непосредственным додждо, доносились крики и грохот падающих тел.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Взгляд новичка (продолжение)

Мы тихонько сняли обувь и вошли в основной зал. Он был большим, с высокими потолками, пахло потом и соломой, которой было набито татами на полу. Обивка была деревянной и безвкусной. Я заметил висящие на стене мечи.

Все ученики уважительно сидели на коленях перед учителем, японцем среднего возраста с важным видом и мягким голосом. Крис, Фрэнк и я сели сбоку на места для зрителей.

2 ученика вскочили - один держал нож, а другой меч. По команде оба как одержимые рванули атаковать учителя. Учителя выглядел скучающим и пассивным. Мне казалось, что не происходит ничего необычного, как вдруг тот, что был с ножом, оказался в воздухе, а учитель уже прижимал второго парня мечом к полу. Погодите, а в чем фокус-то? Я придвинулся поближе, чтобы присмотреться получше. Теперь учитель показывал бросок на невооруженном атакующем. Это было похоже на борцовский бросок, за исключением того, что когда атакующего бросали, он словно нырял в воздух, делая кувырок вперед.

Теперь учащиеся разбились в пары и начали друг друга бросать. Меня словно загипнотизировали их грациозные движения и кувырки. Мне казалось, я никогда не смогу сделать ничего подобного.

Сама техника броска казалась проще. Как только становилось понятно какой сустав повернуть и в какой момент, атакующий просто переворачивался.

Внезапно айкидо мне представилось возможностью узнать человеческое тело через призму его слабых точек. Это был живой университет, безмерная, сложная, целая система мысли и действия, о которой я раньше и не догадывался. По сравнению с этим просто бить руками и ногами казалось пошлым.

Теперь ученики тренировались по одному, скользя ногами по полу и двигая свои руки вверх и вниз перед собой. Это выглядело странно. С другой стороны я точно знал, что я бы смог болтаться кругами по залу, как обколотый балерун. Это простое упражнение дало мне надежду, хотя я и не смог увязать его ни с чем увиденным.

Впервые в жизни я наблюдал за чем-то, что я не понимал и, тем не менее, частью чего хотел стать. Мне надоело быть аутсайдером в Японии. Я хотел стать частью какой-то группы. Сам факт, что нужно потратить годы на то, что бы стать мастером, меня совершенно не смущал. Более того, он меня успокаивал. Это значило, что айкидо должно быть действительно сложным и серьезным, а значит действительно стоящим моего внимания. Это не был просто кик-боксинг с приятелями, а нечто близкое к религии.

Дух религиозности сохранялся и пока студенты кланялись друг другу. Лучи утреннего солнца освещали через окна потолок додзо и подсвечивали белые пижамы учеников сияющей полосой света. Затем они встали и выполнили последнее упражнение в парах, кружась и держа руки как в шотландском танце. Атмосфера полной самоотдачи и пьянящей серьезности одновременно с необъяснимой природой движений все это время держала меня в состоянии транса.

На полусогнутых ногах мы вышли из додзо, давая возможность глазам привыкнуть к темноте коридора.

- Что ты думаешь? - спросил я у Криса.
- Этот учитель, мне кажется его зовут Чидо-сенсей, один из тройки лучших в мире. Очевидно, что он очень хорош, - Крис у нас знал все.
- Это немного похоже на дзюдо", - сказал Толстый Фрэнк.
- Ничего подобного, - ответил Крис, - совершенно не похоже.
- Ну что, мы присоединимся или как? - спросил я.
- Не знаю, как вы двое а я точно записываюсь, - ответил Крис, показывая ученику за стеклом приемной, что ему нужна ручка.
- Мне кажется, это все инсценировано, сказал Фрэнк, - Но похоже на хороший способ похудения. Вы видели как высоко они летают, если их кинуть?

Все было решено. Мы все собрались начать заниматься айкидо.

Из ниоткуда появился Пол, английский агент лондонской полиции, пребывавший в отпуске. Он был жизнерадостным и высоким и входил в состав международного обучающего персонала додзо. Пол сказал нам, что год назад окончил жесткий курс гражданских полицейских. Втолкнув нас в маленькую комнатку с автоматами газировки,

он раздал формы для заполнения.

- То, что здесь предлагается - это тренировка, - сказал Пол. - Ничего броского, ничего мгновенного, но если вы задержитесь, то увидите, что оно работает.

Он описал предлагаемую систему обучения. Были обычные занятия, занятия специального назначения и занятия "сеншусей". Мы подписались на обычные занятия, которые были самыми дешевыми и единственными, куда нас могли взять по уровню подготовки.

- А что за курсы "сеншусей"? - спросил я.

- Гражданская полиция, - ответил Пол.

Повисла пауза.

- А вы когда-нибудь встречались с Майком Тайсоном? - это был единственный вопрос, который пришел мне в голову (на стене среди фотографий знаменитостей посетивших додзо была фотография Тайсона), а работа Пола включала в себя ответы на вопросы.

- Нет. Но как вы видите, он приезжал сюда посмотреть на Канчо-сенсея.

Пол сказал, что в доджо все так с уважением называют основателя Гозо Шиоду "Канчо-сенсеем". Я сделал в уме пометку выучить правильное произношение обращения к основателю.

Пол с вниманием изучил каждую закорючку в заполненных нами формами. "Значит, ты учился в Оксфорде?" Я заметил намек на издевку в его голосе и тут же пожалел о раскрытии этой информации. Хотя он и выглядел как адепт боевых искусств, но в душе был любопытным английским "бобби".

Мы купили униформы, которые были выданы прямо со склада, завернутые в полиэтилен. Я свою держал в руках с большой любовью. Внезапно пришло ощущение реальности. Мы решили начать со следующего же занятия для иностранцев, которое должно было начаться в то же утро через полчаса.

После распаковывания униформы мы переоделись в тишине в раздевалке, заполненной серыми пыльными ящиками. Толстый Фрэнк и Крис направились в сторону основного доджо. Я же решил оглядеть раздевалки. Несколько переодевавшихся иностранцев выглядели внушительно мускулистыми и физически развитыми. Я не был толстым, но и не был особо мускулистым. Моя грудь была практически лишена рельефа, и на ней также было не много волос. К счастью нам не нужно было тренироваться голыми.

Тренировочный зал доджо представлял собой большое помещение, устланное традиционными матами "татами" в количестве более 200 штук, под прорезиненным покрытием, что упрощало очистку от пота и крови. На стороне, где занимались новички было огромное зеркало, 10 метров в длину и 5 метров в высоту. Каждый день оно было отполировано газетами и спец-раствором для стекла до идеальнейшего состояния.

Я вошел в основной зал, пытаясь придать себе расслабленный вид в моей новой униформе "доги". "Доги" представляла собой белый верх и низ, пижаму, которую носили все занимающиеся японскими боевыми искусствами. Я был немного разочарован, что моя была почти желтой по цвету, в то время как все остальные носили чудесно-белые пижамы. Крис сказал, что стирка исправит эту проблему. Я планировал стирать свою настолько часто, насколько это будет возможным, чтобы не выглядеть абсолютным новичком.

Японский преподаватель кендо в университете, где я работал, сказал мне что никто из японцев не одевает нижнего белья под доги, когда занимаются боевыми искусствами. Я все же решил свое не снимать, так я себя ощущал поуверенней.

Крис и Фрэнк разминались в углу. Во всем доджо было около десяти неапонцев, которые тоже разминались. Двое или трое японцев тренировали ныряющие кувырки в другом углу, они посетили более раннее занятие, проходившее в 7 утра на японском языке, и все еще оставались в зале. Мне оказалось довольно сложно отличить Фрэнка и Криса от остальных (несмотря на то, что оба были с серьезным перевесом, определенно два самых толстых парня во всем доджо), потому что я был без очков. На расстоянии более пяти метров все уже расплывалось перед глазами. Крис тоже был без очков, но его зрение было не таким плохим.

Я сощурился и распознал Криса и Толстого Фрэнка. Я начал копировать разминку Криса, которую он видимо припомнил со времен своих тренировок кунг-фу подростком. Я не был уверен, разрешалось ли разговаривать в зале, но рискнул. "Крис", - прошептал я, - "почему все постоянно говорят оос! друг другу?". С момента входа в доджо я слышал как сказали, проорали и прошипели "оос!" на входе и выходе по крайней мере пятьдесят раз. Мне показалось, что это какое-то много-функциональное приветствие, как, например, "кокни" (прим. пер. -уроженцы бедного района Ист-Энд в Лондоне) используют "оурайт?". "Знак уважения", - рывкнул он и наклонился к носкам. Крис не одобрял разговоров в доджо.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Взгляд новичка (продолжение)

Кто-то прокричал "сейза" и мы все покорно присели на коленях в линейку лицом к святыне. Священным местом в доджо была деревянная полка содержащая объекты религиозного значения в синтоизме, в том числе вазы, подставки для благовоний, цветы, зеленые ростки *сасаки* и даже фрукты. Мы сидели в сейза (японская поза сидя на коленях) в течение пяти минут. До этого я никогда не сидел на коленях так долго.

После пяти мучительных минут высокий, практически лысый мужчина со светлой бородой энергично прошагал к священному месту. Его звали Роберт Мастард и он был лучшим иностранным учителем в Японии и вероятно одним из лучших иностранных айкидок в мире. Ба том этапе, когда айкидо еще казалось очаровательным и далеким, он поразил меня своей силой и чрезмерной прямоотой; даже показался человеком которого стоит бояться. Старшие ученики выкрикнули команду поклониться и все поклонились.

Мы все распределились по залу и минут десят делали растяжку. Все делалось под счет на японском: "Ичи - ни", - кричал учитель. "Сан - ши", - отзывались мы. "Го - року", - продолжал он кричать. "Шичи - хачи", - мы орали в ответ. Позже я узнал, что программа этой разминки была разработана более пятидесяти лет назад и использовалась вооруженными силами до войны.

После разминки учитель громко позвал всех начинающих подойти к зеркалу. Он взял остальных, у кого были черные или коричневые пояса и отвел в противоположный конец зала.

Я шел к зеркалу и Пол, который тоже был высоким и светловолосым, но не лысим, проорал, чтобы я бежал. Меня это немного шокировало, но по какой-то причине

одновременно и порадовало. Было приятно оказаться в месте, где люди не осторожничали и не боялись давать приказы.

Начинающие, в количестве шести или семи выстроились перед зеркалом и тренировались под руководством Пола. Он выглядел крепким и жестким с его коротко-остриженными волосами и сильными, простыми движениями. Мы, новички, напротив, двигались неуклюже и пыхтели над элементарными движениями, что нам давались для механического запоминания.

Пол был одним из четырех иностранцев, которые прошли курс гражданской полиции предыдущего года. Роберт Мастард, тоже прошел этот курс в 1986 году. Полицейский курс уже преподавался более тридцати лет. Традиционное доджо до сих пор считалось лучшим местом для тренировки "Кидотай", японской гражданской полиции, элитарного подразделения национальной японской полиции. Их обязанности включали от дипломатического полицейского контроля и воздушно-морских спасательных работ до ношения самурайской экипировки во время уличных шествий в Японии.

Из нашего угла я мог видеть как черные пояса кружились, ныряли и кидали друг друга во все стороны. Были слышны громкие шлепки во время их удара об мат, чтобы прекратить падение. Все выглядело слишком сложным и акробатическим для нормального человека. Я пытался сконцентрироваться на текущем здании, которое заключалось в стоянии основной боевой позиции под названием *камае*.

Роберт Мастард оставил черных поясов на какой-то момент, подошел и в два быстрых движения выгнул меня в правильную позицию - согнувшись вперед, словно держа меч, но с вытянутыми руками и растопыренными пальцами. От него пахло сигаретным дымом и чувствовалась сила его запястий; это сочетание мне напомнило отца, когда я был маленьким. "Все начинается с *камае*", - сказал Мастард, - "и все возвращается в *камае*". Он несколько раз принял боевую стойку. Его голубые глаза буравили меня. Я был неспособен оценить знает ли Роберт Мастард айкидо или нет, но он выглядел достаточно устрашающе в его белой пижаме.

Мы тренировали и другие основные движения, в том числе скольжение ногами вдоль маров вместо простых шагов - это был способ плавного перемещения веса тела; мы тренировали вращение на одной ноге, подтягивая другую позади по кругу - это учило нас передвижению всего тела как единого целого, что гораздо мощнее, чем двигать тело по частям или *барабара* на японском.

Движения были приувеличены, чтобы важные принципы (такие как использование полного веса бедер для усиления удара, который мог бы затеряться в естественном движении) были бы подчеркнуты, натренированы и развиты. Этот основополагающий момент в системе Ёшинкан позволяет достаточно быстро довести учеников до высокого уровня айкидо. Тем, кто тренирует только естественные движения, приходится тратить годы прежде, чем они смогут постичь некоторые базовые принципы, которые лежат в основе техники.

Когда занятие закончилось, мы снова сели на коелни в линию, поклонились учителю, священному месту и помощникам учителя. После этого все поклонились всем, с кем работали, бормоча торопливое "Домо аригато гозаймашита" (спасибо большое), прежде чем двигаться дальше. Для меня поклонов было слишком много. Толстый Фрэнк получал особое удовольствие, произнося нараспев "харригата гуззаймашита"м что если говорить

быстро звучало нормально, но на самом деле было двойным ругательством, так как извращало японский язык и подчеркивало специфические характеристики "фаллоимитатора" на иранском (прим. пер. - не буду переводить целиком!)

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Взгляд новичка (окончание)

После занятия один из учеников рассказал историю визита Тайсона. Для всех нас, новичков, было важно, что Тайсон, лучший "боец" в мире посетил доджо, так же как и мы. Это означало, что с тем, чему мы начинали учиться, считались в мире крутых кулаков и нокаутов.

Дон Кинг и Тайсон хотели увидеть "реальную вещь", настоящего мага боевых искусств, такого как в американских комиксах и боевиках, маленького старичка, который мог разобратся с тремя или четырьмя громилами габаритов Тайсона.

Канчо представил свою как всегда потрясающую демонстрацию. Он бросал людей на расстояние в половину доджо без малейших усилий. Когда пять преподавателей возникали перед ним, размахивая ножами и мечами, он уклонялся от их атаки, ныряя и рубя по шее атакующих, так что они валились вокруг него как кегли.

Кинг согласился, что это и вправду была реальная вещь. Тайсон затметил: "а ведь все дело в коленях, да?" Что было невероятно проницательным для первого наблюдения за техникой айкидо.

Канчо был не меньшим шоуменом, чем Дон Кинг, и предложил выполнить замок *никадждо* на Тайсоне. Маленький старичок предложил выполнить болевой на запястье величайшего в мире боксера в тяжелом весе, но Тайсон отказался: "Вот это [он показал на свои руки] застраховано на тридцать миллионов долларов. Я не могу подпустить вас к ним."

Ученик объяснил, что в этом-то и заключается разница между спортом и *будо*, боевыми искусствами. В *будо* себя никогда не жалеешь.

Мы вернулись домой на Фуджи Хайтс, переполненные новыми знаниями айкидо. *Доги* были загружены в стиральную машинку, а потом развешаны на веревке перед входной дверью в квартиру. Соседи, которые раньше пердпочитали избегать шумных соседей вежливо спрашивали "джудо дес ка?". "Нет, айкидо", - мы позволяли себе отвечать с гордостью. Наши белые пояса мы не стирали и не выставляли на показ. Не то, чтобы мы стыдились, что мы новички, просто было приятнее дать людям возможность предположить, что мы уже эксперты. Я убедил себя в верности приметы, что пояс являетсяместищем *ки* или жизненной энергии и что его стирка ведет к расточению этой энергии. Отсюда же шло объяснение происхождения черного пояса - после долгого обучения и тренировок белый пояс естественным путем окрашивался в черный цвет. С введением же экзаменов на черный пояс, стали выдавать готовые черные пояса. Весьма забавный парадокс - в том, что у долго занимающихся айкидо мастеров из черного пояс со временем превращается в белый. Естественно и то, что нетерпеливые пытаются стереть верхний слой своих черных поясов как можно быстрее.

...

По вечерам, когда не было ничего особенно захватывающего типа игрового шоу по телевизору, мы повторяли техники, пройденные утром. Мы не могли тренировать броски, но нам как раз хватало места, чтобы один уложил другого на пол. В то время как Крис предоставлял нам свой критический взгляд, Толстый Фрэнк делал стандартную форму атаки предплечьем в лицо или захват моего запястья своей мясистой рукой. Тогда я обходил атаку и применял замок на запястье или руке, выводя Фрэнка из баланса. В этот момент он должен был быть плавно уложен на землю, что получалось не всегда. Обычно он сопротивлялся и отказывался лететь головой в стопку книг. Мы не были достаточно продвинутыми, чтобы заставить технику работать при реальном сопротивлении, поэтому практическое занятие разваливалось в условиях взаимных упреков и обвинений в отсутствии спортивного духа.

Похоже Крису и Фрэнку айкидо нравилось больше, чем мне. Мне нравился процесс тренировок и посиделки в кафе после, но когда я думал об айкидо, то это было редко связано с предвкушением предстоящего занятия. Тем не менее если я пропускал тренировку, то переживал, а этого для начала было вполне достаточно, чтобы не бросать тренировки.

Что касалось идеи айкидо, то это было совсем другое дело. Это меня действительно интересовало. Я хотел освоить секретные техники, *оги*, которые делали преподавателей айкидо такими внушительными. Конечно, я должен был прежде всего освоить базовые техники, но непосвященным даже в них виделось что-то магическое.

Крису больше всего нравилась техника надавливания на болевую точку на запястьи повыше большого пальца. Он наслаждался, мучая Фрэнка и меня, нажимая на точку и через боль контролируя наши движения. Мы, конечно, должны были притворяться, что совсем ничего не чувствуем.

Я быстро дошел до мысли, что изучение боевых искусств, или хотя бы айкидо, было связано с болью и унижением. Когда мы учились броскам в додзо, мы выстраивались в ряд в углу и один ученик бросал всех по очереди. Я никогда не любил быть бросающим, потому что в это время все глаза были направлены на меня. Каждая ошибка была всем очевидна. В некоторые дни я попадал в гущу унижения и тогда все "бросаемые" выходили из своего ровненького ряда и толпились вокруг меня, давая противоречивые советы.

Однажды у меня почти получилось. Толстый Фрэнк, сделал выпад, чтобы схватить меня за запястье и, удачно подгадав время, я повернулся, почувствовав как его огромная туша набирает скорость, все еще пытаюсь удержать равновесие. Ощущение напоминало раскручивание над головой пакета с покупками. Когда я отпустил, бросок не был чем-то замечательным, но это не имело значения. Я почувствовал абсолютную красоту кругового движения и контроля. Красота и сила. Теперь я понял по поводу чего была вся возня.

Со своим нюхом на информацию, Крис вскоре стал кладезем местных сплетен. У нас появились новые друзья в додзо - Уилл, косой американец, и Пол, полицейский, который открыл себя в лечении Нового Века и современной поэзии. Он также проболтался, что когда-то был бой-скаутом.

Я начал ходить на тренировки в додзо по утрам 3 раза в неделю. Толстый Фрэнк и Крис, имея больше свободного времени - каждый день. Довольно скоро они начали опережать меня, несмотря на их физические недостатки в весе и размере. Фуджи Хайтс превратился из болтающегося без управления суденышка с безразличной командой в подтянутый корабль с ранней побудкой и разумной продолжительностью сна.

Гордость заставляла меня стремиться не отстать от Криса и Толстого Фрэнка, которые теперь изучали все больше и больше техник. Я старался нагнать их, посещая занятия по вечерам, которые проходили на японском языке. Они были более организованными, чем занятия для иностранцев и обстоятельнее по подаче материала.

Именно там я заработал себе врага или мне так показалось. Я тренировался в паре с нервным молодым человеком, который был еще более неуверенным и неловким, чем я. Нас прервал старший учитель, который вел класс, Оямада - он прибрел в нашу часть зала посмотреть как работают новички. У Оямады были редящие волосы, а также невероятно длинное тело и короткие ноги, что представляло собой идеальное телосложение для айкидо. Он подал мне знак, чтобы я захватил его запястье, что я и сделал. Он двинулся в сторону и поднял мою руку, разорвав хват и захватив мое запястье своими лапищами. После этого, на болевом контроле, Оямада резко рванул запястье вниз так, что я почувствовал вес всего его тела. Я обрушился на колени, боль мгновенно разнеслась вверх по руке. Я даже решил, что что-то сломалось и невероятно разозлился.

Я стряхнул его с себя - что, как мне уже было известно, плохо вписывалось в этикет додзю. Оямада просто посмотрел на меня пустыми глазами и ушел. Я не мог понять, что произошло. Это казалось актом бессмысленной жестокости. Боль ушла, серьезных повреждений не было. Но причина мне была неясна - он придрался ко мне, потому что я был иностранцем? или его стиль был реальным айкидо, а то, чем мы занимались, девчачьей имитацией? Ничего, что я испытывал при работе с другими учителями, не могло по силе и боли сравниться с этим.

Я пошел домой и пожаловался Крису и Толстому Френку. Крис уже знал все о Оямаде. Он пытался установить свою репутацию в додзю и не "разбавлял водой" свою технику ни для кого, особенно иностранцев. То, что я почувствовал, была боль, которую можно было ожидать от айкидо "по максимуму". Именно тогда я понял, что надо менять отношение к боли. Я должен был признать, что существовали люди, которые хотели тренироваться как Тессю: по пути принимая боль и также по пути раздавая боль.

Когда я посещал утренние занятия, я все чаще обращал внимание на небольшую группу иностранцев, которые тренировались на дальней части додзю. Ученики в группе внимательно наблюдали за демонстрацией, когда сами не выполняли технику; все до одного они носили белые пояса и насквозь пропитанные потом и забрызганные кровью пижамы. Я обратил внимание на одного молодого мужчину, высокого и атлетически сложенного, у которого было по шести-дюймовому (прим. пер. - приблизительно 15 см) красному разводу на каждом из колен. Казалось, он не обращал внимания на тот факт, что истекал кровью во время выполнения движений, которые требовали от него двигаться на этих самых кровоточащих коленях. Из того конца додзю доносились громкие крики. Учителя словесно и физически оскорбляли учеников. Когда учитель заходил слишком далеко, это даже напрягало.

Крис сказал мне в чайной комнате после занятия, что это были записавшиеся на "Курс". Они были иностранцами, которые учились на курсе подготовки японской гражданской полиции (сеншусей). "Настоящие безумцы", - бормотал Крис. Я сразу же захотел стать одним из них, одновременно осозная, что это вероятно было физически невозможно. Они казались пришельцами с другой планеты, в них было что-то совершенно профессиональное, что делало наши попытки "беззубыми" и неэффективными. На

иррациональном уровне закрепились идея: если хочешь научиться реальным вещам, иди на курс сеншусей.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Общение с людоедами (Начало)

"Нужно всегда носить с собой румяна и пудру. Может случиться, что после отдыха или сна человек выглядит бледным. В таком случае следует нарумянить себе лицо."

Хагакуре

...

Мистер Вада обладал четвертым уровнем черного пояса по кендо, японскому искусству фехтования, и преподавал английский и кендо в школе.

Мы сидели в учительской, пили зеленый чай и разговаривали о *ки*.

- *Ки* находится в наших телах, - говорил М-р Вада.- И во вселенной. Это очень сложная вещь.
- А можно увеличить свое *ки*? - спросил я.
- Мы, японцы, - начал М-р Вада,- это была одна из его любимых фраз в начале речи и была прямым переводом с японского. Я стиснул зубы. - Мы, японцы, верим, что *ки* - это переменная величина. У человека с плохим здоровьем низкое *ки*.
- Может ли *ки* быть другим словом для физического здоровья?
- Я думаю, что *ки* связано со здоровьем, но *ки* очень сложно понять.
- Да, - сказал я, хотя мне *ки* не казалось чем-то особенно сложным для понимания.

Я предполагал, что Вада имел ввиду некую разновидность витализма, представляя *ки* в качестве основной энергии во вселенной. *Ки* давало людям их энергию и также оживляло вселенную. Когда течение *ки* было заблокировано, энергия растрачивалась или рассеивалась - именно это происходило во время болезни. Айкидо стремилось способствовать совершенному течению энергии *ки*, хотя когда спрашивали Чиди-сенсея о *ки*, он брал ключ от шкафчика и говорил "Вот это *ки*! На, возьми немножко *ки*!" (прим. пер. - "ки" по-английски значит "ключ")

- А как ваше *ки*? - я спросил М-ра Вада.
- Мое *ки* очень хорошо, спасибо, - отвечал он.

Мы погрузились в молчание.

- Американцы не понимают *ки*, - сказал он через некоторое время.
- Нет, не понимают, - я всегда абсолютно соглашался с осуждением американской культуры. Мне и казалось, что он хотел критиковать весь Запад, но из политической корректности останавливался на Америке.
- Если бы они правильно понимали *ки*, у них не было бы такой проблемы с наркотиками и преступностью.
- Гм, да.
- Они не видят, что *ки* требует дисциплины. У Соединенных Штатов нет дисциплины.
- Вы правы, - сказал я.
- А как у вашей страны? - сказал он.

- Да и у нас ее нет, - сказал я жизнерадостно. По какой-то причине М-р Вада вызвал во мне желание пошутить.

- Но в айкидо вы учитесь дисциплине, - сказал он.

- Да, в айкидо мы учимся дисциплине.

Затем я вспомнил, что Вада сказал одному из учителей, что мои рубашки не всегда были безупречно чистыми. Как-то это не вписывалось в мои притязания насчет дисциплины.

- Но это больше, чем просто дисциплина, - сказал я, - Это больше.

Канчо-сенсей, основатель, редко говорил о *ки*. Вместо этого он говорил о силе *кокю* - дыхательной силе.

Однажды на пути домой из додзо Пол, полицейский, предложил показать мне местную достопримечательность, которая имела какое-то отношение к силе *кокю* Канчо.

"Вот это - фонарный столб", - сказал Пол. Мы стояли перед фонарным столбом на спуске с холма, где было додзо. "Тот самый, в который Канчо-сенсей врезался на своем велосипеде."

Я посмотрел на столб с повышенным интересом. На нем не было ни вмятин, ни царапин, которые подтвердили возможность столкновения с величайшим живущим практикующим айкидокой. Хотя он выглядел так, словно недавно был перекрашен в светло-зеленый цвет, столь любимый токийским департаментом общественных работ. "Это было давно, где-то в начале семидесятых", - добавил он.

У Пола появилась ироничная искорка в глазу - сочетание немного приподнятой брови и едва уловимой улыбки, которую принимали все уроженцы Запада, когда пересказывали чудесные истории о Канчо-сенсее. Не то чтобы в аварии было что-то чудесное.

"Вообще-то, - сказал Пол, - у Канчо была настолько замечательная сила бедер, что в тот самый момент, когда он въехал в столб, он вложил полный вес тела через велосипед в обратном направлении и отскочил абсолютно без каких-либо повреждений.

Я был готов признать теоретическую возможность такого действия. В конце концов, я видел как от Чиди-сенсея "отскакивали" люди в результате приложения концентрированного напряжения силы бедер через плечи и спину - почему, в таком случае, это не могло произойти через седло мотоцикла и руль? Хотя, насколько я представлял, большинство японских велосипедов должно было развалиться от подобного обращения.

- Но почему он вообще въехал в столб? Уж конечно это не свидетельствует о хваленном шестом-чувстве постоянной боеготовности? - спросил я Пола.

- Ну, это произошло после того как он пил со своими друзьями. Он вероятно был пьян в стельку в тот момент.

Все признавали, что Канчо был алкоголиком. Это было частью мифа, как, например, тот факт, что он выкуривал сотни сигарет в день и все еще мог выполнять удивительные трюки физической выносливости. Он был больше всего похож на Тессю из всех людей, что я когда-либо встречал; он разделял пристрастие Тессю к алкоголю, хотя и не был

поэтом.

Но сейчас ему исполнилось семьдесят восемь, он часто бывал в больнице и весьма вероятно умирал от рака легких.

Из уважения к нему, как к основателю школы Ёшинкан, его прижизненной связи с мастером Уесибой, к его десятому дану и как к величайшему из ныне практикующих боевые искусства, уж не говоря о том факте, что, обладая скверным характером, он вполне мог убивать людей голыми руками - никто не говорил открыто о его болезни. Иногда люди перешептывались на кухне додзо о его здоровье, но не более того.

...

Я видел Канчо только один раз, и то со спины - меня оттеснили кланяющиеся учителя, когда он пришел в последний раз посетить додзо. Он был очень слаб и его официальный темный костюм был крошечным, словно сшитым на ребенка.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Общение с людоедами (Продолжение)

Один из ведущих иностранных учителей, Роберт Мастард, любил задавать один вопрос, чтобы сбить с толку доверчивых новичков: "Какая самая важная вещь в Ёшинкан-айкидо?" Был только один ответ: "Дух". Мастард обладал огромным духом. Если новичок показывал дух, было неважно, если его техника была плоха. Черные пояса третьего-четвертого уровня в отсутствии духа были бы просто проигнорированы Мастардом. Он просто отказался бы их учить.

...

"Ты знаешь, однажды я бросил айкидо?" - сказал он мне...

Мой голос не всегда звучал как мой собственный, когда я разговаривал с Мастардом. Он звучал фальшиво, даже для меня самого. "Почему вы бросили?" - настойчиво спросил голос.

"Политика. Я застрял в политике додзо, поэтому почти год не тренировался. Может раз в месяц или реже. Я перестал *пытаться* заниматься айкидо. Я просто приходил и валял дурака. А потом произошло что-то странное. Внезапно я стал швырять людей без малейшего усилия. В конце концов я понял, о чем шла речь."

Голос определенно подбирал тупейшие вопросы: "И о чем *шла* речь?"

Он улыбнулся, и шлепнул конец изношенного черного пояса на стол. Это был мастардовский способ отвечать на глупые вопросы. Жест означал "тренируйся усердней".

- В тот год я преподавал в младшей высшей школе. Я накопил кучу денег. Я приобрел симпатичную пяти-комнатную квартиру. Знаешь, с моим уровнем, если бы я был боксером, я бы уже был миллионером.

- Конечно-конечно, - я кивнул.

- Если бы у меня был сын, я бы не отпустил его в боевые искусства. Я бы отправил его бросать бейсбольные мячи, как только бы он начал ходить.

- Чтобы он заработал миллион!
- Точно. В айкидо нет денег, во всяком случае, если ты честный и хочешь учить людей реальной вещи.
- Понятно, - *Реальная вещь* - опять эта фраза. Именно этого хотел голос. Быть признанным как реальный.
- И я ведь не молодею. Мне тридцать восемь и все становится сложнее и сложнее. Но с другой стороны -я становлюсь сильнее. По меркам айкидо я сильнее сейчас, чем когда-либо раньше. В этом месте только один человек сильнее меня.

Я задумался, почему он меня пытался убедить. Я уже был "истинно-верующим", о чем и хотел сказать, но голос мне не позволил.

...

Настрой Мастарда был таким же как и у Тессю: "Если нет однозначной решимости, то человек не преуспеет, даже если будет тренироваться годами".

Чида-сенсей теперь был ведущим учителем, с тех пор как Канчо перестал учить, но Мастард был икусным шоуменом. Он знал как вдохновить новичков дав им намек на силу, даруемую айкидо. После занятий он оставался на татами, пока кто-нибудь не задавал ему вопрос. Тогда он звал *уке*, желающего атаковать, и шоу начиналось.

Уке пытался ударить его и Мастард незначительно сдвигаясь в сторону, поворачивался и швырял атакующего на расстояние двух-трех матов. Это был вертолетный бросок. Или еще Мастард мог мгновенно двинуться навстречу атаке, уклониться от нее и снести *уке* прямым входом ладонью в его челюсть, передавая достаточно силы, чтобы после при падении тело атакующего отпружинило от земли.

У Мастарда была "магия", способность бросать людей довольно сильно и практически без усилия. Канчо-сенсей сказал: "Если айкидо не кажется немного поддельным, то это не реальное айкидо". Эта способность изображать подделку была магией айкидо, способностью использовать всю силу тела, чтобы произвести впечатление потрясающих масштабов. Никаких больших рук, никакой раскачанной груди, просто чувство времени и координация веса тела настолько совершенны, что атакующий будет лежать в потрясении на полу еще до того, как поймет, что его ударили. Это было другим определением "магии" - чувство "а что меня стукнуло", ощущение, что приложенная сила чрезвычайно несоразмерна эффекту, оказанному на атакующего.

Объяснение Тессю волшебных способностей проще: "Пустой разум отражает искажения и "тени", присутствующие в разумах других. В искусстве меча "пустой разум" позволяет нам видеть совершенное место для удара; в повседневной жизни это позволяет нам смотреть в чужие сердца."

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Общение с людоедами (Продолжение)

Мы сидели в ресторане Кена, когда Мастард вытянул свои ноги под малюсеньким столиком и заполнил собой пространство. Кен был гавайским японцем, и его жена управляла рестораном. Они подавали отличную ставриду с ароматным рисом и этот ресторан был единственным в округе, не приправлявшим все *аджиномото*, японским глутаминатом натрия.

Мастард держал палочку для еды в одной руке, сжимая ее пальцами, так что средний палец находился под палочкой, а все остальные сверху.

"Люди говорят о *ки* - но что такое *ки*? В тренировках ведь центральным является не *ки*, а то, что нужно уметь отдавать все и то, что нужно быть готовым умереть. Когда ты приходишь в додзю, ты должен развивать такую систему мышления."

...

"Если я вижу кого-то, кто не имеет уважения к учителю я просто уйду. Я не стану учить такого человека. Такено-сенсей ударил бы его, но я просто отойду. Без уважения нет обучения."

Я вспомнил как Фрэнк изобразил легкое недоверие, когда Мастард демонстрировал на нем технику как-то после занятия. Инстинктивно Мастард выполнил технику на Фрэнке в полную несдерживаемую силу. Фрэнк поднял себя с пола, ухмыляясь извинительно и потирая плечо. Прошло около месяца, прежде чем плечо зажило.

Мастард держал свою палочку. "Смотрите"

Он легко ее сломал.

Я попробовал повторить трюк, но в результате только посадил серьезный синяк на среднем пальце. Палочку легко разломить или разбить, но сломать ее используя только ограниченную силу пальца, а не руки сложно.

"Для этого нет *правильной* техники, - рассмеялся Мастард, - только годы тренировок." Затем он сломал две палочки сразу. Потом три. Он ухмыльнулся нашим удивленным лицам и сказал, "Я знаю только одного японского учителя, который мог бы сломать четыре."

В моем понимании Мастард имел героическую черту, которой я давно хотел обладать: эдаким достоинством истинного мачо, которому, мне кажется, он научился у своих японских учителей. Кроме того он был мазохистом, жестким человеком, пьяницей и сентиментальным человеком. Он часто нес ерунду и я знал, что это ерунда - все, что касалось воинского духа и готовности умереть в любой момент - но тогда и там эти слова имели смысл, они заполняли пустоту во мне, сентиментальную бесполезную пустоту созданную годами здравомыслия и предупреждений одевать защитный шлем, когда садишься на велосипед. Это были дикие вещи и их говорил взрослый человек. Он также был "мастером" - он мог претворить слова в действие. Такие люди обладали серьезной силой и я позже смог оценить всю глубину решения сделать подобного человека своим героем.

Однажды Мастард спросил меня невзначай, не собираюсь ли я пойти на полицейский курс. Я был слишком удивлен, чтобы ответить. В итоге я промямлил "может быть". До тех пор я был уверен, что обязательным требованием для зачисления на курс было обладание черным поясом, если не в айкидо, то по крайней мере в другом боевом искусстве. Мастард имел уже черный пояс третьего уровня, когда восемь лет назад пошел на курс сеншусей.

Начав заниматься айкидо в Японии в штаб-квартире в Токио, я мог проскользнуть через

заднюю дверь. Если бы я подал просьбу о зачислении на курс извне Японии, требования были бы более строгими. Но если я продолжу тренироваться усердно (т.е. каждый день в течение следующих шести месяцев), они могут позволить мне попасть на курс гражданской полиции.

Но был ли я достаточно хорош, чтобы выдержать одиннадцать месяцев сложных тренировок, пять часов в день, пять дней в неделю? Я не знал. Я действительно не знал. Я спросил Даррена, бывшего прыгуна из Австралии, который закончил полицейский курс в тот же год, что и Пол. Даррен был таким же крутым, как и все остальные в додзо, но он был открытым и скромным, что упрощало общение с ним по сравнению с Полом. Даррен был одним из шидоинов (ассистирующих учителей) для следующего курса сеншусей. "Если захочешь, то сможешь, - сказал он, - Все именно так. Просто надо захотеть. Имей ввиду, когда я закончил курс, думал, что никогда не смогу бегать, мои колени были в плохом состоянии..."

Студенты курса гражданской полиции были известны как "сеншусей", проходящие обучение специалисты, и в конце года он получали разрешение на преподавание. Но в течение года к ним относились как к низшим членам додзо. Они лишались статуса обладателей черного пояса и должны были носить белые пояса во время курса как символ смирения. Они должны были чистить туалеты и душевые и чтить учителей как богов.

Метод обучения мало изменился со времен Японской Имперской Армии, духовным приемником которой являлась современная полиция; японская армия или силы самообороны были подвержены наибольшему вниманию американских оккупационных войск и прошли более тщательную чистку от японского милитаризма.

Учитель лишен беспокойства о привлечении студентов и даже их удержании. Он может быть настолько тверд и жесток, насколько пожелает, и все равно продолжит получать зарплату от попечителей додзо. В число попечителей додзо Ёшинкан входила корпорация Сасакава, которая была известна своими традиционными, если не ультра-националистскими, симпатиями. Сам Сасакава был заключен в тюрьму под категорией А военных преступников с 1945 по 1948 гг.

И Канчо и его отец были членами ультра-националистского общества Черный Дракон, секретной довоенной группировки, к которой также принадлежал Сасакава. Настойчивость на "Духе" в Ёшинкан айкидо произошло из того же философского обоснования, что и ультра-националисты, хотя указанием, со времен войны, стало сделать "Дух" личным стремлением, а не националистическим идеалом. Канчо, я уверен, был не очень заинтересован в политике, но его мышление больше склонялось вправо, чем влево. Если полиции требовался кто-то для наполнения ее офицеров "Духом", айкидо Ёшинкан было совершенным орудием, с его довоенной националистической репутацией и послевоенным успехом в качестве жесткого и методичного боевого искусства.

"Дух" тогда был довольно недавним культурным приобретением в изучении айкидо. В отличие от разнообразных школ искусства боя на мече, айкидо, до конца девятнадцатого века, было в основном секретной формой джиу-джитсу. Оно передавалось по наследству в знатных семьях, преподавалось только верным слугам и дыновьям аристократов. *Ямато Дамаши*, Дух Японии, был широко распространенной культурной идеей на протяжении всей истории существования Японии, но была введена в айкидо в националистическую эпоху 1920-30х. Даже тогда это было только айкидо Ёшинкан, которое поддерживало эту связь, Другие формы айкидо отражали философские верования их ведущих мастеров. Уесиба, отец-основатель современного айкидо, в большей мере объединил его айкидо с

эксцентричным религиозным культом Омото. Томики, который учредил "спортивное" айкидо, был более подвержен влиянию педагогической системы департамента образования Университета Васеда. Только Канчо придерживался истинному довоенному представлению "Духа". Обучению "Духу" и был посвящен курс сеншусей.

Моя физическая форма улучшилась за последнее время занятий айкидо Я дополнил это, став членом дорогого спорт-клуба, заполненного женщинами в эротично обтягивающих спортивных брючках и беговыми дорожками. Хотя раскачивание тела и считается большинством серьезных айкидок пустой тратой времени, тем не менее я чувствовал себя лучше с чуть большим количеством мышц. Я тренировал падения на пористых гимнастических покрытиях. Падения, как я полагал, будут представлять проблему. Я мог делать кувырок вперед, но падение, вроде кувырка вперед в воздухе, было для меня сложно освоить. Все говорили, что если ты не можешь падать до начала курса, у тебя будут серьезные трудности, потому что тренировка требует выполнения большого количества падений. И если ты не сможешь падать из броска, то получишь конкретную взбучку.

Я начал бегать, выбегая из Фуджи Хайтс рано вечером, пробегая мимо железнодорожных путей до ближайшего парка Шакуджикоен. Я оббегал вокруг озера в парке несколько раз, высматривая каймана, которого там заметило местное телевиденье. Я так его и не увидел. Как и не увидел утку с арбалетной стрелой, застрявшей в шее, еще одного недавнего беженца по данным прессы.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. Общение с людоедами (Окончание)

Было сложно сравнивать себя с теми иностранцами, которые сейчас проходили курс сеншусей. Я не знал как они выглядели до начала курса. Сейчас, в середине, они все казались очень сильными и физически развитыми. Только Ник, англичанин, которого, как я видел, запугивал Мастард, был настолько неловким, что все еще делал странные ошибки в базовых движениях.

Студенты сеншусей избегали говорить с обычными учениками и сидели, мрачные и неулыбчивые, в раздевалке между занятиями. Я видел их только после занятий. Они все выглядели молодо с тонкими жилистыми телами. У одного из них была челку как у попугая Какаду, что казалось весьма скандальным для гражданского копа, но возможно конечно большую часть времени она была бы скрыта под шлемом.

Я знал, что если бы я начал курс, то уже не смог бы бросить. Слишком большой был бы удар по моей гордости.

...

Я задумался об остальной моей жизни. Что мне было терять? В конце концов это было всего лишь на год. Если сравнение возможно, то эквивалент начальной подготовки в школе Тессю занимал три года. С течением месяцев я развил в себе ощущение неизбежности. Я говорил об этом так много, медитировал над вероятными травмами, промывал себе мозги идеей, что курс был единственным способом моего реального прогресса в боевых искусствах. Большое решение постепенно растворилось в месяцах агонии подсознательного процесса самоубеждения в собственных способностях. Когда я заплатил деньги и отдал все формы, включая одну, где взял на себя всю ответственность

за возможные повреждения и летальный исход, это вовсе не казалось таким уж большим делом.

Когда бы меня не видел Мастард, он начинал посмеиваться надо мной и приговаривать: "Ты - мой! Ты- мой!", что очевидно должно было послужить мне предупреждением.

За три месяца до начала курса сеншусей была устроена "интернациональная вечеринка". Все иностранцы, которые занимались айкидо в доджо и японский состав участвовали в ней. Я разговаривал с Ником, который решил бросить курс за два месяца до окончания. У него было печальное лицо и он нервно тушил сигареты о кусок дыни. Под стрессом у Ника развилась астма. Во время занятия в режиме "хаджиме" (постоянная тренировка без отдыха) с японским учителем, который обладал репутацией безжалостного, у Ника началась гипервентиляция. Учитель заметил, что Ника перестал тренироваться, подошел и начал орать на него. А потом ударил его по лицу.

Ник сказал мне: "Я действительно испугался. Я говорю о том, что это Япония. Я совершенно не знал, что он собирался сделать. Он мог сделать что угодно..." После того как учитель ударил его, он заставил Ника сделать несколько серий вездесущих "кроличьих прыжков" (*усаги тоби* - стандартное наказание в Японии, упражнения, которые типично по-японски выглядят мило и глупо, но на самом деле требуют большой усилий). Сейчас *усаги тоби* запрещены в японских высших школах в качестве наказаний из-за летальных исходов. Вероятно они также не являются и лучшим лекарством от гипервентиляции. Это привело Ника в крайне напряженное состояние. Беременность его девушки стала последней каплей, он оставил курс и уехал из Японии.

Другой учитель, Шиода-младший, сын основателя славился особой жесткостью в отношении к неяпонцам. Поговаривали, что это был результат его вынужденного трехлетнего проживания в Англии в 1980-е, куда отправил его отец, в то время закладывавший фундамент для своих международных связей. В те годы молодому Шиоде Англия показалась жалким местом. Молодые женщины, вероятно, смеялись над его чудным и изковерканным английским и как его литературный предшественник Натсуме Сосеки, он тосковал в холодном и мокром английском климате.

Говорили, что из-за неприятных английских воспоминаний, его вендетта против *гайдзинов*, была особенно заметна в отношении англичан.

Все это казалось слишком нелепым, чтобы быть правдой, но когда он подошел ко мне на зимней вечеринке в доджо, его манера общения была необоснованно агрессивной, хотя английский очень хорошим. Со своим монотонным, но почти истеричным допросом, Шиода-младший в свои 43 года, показался мне исключительным воплощением садистского офицера японской армии 1941 года.

- Почему ты решил учиться на курсе сеншусей? - вопрошал он.
- Я очень интересуюсь японской культурой и верю, что айкидо хорошо воспитывает Дух, - был дан стандартный ответ.
- Ага, Японский Дух. Это очень важно. - Он уставился на меня с вызовом, - Японский Дух - самая важная вещь!
- Японский Дух - очень интересен, - сказал я.
Он коротко кивнул и ушел.

- Ты ему понравился, - сказала мускулистая израильская девушка, сидевшая рядом. Как и

многие из бывших израильских военных, она перекочевала в боевые искусства и столь же умело использовала ругательства, как и остальные мужчины.

- С чего ты взяла?

- Потому что он улыбнулся.

- Он не улыбался.

- Если не считать садистский смех, то самое близкое к улыбке - это когда он кивает. Кивок - это улыбка. Поверь мне, если ты ему не понравишься, то ты это действительно поймешь.

Адам, другой будущий сеншусей, тоже на той вечеринке прошел через допрос Шиоды.

- Какой неприятный парень, - сказал он, слегка показав головой в сторону

Шиоды-младшего, который в тот момент сидел. - Он сказал мне, что я слишком полный для занятия айкидо.

- Ты немного полноват.

- Я знаю, но я о том как он это сказал; так словно он думал освежевать меня и зажарить на обед. В нем есть что-то людоедское.

После сидячей части вечеринки мы переместились в ночной клуб в Шинджуку сан-Чоме, квартал красных фонарей в Токио. По пути к станции Оямада-сенсей, схватив Майка "Толстяка" Стумпела за голову и выполнив движение айкидо, засунул его в живую изгородь. Толстяк был сеншусеем и со своими 6,2 футами (прим. пер. - 189 см) серьезно возвышался над Оямадой. Но Оямада был учителем, поэтому Толстяк мог только кротко улыбаться. Я обратил внимание, что весь остаток вечера он вынимал из ушей ошметки кустарника.

В ночном клубе, дискотеки в стиле регги, под названием "МС 1000", я впервые познакомился с Роландом "Терминатором" Томсоном, австралийцем шотландского и ирландского происхождения с примесью китайской и аборигенной крови для ровного счета. Он был известен как единственный человек, который смог противостоять болевому контролю *никадзо*, выполненному Канчо. Его звали "Терминатором" потом, что после одного занятия с ним ты, как нам сказали, чувствовал, что тебе пришел конец и не хотел уже продолжать. Я, по простоте душевной, спросил есть ли у него совет для новичка. Роланд рассмеялся с издевательской иронией, что меня совершенно смутило. Он был моим ровесником, но с эго рыжими волосами и изрытым оспой лицом в форме картофелины, покатыми плечами, большими запястьями и шести-футовым телосложением, он казался старше, безобразнее и бесконечно круче. У него было тихое и очаровательно рассеянное поведение в трезвом состоянии. После нескольких стаканов он становился жестче, грубее и более опасным.

Нынешние студенты курса сеншусей поделились своими советами. Майк "Шип" Кимеда, наполовину канадец, наполовину японец, отец которого был известным учителем айкидо в Торонто, сказал: "Обеспечь, что всегда есть кто-то, кто хуже тебя. Это твоя страховка. Если кто и сломается, то это будет парень снизу, а не ты."

"Толстяк" Стумпел, другой канадец, сказал мне: "Ты не можешь подготовиться к курсу. Он задуман так, чтобы подтолкнуть тебя дальше, чтобы ты мог двигаться сам по себе. Ты не можешь подготовиться так, чтобы делать шестьсот подъемов корпуса или час *джиу-вазы*, практике против любой возможной атаки, которая истощает после нескольких минут."

Оба, Толстяк и Шип должны были стать ассистентами (*севанинами*) на моем будущем курсе. На самом верху был учитель, затем шел *шидоин*, затем *севанин* и в самом низу

студенты сеншусей. Все издевались над уровнем ниже их, а над студентами сеншусей издевались все.

Джон Коффей, американец и еще один крепкий парень (он был третьим даном и закончил курс три года назад - его брат был ведущим хоккейным игроком Пол Коффей), говорил мягче и имел более философский подход. Он посмотрел на меня взглядом Марлона Брандо в фильме Апокалипсис сегодня. "Я помню, что после окончания курса я пошел в горы к так называемым отшельникам. Это были Дзен-буддисты, вся атмосфера была очень сдержанной и даже суровой. Нам давали очень мало еды и лишали сна. Мы стояли под ледяными водопадами - и все в том же духе. Через несколько дней я стоял в этой ледяной воде и вдруг меня накрыло осознание. Внезапно я понял, что мое тело было дерьмом. Это не было моим мнением - я просто это знал. Всего лишь дерьмом, мусором, а вовсе ни чем особенным. И знай я это до начала курса, многие вещи были бы... проще." Он улыбнулся и я заметил разные маленькие шрамы на его лице.

Я решил уйти от запахов и шума ночного клуба. Мне нужен был свежий воздух. Много свежего воздуха. Как только я торопливо попрощался, Роланд зафиксировал на мне взгляд своих серых водянистых глаз. "Опасная вещь это айкидо. С айкидо ты можешь убивать людей." Он не улыбался. "Спасибо, Роланд, - сказал я и поспешил к выходу, раздумывая почему собственно мне хотелось стать таким же как они.

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. С пеной у рта (начало)

"Привязывай даже жареного цыпленка."

Хагакуре

...

Первый день курса гражданских полицейских был как тому и полагалось 1 апреля. Церемония открытия проходила в дождь под огромным флагом с восходящим солнцем на стене. Полиция начинала на месяц позже. Опоздание тянулось с королевской свадьбы, что была предыдущей весной. Ито, старший ученик, отдающий команды таким же голосом, что и Чидэ (его наставник), построил международный состав к открытию и посадил нас на колени на те десять минут, пока бывший министр иностранных дел держал длинную речь. Я заметил, что все высокопоставленные лица сидели на стульях.

...

Когда называлось имя студента курса сеншусей, он должен был вскочить на ноги как можно быстрее и проорать свое имя и национальность. Считалось хорошим тоном орать как можно громче. Нам объяснили, что гражданские полицейские не мямят. Канчо был слишком болен, чтобы присутствовать. Это была первая за 30 лет полицейская церемония, которую он пропустил.

...

Я осознал, что мы были своеобразным иностранным классом на курсе сеншусей. Иностранцы, которые искали очищения и были жизненно непристроены, можно сказать даже отшипенцами, которые искали спасения через наказание в виде жизни в дождь в повышенных условиях дисциплины. Было слишком поздно беспокоиться, что возможно я бегу от жизни, слишком поздно думать о всем разнообразии свободы, от которого я должен был отказаться. На ближайший год все мы переходили в собственность айкидо

Ёшинкан.

Курс сеншусей начинается с нуля. Он не предполагает наличия знания айкидо кроме нескольких элементарных вещей. Для тех, кто уже имеет черные пояса, смысл заключается в том, чтобы избавиться от плохих привычек посредством возвращения к основам. Темп курса очень высокий. В течение года у нас должно быть больше тренировок, чем у человека, который тренируется по часу в день четыре раза в неделю на протяжении пяти лет. Тем не менее в додзо требовали определенный уровень способностей прежде чем начать курс, чтобы поддерживалась высокая скорость обучения.

На протяжении курса предполагались четыре экзамена. Третий экзамен - на черный пояс, а последний - на обладание инструкторской лицензией и сертификатом о завершении полицейского курса.

Нам раздали руководство, переведенное с японского, в котором были содержалось приблизительное расписание на год, там же были прописаны наши обязанности. Каждом семи- или восьми-часовой день, проведенный в додзо, мы должны были потратить два часа на уборку, посещение собраний, занесение заметок в дневники и быстрое поедание еды. Вне додзо мы посещали тренировочные лагеря, а так же экскурсии и демонстрации.

Дважды в неделю мы начинали в 7.15, тогда перед первой тренировкой айкидо проходило полчасовое занятие японского языка.

Все тренировки длились по часу или полтора, хотя могли быть растянуты и до двух часов, если учитель хотел нас наказать. Было три таких занятия каждый день. Включая время на разминку и сидение в ожидании в *сейза*, болезненной "самурайской" позиции на коленях, мы должны были проводить пять с половиной часов в день, пять дней в неделю, в течение года, в тяжелых физических тренировках в одной и той же комнате размером 30х15 метров с твердыми матами на полу.

В каждом конце комнаты, додзо, весели часы. Они должны были проверяться каждый день и иногда подводиться несколько раз в течение дня, так как постоянно то спешили, то отставали. Эти часы управляли нашими жизнями.

Первое занятие было широко разрекламировано как самое сложное. В предыдущие годы люди бросали курс сеншусей после первого занятия, а некоторые из них также совсем бросали айкидо. Я гадал, кто на нашем курсе сломается первым.

Первый месяц использовался для исключения тех, кто не мог адаптироваться к стилю тренировок курса. В течение года количество иностранных студентов упало с шестнадцати в начале до четырех в конце. В предыдущем году было потеряно семь учеников в течение всего курса. Японцы редко сдавались, за исключением травм. Иностранцы не всегда были столь же крепкими. Но они не занимались этим профессионально, как полицейские.

Один двадцати-трехлетний канадец ушел с курса через три дня. Это было в предыдущий год. Он сказал мне, что просто не любит, когда на него кричат. Но вместо того, чтобы чувствовать вину, он остался и тренировался два раза в день на обычных занятиях. И хотя обладатель черного пояса, закончивший курс сеншусей ценится выше, чем обладатель обычного черного пояса, он сдал экзамен в то же время, что и другие, проходившие курс, с которого он ушел. Это как раз и было планом, которым собирались следовать Крис и

Толстый Фрэнк. При удачном стечении обстоятельств, мы все должны были сдать на черный пояс в одно время, хотя я должен был еще пройти три дополнительных месяца тренировок на инструкторский уровень.

Мы содели в одну линию на коленях и ждали прихода нашего первого учителя. Это было раннее занятие, поэтому все знали, что он будет иностранцем. За минуту до начала тренировки, пять или шесть других западных учителей присели на колени в одну линию с нами. Они должны были участвовать в качестве свидетелей или ассистентов в том беспределе, которого мы ждали.

В тот момент, когда часы ударили половину, Роланд Терминатор зашел в зал. Мы выполнили процедуру поклона и подпрыгнули в ожидании приказа.

Задание было очень простым. Каждому было показано место куда бежать и когда отдавался приказ, каждый должен был добежать до своего места как можно быстрее. И тогда мы должны были бежать обратно и выстраиваться в линию. И обратно на места. И потом снова в линию. И потом снова на места. КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ.

Вскоре голос Роланда становился пугающим и истеричным по мере совершения людьми неизбежных ошибок. Каждая ошибка наказывалась серией *усаги тоби* (крольчих прыжков, которые сначала казались довольно забавными, но после пятнадцати или шестнадцати серий новизна начинала стираться).

Когда мы научились как вставать на наши места, мы начали практиковаться *камае*, базовой боевой стойке в айкидо. Сначала мы встали в правостороннюю *камае*, а потом в левостороннюю *камае*.

Крики Роланда и его пяти ассистирующих ему мучителей были несравнимы ни с чем испытываемым мной до этого. Это был чистейший лагерь для новобранцев. Я слышал оскорбления людей со всех сторон. "Еще одна ошибка и ты вылетишь", - Роланд орал на Адама, который был еще менее опытным в айкидо, чем я. Снова и снова мы скакали кроликами вокруг доджо. Это было абсурдно и тем не менее возбуждающе. Роланд подошел и стал рычать мне в ухо. "Опусти свой центр. Опусти. ОПУСТИ!" Я запутался и он почувствовал во мне жертву. Он подошел ближе и заорал громче. Каким-то образом я осознал, что должен собраться или его наезды никогда не закончатся. Я фактически вернулся на школьный двор. Я неистово сконцентрировался и отразил вызов. Как если бы все сработало, он инстинктивно попятился и начал придирается к другим.

К этому моменту крольчих прыжки начали немного затухать. Нас накрыло новой волной оскорбительных криков и ругательств, чтобы мы зашевелились. У всех легкие практически разрывались от нехватки воздуха. Люди начали падать во время прыжков.

Тут вступили "ассистенты". Они собрали вместе тех, кто выглядели на грани обморока и забросали их ругательствами и оскорблениями. Было ощущение, что по всему залу разрываются бомбы и что действие разворачивается в кошмаре первой мировой и что я мог бежать, но не мог избежать минометных атак ревущих "инструкций".

Только в один момент я неожиданно подумал: Что я здесь делаю? Почему бы тебе просто не уйти? Я быстро избавился от этой мысли. я знал, что не мог себе позволить роскоши этой мысли, если хотел продержаться год.

По сравнению с остальными, мне казалось, я справлялся нормально. У Адама было больше всего проблем, но потом казалось его посетило второе дыхание и он стал бешанно скакать как заводной кролик-самоубийца.

И потом с криком *я-ме* (стоп) все закончилось. Мы стояли во внимании сопя и истекая потом как старики. Роланд едва ли взглянул на нас перед тем, как распустить группу.

Полчаса на подготовку к следующему занятию. Я выпил литр воды и свалился на пол в раздивалке. Стефан Отто, один из ассистентов Роланда и бывший чемпион-тяжеловес из Баварии, подошел и похлопал меня по спине. "Ты работал хорошо. Я был удивлен. Но это было хорошо, хорошо."

Отрывки из "злых белых пижам" Твиггера. С пеной у рта (продолжение)

Следующее занятие вел Чиди-сенсей. Мы все ожидали худшего. Вместо этого Чиди прочел нам лекцию. Он выстроил нас в ширенгу и стал смеяться над нашим ростом. "Слишком высокие для айкидо, - сказал он, - все лучшие люди, как Уесиба и Канчо-сенсей, были маленького роста." Он сказал нам, что мы опережаем команды, а не следуем им. "Это психологическая негибкость. Человек, который предупреждает собственные действия до их выполнения, не может устоять на месте. Не умеет ждать. Его время вечно на исходе. Он сигнализирует о каждом ударе и его оппонент легко и точно читает его мысли. Вы не можете планировать бой."

Мы стояли пристыженные. На нашем первом занятии нам сказали, что мы слишком медленные. Теперь мы были слишком быстрыми. То, чему нам следовало научиться - корректная манера работы.

Мы слишком старались. Либо старались не так. Проблема заключалась в том, как стараться без "старания". Потому что в конце концов усердия недостаточно, еще должны быть и результаты. вы должны выиграть бой, потому что поражение может означать смерть. Как победить, не заботясь особенно о том, кто станет победителем?

Мы все ответили неправильно на этот вопрос и Чиди сказал: "Это не обычное занятие. На обычных занятиях мы говорим что-то и люди забывают, поэтому мы повторяем снова. На тренировках курса сенсусей мы говорим только один раз. На тренировках курса сенсусей вы не можете забывать. Вас учат один раз и вы учитесь сразу."

Он сказал это без намека на иронию в голосе. И тут же замолчал - на какой-то момент предупреждение повисло в воздухе как угроза. Он продолжил мягким голосом: "Когда я пришел в додзю и стал учеником, я написал завещание. Я знал, что в любое время могу быть убит Канчо-сенсеем. Я написал завещание потому что хотел быть готовым к смерти". В конце последнего высказывания возникла еще одна длинная пауза.

Чиди закончил серией упражнений на наращивание жизненной силы. В одном из упражнений мы просто сидели на полу с поднятыми ногами, вытянув их вперед. Через пять минут мы все тряслись и дрожали от усталости. Чиди-сенсеем было сорок пять лет и через десять минут он сохранял невозмутимый вид, продолжая вытягивать ноги вверх. В действительности, он создавал впечатление, что он мог продолжать это упражнение вечно.

Я позже узнал, что есть фокус, позволяющий проявить такого рода чудеса ловкости. Фокус заключался в том, что когда вы напрягаете мышцы пресса, вы также невольно напрягаете соседние мышцы. Некоторые из них тянут в противоположном направлении от поднятия ног, таким образом вы фактически работаете против себя. Это ведет к быстрой усталости мышц пресса в независимости от вашей силы. В действительности даже чем сильнее вы, тем сильнее непроизвольная работа мышц тянущих в противоположную сторону. Вместо этого надо расслабить пресс и сконцентрироваться на мышцах, напрягающих бедро и соединяющих бедренную кость с тазом. Для этого необходимо поддерживать спину прямой. Айкидо учит высокому телесному осознанию и требует способность изолировать и расслаблять конкретные мышцы, и потому облегчает осуществление таких "чудес".

Первые недели курса были призваны оценить *конджо*, или выдержку. Это был традиционный японский метод обучения. Если тебя просили сделать двести отжиманий, то это больше относилось к психической выдержке, чем по причинам физического развития. Японские учителя не были заинтересованы в мягкой работе. *Конджо* требовало, чтобы они нас напрягли до невозможности.

Первое занятие прошло в субботу. Тренировки возобновились в 7.15 утра во вторник. У меня было два дня до начала реального натиска.

...

К утру вторника я был все еще настолько одеревеневший, что с трудом мог забраться по ступенькам доджо. Сеншусеям запрещалось использовать лифт.

Однажды мы делали уборку доджо. Адаму и мне были поручены туалеты "как минимум на три следующих месяца". Это определенно была худшая работа, но она имела свое преимущество, позволяя хорошо разогреться перед тренировкой, посредством энергично драить писсуары и полировать трубы. Держатели туалетной бумаги должны были как минимум иметь зеркальный вид, как собственно и крышки электро-розеток. Адам мыл пол шваброй. Пол сказал нам, что уборка была составной частью курса. "Это хорошая тренировка" - сказал он. "Я хочу тебе сказать, - заявил Адам, выглядывая из-за туалетного бачка, - мы станем гнуснейшими гребанными уборщиками во всем мире, когда это все закончится!"

Ко второму занятию Адам был слева от меня и трясся от напряжения. Все его тело непроизвольно содрогалось, когда он склонялся над передним коленом, руки вытянуты вперед, словно в трогательном преклонении перед божествами. Мы выполняли базовые повороты, начинающиеся из стойки *камае* и заканчивающиеся положением, в котором тело вытягивается вперед и переносит практически весь вес тела на переднюю ногу. Руки тоже вытянуты вперед. Упражнение обычно выполняется несколько раз перед занятием. Мы же занимались этим около часа, с длинными интервалами удерживания положения тела над передним коленом. Люди кричали в агонии. Адам, Крейг и Большой Ник были самыми крикливыми - они также были самыми тяжелыми, что означало, что они больше всего напрягали переднее колено.

Завывание и крики были так ужасны, что некоторые из учи-деши (внутренних учеников - японцев) выглянули из офиса, чтобы посмотреть. Они сделали вывод, что мы были самым шумным курсом сеншусей за все время.

К этому моменту вызывающие крики Адама превратились в низкое завывание в перемешку со странными стонами. Я обратил внимание на некое количество белой слюно-образной субстанции на его подбородке: впервые я видел в прямом смысле пену у рта от физического напряжения.

Младший Шиода казался равнодушным. Время от времени он поворачивал свою спину к нам и смотрел в окно на стройку внизу.

Толстяк, канадский *севанин*, бывший сеншусей и теперь ассистент на курсе, бегал вокруг, пытаясь "поощрить" нас. "Используйте боль, - кричал он, - Бен, вставай, не обманывай сам себя!" Одним постоянным рефреном было : "Живей, сеншусеи, где ваш дух!"

Дух Адама как раз собирался покинуть его. Стоны приняли форму тоскливого йоделя, в то время как все его тело поднялось в конвульсивной волне дрожи. Его лицо стало ярко фиолетовым, хотя его руки были бескровно белыми. Потом он упал на пол, два раза дернулся и остался лежать неподвижно. Мертвецки неподвижно. О Боже, подумал я, он умер. У него случился сердечный приступ и он умер.

В ужасе никто не двинулся со своего места, хотя определенный просвет был замечен, словно высшая целеустремленность Адама заработала всем остальным отдых.

Толстяк крикнул на Адама, который так и лежал без движения на полу. Шиода смотрел на часы и не замечал припадка Адама. Нам было сказано никогда не сходить с места без команды. Я глянул на Уилла. Уилл глянул на Адама, который неподвижен как мертвый, по крайней мере свободный от физической боли, которая нам всем предстояла.

Мой партнер по тренировке, Рэм больше не мог стоять. Он нарушил строй и помчался к Адаму, который забулькал, когда Рэм постарался привести его в сознание. Толстяк подошел, за ним последовал озадаченный Шиода. Все мое недовольство было направлено на Шиоду. Теперь ты доволен, думал я. Теперь когда ты кого-то убил. В то же время это было невероятно интересно.

Но Адам не был мертв. Толстяк проказал Рэму вернуться на свое место и после этого поднял Адама. "Не выгоняйте меня,- пробулькал Адам в бреду, - Позвольте мне остаться! Не вышвыривайте меня с курса!"

Адама оттащили в сторону и Шиода приказал Толстяку вывести его наружу подышать свежим воздухом. Но Адам не пошел. Он уцепился за настенный турник и умолял позволить ему остаться. Он действительно верил, что если покинет додзо, ему уже не позволят вернуться. Шиода пожал плечами и Адам тяжело сел, лицо его было в пятнах.

Адам дал всем десяти-минутную передышку. Последние двадцать мину занятия прошли в забвении, стоны сократились до приглушенного минимума.

Адам даже присоединился в конце занятия, спотыкаясь, с гордым видом раненого ветерана. После занятия он рассказывал как начал галлюцинировать, воображая, что "они" пришли за ним. Под "ними" подразумевался персонал додзо, который внушал ему суеверный страх.

- Они не выгонят тебя за обморок, - сказал Дэнни.

- Это был не обморок, - парировал Адам, - это был колоссальный приток страха. Этот парень, Шиода, действительно меня пугает.

- Ты принял невероятно фиолетовый свет, - сказал я.
- Я думал ты умер от кровоизлияния в мозг, - сказал Бен.

Адам явно был доволен таким предположением. Он любил внимание и явно получил гораздо больше честной нормы. Даже преподаватели делали комментарии. Во время ободряющей речи перед занятием, Стефан, немецкий ассистент учителя, отметил силу духа Адама. В его баварской версии английского языка он упрекал нас за недостаточное старание: "Вы знаете, как в Древней Греции, проводились борцовские матчи. Иногда до смерти. Иногда человек умирал от сильного старания. И такой человек признавался победителем, а не его оппонент. Потому что нужно полностью отдаваться. Вот, во что верили древние греки, и это верно. И сейчас Адам здесь старается сильнее всех, потому что он тренировался так серьезно, что потерял сознание. Это правильный дух. Это дух сеншусей".

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. С пеной у рта (продолжение)

На следующий день, на занятии Оямады, Адама стошнило. Он вылетел из додجو как раз вовремя, чтобы добежать до раковин в туалете.

По протоколу доджо не требовалось спрашивать разрешения выйти, когда тебя тошнит. Если ты не успеваешь убраться с матов, то должен был просто засунуть головы за пазуху собственного "доги" и тошнить туда.

На тренировке Чиды из носа Адама неожиданно ливанула кровь.

Первая неделя переходила во вторую и затем в третью, и казалось, что Адама начинал истощать свои способы привлечения внимания. Он все еще мягко постанывал во время сидения в *сейза* на любом промежутке времени. Он утверждал, что травма, полученная на скейтборде, искривила колени, что делало сидение на них очень болезненным. Вполне вероятно, что так и было, но у всех уже появлялись собственные повреждения и люди проявляли меньше сочувствия.

Неожиданно Адам вскакивал с низкого положения на коленях в более высокое, нарушая симметрию ширенги. Люди ворчали и говорили ему сесть. Японские ученики хихикали и Адам подводил группу. Неохотно он опускал свой вес и возвращался на колени, истинный мученик айкидо, его жертвенное похныкивание отдавалось эхом в большом и пустом зале.

Как Крис никогда не уставал повторять, боль - очень личная вещь, боль - субъективна. никогда не надо судить другого человека за его боль. Не только степень боли субъективна относительно конкретной травмы, но еще и разные люди имеют разную чувствительность к боли. Сложно заключить, что кто-то испытывает "реальный болевой предел", если он может терпеть мигрень без болеутоляющих, но кричит как будто его убивают, когда порежет палец перочинным ножом.

Вопрос еще более запутывается воображением - в действительности, это основной источник чрезмерной реакции на боль. Причиняет страдание не сама боль, а что конкретно боль *означает*.

Одно дело быть способным вытерпеть боль. Совсем другой уровень - проявить стойкость по отношению к ущербу, который означает эта боль.

Люди принимают жесткие уары, ломают кости, серьезно режут себя, рвут связки, тянут мышцы в рэгби, борьбе, сеффинге, скачках на лошадях и других видов спорта за редким исключением. И они получают эти травмы, мало жалуются и обычно возвращаются, чтобы продолжить занятия своим спортом.

На курсе сеншусей это было по-другому. Учителя подчеркивали, что боль будет присутствовать большую часть времени, в действительности, иностранные учителя (более подверженные мазохизму, чем японские) намекали, что обучение жизни с болью было большой составной частью курса сеншусей. Это создало атмосферу героизма со сжатыми зубами, которая имела мало отношения к хорошему айкидо.

Японские учителя были более прозаичны. Они не подавали внешних признаков боли или травм и не ожидали такого от нас. Но они не были категоричными. Западные преподаватели упрекали нас и ругались, японские просто игнорировали нас и тем не менее не давали нам отдыха. Западные учителя были типично нетерпеливы. Они хотели, чтобы у нас сразу все получалось. Они хотели, чтобы и крутыми мы тоже стали сразу.

Вероятно именно возможность выбора делает поврежденного игрока в рэгби вернуться на поле и смеяться над собственной травмой. Мы не имели такого выбора. Правилom курса было тренироваться в независимости от боли. Мы еще только должны были открыть для себя насколько сильными должны быть травмы, чтобы заслужить выходной.

И мы боялись травмироваться так сильно, потому что мы знали, что нам придется вернуться на следующий день, и на следующий день, и на следующий день в течение целого года. Либо так, либо надо бросать. Полумеры не существовало.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. С пеной у рта (продолжение)

...

Прошли две недели курса и было решено ужесточить условия побольше. Мы уже страдали от боли мышечной усталости, теперь наступило время страдать от острой боли физической атаки.

Удары и блоки в айкидо должны иметь силу, но их роль больше в том, чтобы отвлечь внимание и смягчить оппонента, чем закончить прием в боксерском стиле. Удары на японском называются *атеми*. Старший Шиода, который изучал свою технику уличного боя в недружелюбном предвоенном районе Шинджуку, заявил, что 70% самого боя состоит из атеми. Очевидно, что иметь слабое атеми в гражданском стиле не было хорошо, мы были сеншусеями, поэтому нам предстояла тяжелая тренировка атеми.

Даррену, застенчивому австралийцу, было поручено привести наши атеми в порядок. В отличие от Пола и Стефана Отто, других ассистирующих учителей, Даррен иногда признавал, что есть движения айкидо, которые у него не получаются. Я знал, что удары не входят в их число. Точнее говоря, удары были одной из специальностей Даррена. Дома в Австралии он часами практиковался, избивая предплечьем шины, дерева и даже сталь. "Теперь я считаю руку довольно сильной, - поговаривал он, - наверное могу сломать чужую руку с помощью нее." Он говорил бесстрастно о своем предплечии, так словно это был некое орудие или дубинка, тупой инструмент, не являющийся частью его

существования и дыхания, легко портящаяся человеческая часть.

Повторные удары предплечьем по твердым объектам, как деревянный столб, или против другого предплечья, приводит к ее дальнейшему окостенению и умервщлению нервов в руке. Одновременно вы должны открыть правильный способ удара расслабленной рукой. Никто не говорил нам об этом, потому что занятие касалось не обучения правильным ударам; а относилось к осознанному нанесению себе боли. Не зная правильного способа, мы все били жесткими (как железный брус) руками и после первых недолгих ударов, пришла сильная неприятная тупая боль.

Практикующие карате уродуют себя постоянно ударяя по *макиваре*, или доску для битья. В кунг-фу руки погружают в горячий песок.

Огрубение и повреждение нервов происходит в обоих случаях.

Превращение собственной руки в безнервную дубинку из потрепанной плоти и костей казалось низкоуровневым подходом к боевым искусствам. Это простейший способ сменить разницу в уровнях, если у кого-то было мало веры в скорость и технику. Многие мастера тай-чи отказываются от этого по причине примитивности. Другие же считают, что перспектива хронического артрита в тридцатилетнем возрасте вряд ли стоит хлопот по наращиванию больших раздутых костяшек.

Удары предплечьем более сложные. Сильный удар ставит правильное ощущение для техники айкидо. Тренировка удара еще и хороший способ для наращивания сопротивляемости боли. То, что вы сможете ломать двери и обезглавливать доберманов одним ловким взмахом могучего предплечья, всего лишь второстепенно. По крайней мере такова теория.

Тессю, будучи традиционным воином, верил, что любые полученные удары являлись отличной возможностью для собственного развития. Ранним утром он попросил зашедших к нему в дом торговцев ударить его "в любую часть тела". В итоге торговцы пожаловались брату Тессю, что они сами травмировались, ударяя по твердому телу Тессю.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. С пеной у рта (продолжение)

Мы выстроились лицом друг к другу. Черные глаза Рэма озорно блестели и я не мог не ухмыльнуться в ответ. Мы замахнулись правыми руками за свои головы и сделали одновременно рубящий удар перед собой. Это был удар вперед *шомен*. Даррен вел счет: "*ичи, ни, сан, ши, го,*" и странный полусдавленный звук, который он издавал, говоря *року* своим австралийским акцентом.

Мы сделали десять на правую сторону и десять на левую. Затем десять на правую и десять на левую. Каждый раз костлявое запястье Рэма ударялось о мое. К счастью казалось это причиняло ему не меньшую боль, чем мне. Я начал поиск других участков предплечья, которые были относительно целыми. Даррен положил этим поискам конец: "Это не удар локтем" и продемонстрировал снова, несколько раз хорошенько приложив Агу.

Рэм поморщился от боли и я ударил его полегче. "Нет! Сильнее!, - прошипел он. - Если мы сейчас будем сдерживаться, то позже будет значительно сложнее". Казалось, он

говорил из собственного опыта, возможно в израильской армии дела шли именно таким образом.

Даррен наблюдал за происходящим с нездоровым интересом. Мои руки были ярко красного цвета от ударов. Я заметил зловеще раздувающийся изнутри моей левой руки синий пузырь размером с теннисный мяч. Я что разорвал вену? Я решил, что лучше больше не смотреть, и вместо этого стал таращиться на лицо Рэма; слишком много внимания ушибленному телу слишком плохо сказывается на боевом духе.

Мы уже сделали двадцать ударов до смены партнера. Еще двадцать ударов и мы снова поменяли партнеров. Я обратил внимание на гул, ревущий звук ближе к началу строя. Ага демонически вопил как курсант, тренирующийся со штыком. Гам оказался заразной штукой. Гораздо проще убедить себя в отсутствии боли, когда кричишь. Это метод отвлечения от боли, предпочитаемый на Западе. Предпочитаемый на Востоке способ - отрешенность. Но это не было подходящим временем для Буддистского рефлексирования. Я начал тоже орать. Какого черта, подумал я, заодно выпущу немного пара.

Передо мной стоял Уилл, он выглядел непоколебимым, и мы прилично поколотили друг друга. Не оказалось даже времени чтобы проверить мои разрывающиеся вены, прежде чем Ага оказался передо мной. Казалось он полностью потерял контроль. Он даже не выдерживал счет Даррена. Его лицо было искажено, из глаз лились слезы.

Даррен подстегивал нас. Толстяк подстегивал нас. Мы подстегивали друг друга. Толстяк подстегивал нас еще больше своим любимым боевым кличем: "Живей сеншусей, копайте глубже!"

Я получал методичное постукивание от железных рук Маленького Ника, в котором я начал подозревать скрытого лесоруба. Я задумался о том, сколько еще могу продолжать раздачу "честно твердых" тумачков вместо косметических поглаживаний. Но меня спасли от этой дилеммы. Даррен скомандовал остановиться.

По какой-то причине все стали тут же ухмыляться друг другу. Огромные оскалы выражали полную глупость, пока мы стояли, растирая больные руки. Единственными людьми, которые не ухмылялись, были Маленький Ник и Ага, который все еще вшлипывал. Позднее я привык к этим коллективным проявлениям эмоций, но в тот момент это было все еще странным. Я думал мы ухмылялись, чтобы показать друг другу, что агрессия не была "нашей составляющей". По сути мы были как школьники, ставшими лучшими друзьями после потасовки.

После шока, вызванного тренировкой ударов предплечьем, Дэнни предложил, в его простой непосредственной, но как-то чокнутой манере, что будет более "духовным" если ответственный группы (менявшийся каждую неделю) станет говорить "отагай ни рей" (общий поклон) и в момент поклона мы все будем кричать "оос!" низкими голосами, кланяться и шлепать по полу перед собой. Неожиданно все согласились. Я тоже, но не из-за духовных мотивов. Это давало концу занятия некий кульминационный момент, сближающий всех нас вместе. Мы все шлепали по полу в унисоне как прихожане на духовных собраниях в южной глубинке. Это была восточная вещь, доработка пассивной японской вежливости в форму объятия команды регби. И степень "единодушия" группового шлепка по полу была показателем того, насколько группа была "собрана с духом".

Говорить "оос" по каждому возможному поводу считается нормой в большинстве японских боевых искусств. Игнорировать "оос" это высокомерие, проявляемое в плохих манерах. "Оос" сеншусеев должен был быть громким и в полную силу. Частая критика Адама заключалась в том, что его "оос" был неубедителен. Он учился японскому у своей жены и определенный женский стиль произношения откладывал отпечаток на всем его общении на этом языке. Ученики в доджо передразнивали его речь, рассматривая ее как уморительную шутку, но учителя были строже. Они заставляли Адама говорить "оос" без конца, но в результате Адам все равно скрипел так, как если бы кто-то щипал его со спины.

После коллективного поклона и коллективного "оос" мы все бежали - нагрузка сеншусеев всегда была в два раза больше - взять метлы для уборки пола в доджо, который подметали после каждого занятия. Когда мы разбирали метлы, люди показывали друг другу невероятные синяки на руках. Руки бена были уже черными, с тошнотворно желтой каймой. Я не хотел смотреть на синий пузырь, но я рискнул бросить быстрый взгляд и немного успокоился.

Ага снова обрел уверенность; он бесстыдно восстановил свое лидерство в группе. Словно он и не плакал вообще. "Да, я не знаю, что случилось, я будто потерял тогда контроль над своими глазами."

Мое тело менялось. Я менялся. Физический панцырь, окружавший меня рос, твердел, становился более определенным за месяц. Остатки линии талии растаяли, сухожилия начали выдаваться впервые за годы, мышцы начали раздуваться. Краткая остановка перед зеркалом во время время переодевания в раздевалке: хорошо, очень хорошо, тело такое, каким должно быть, скорее *Homo-activius*, чем сидящий на диване брат <Homo-sedentarius>. Я был старался не быть пойманным перед зеркалом, хотя знал, что все занимались тем же, разглядывая себя с сомнительным рвением, обожая собственное новое отражение, пластинки мышц соединяющие между собой суставы.

И я развил в себе любовь к боли. Определенный вид боли, боль, которая практически была удовольствием. "Не удовольствие от бренди и сигар, - как говорил об этом Мастард, - но удовольствие безразличия." Эта боль была болью, которая приходит от втыкания плеча в татами в конце техники айкидо. Твой партнер держит твою руку и заворачивает ее тебе за спину, все глубже вдавливая твоё лицо в мат. Удовольствие приходит от осознания, что ничего не было сломано, что ты смог вынести боль, что плечо растянулось в рамках нормы и было выпущено на свободу, как только ты хлопнул по мату. Только учителя игнорировали шлепок по мату, такие жесткачи как Чино, который любил ломать конечности, но партнеры никогда; один быстрый удар был достаточен для освобождения из самых страшных плечевых контролей. Я учился. Я становился ценителем боли.

Когда один из старых командиров Тессю услышал, что Тессю опрометчиво решил создать собственную школу, он пришел в гнев. Он ворвался в дом Тессю и избил его по голове кулаками. Тессю не дернулся и даже не попытался отойти в сторону. В результате человек устал бить Тессю и ушел в раздражении. Когда Тессю спросили, почему он не оказал сопротивления, он объяснил: "Важно сделать наши тела твердыми и тогда подобный инцидент станет просто еще одной формой тренировки. Это было состязание воли, между болью моей головы и болью его рук. Поскольку сдался именно он, я выиграл".

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Полицейская Академия (начало)

"Одежда воина должна быть сделана из барсучьей шкуры. Тогда в ней не заведутся вши. Во время длительных походов вши причиняют много хлопот."

Хагакуре

...

Ага заглянул в чайную комнату. "Полицейские приехали, - сказал он. - И они выглядят как натуральные слабаки".

Все выскочили наружу поглядеть. Я поставил банку горячего кофе в свой ящик, чтобы никто ее не умыкнул или не опрокинул, и последовал за остальными.

Мы посмотрели в додзо, где гражданские полицейские неловко разогревались. Некоторые из них были одеты в новенькие желтоватые доги, указывающие на их статус новичков. Другие были одеты в доги для дзюдо или карате. Доги для карате тоньше, чем предназначенные для айкидо; а у доги для дзюдо на спине проходит шов. Их обмундирование давало некоторое представление о их опыте в боевых искусствах. Все они должны были обладать по крайней мере черными поясами первого уровня в двух искусствах, или черным поясом третьего уровня в одном искусстве. Без традиционного обмундирования, их пластмассовых "самурайских" шлемов, которые были созданы для по образу старомодных шлемов, их жутких зубчатых дубинок и автоматических пистолетов, они все еще выглядели крепкими и жилистыми. Они постоянно шутили друг с другом, и когда мы представились, тепло нам ответили. Они хотели с нами дружить и это было заметно.

Наставник Мастарда, великий Такено, говорил, что разглядывать кого-то, думая "могу я его завалить?" - это первый и наиболее слабый подход к бою, который может выбрать мужчина. Вторая стадия - это когда ты задаешься вопросом "а что если он ударит рукой? а что если он ударит рукой? что я быды делать тогда?" Последняя стадия о очень сильная психологическая позиция - это когда ты говоришь с улыбкой на лице "иди сюда, попробуй самый сильный и лучший удар". Как говорит владелец японского магазина "ирасшаймаса! ирасшаймаса! добро пожаловать! добро пожаловать! заходите!"

Было очевидно, что мы все застряли на первой стадии, поскольку мы болтали и сплетничали только об одном: насколько крутыми считали нас гражданские полицейские? Когда мы встретимся на матах, чья возьмет?

Было здорово найти новую тему для разговора в чайной комнате, когда общение в течение нескольких последних дней вращалось вокруг исчезновения Крейга. Подача Крейгом заявления на культурную визу не прошла гладко и ему было приказано вернуться домой в Австралию, чтобы дождаться своей новой визы там. Это означало пропуск большого количества тренировок, возможно до месяца. Если бы он задержался дольше, чем на месяц, я очень сомневаюсь, что он смог бы вернуться на курс.

У Бена тоже возникли проблемы. В раменевом магазине, пользовавшемся успехом в основном у израильского контингента, он показал Рэму и мне свои руки, которые все еще были покрыты огромными черными синяками от запястий до локтей.

- Я не думаю, что могу достаточно долго вынести Дэнни, сказал он, когда я заказывал в очередной раз им безалкогольные напитки и пиво себе. - Он колотит меня настолько сильно, насколько может.

- Колотит? - спросил Рэм.

Бен повернулся к нему с неистовством. "Бьет меня, ударами <шомен>, бум-бум-бум!"

- Тоже ударь его, - озорно сказал Рэм.

- Я не могу. Слишком больно. В любом случае, я и не хочу.

- Учти, здесь либо бей, либо будь побитым, - сказал я.

- Это неправильно. Мы же только начали. Он был в армии. И он немного чокнутый... - Большой Бен неубедительно замолчал.

- Он должен хотя бы немного облегчить напор на эти руки, - согласился я, - Нет смысла добавлять ухудшать их состояние, пока они хотя бы немного не пришли в себя. Немного.

- Дэнни простой парень, - сказал Рэм, - Он знает только собственный способ.

- Он может и "простой", - сказал Бен, - но еще и редкосная сволочь.

Это была ошибка, но я решил поговорить с Дэнни. Мы сидели в чайной комнате на следующий день после тренировки.

- Кофе? - спросил я.

- Нет, спасибо, - сказал Дэнни, Он посмотрел на меня своим широко открытым лицом, его выступающие зубы создавали впечатление постоянной ухмылки. Я однажды спросил Криса, что он думал по поводу Дэнни. Он помолчал и ответил: "Слишком много зубов".

Дэнни был прямолинейным, поэтому было легко быть прямолинейным в ответ.

- Как насчет немного полегче с Беном? - спросил я.

- Ему это на пользу, - сказал Дэнни решительно.

- Он всего лишь мальчишка, - сказал я, раздражаясь от собственного жалобного тона, - Он никогда не занимался ничем подобным. Силу нужно увеличивать постепенно.

- Он должен учиться.

- Послушай, ты был в армии. Ты занимался боевыми искусствами и раньше...

- Вы все говорите так, как будто он совсем маленький ребенок, - Дэнни разозлился, - Он не ребенок, он б... гигант о семи футах росту ... и вы все, "его друзья", не так все поняли. Он подписался на этот курс.

- Но даже если и так...

- Если и так что? Чем жестче я, тем лучше для него.

- И для тебя?

- И для меня, - повисла тяжелая тишина, - Хрень какая. - Он поднялся и рванул из чайной комнаты. По крайней мере я попробовал, подумалось мне.

Но Бен все же не сдавался. Теперь, когда прибыла полиция, у нас появлялась возможность тренироваться с ними, уменьшая стресс от тренировки с одним и тем же человеком день за днем.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Полицейская Академия (окончание)

...

Когда мы тренировались с полицейскими, японские учителя предпочитали ставить

иностранцев в пары с японцами.

...

Большую часть времени я тренировался с Шерлоком. Ему нравилось тренироваться со мной потому, что в отличие от Маленького Ника и Бешенного Пса, я делал техники настолько жестко, насколько их делал он. Шерлок не хотел получить травму и я тоже. Когда бы ни подошел к нам учитель, мы оба начинали немного ужесточаться, а потом снова ослабляли напор. Шерлок мог принять наказание, когда это было нужно, в отличие от Хромого, который всегда получал травму. Мы знали имена всех полицейских, но по какой-то причине клички, появляясь, сразу же приставали.

...

Хромой носил повязки на обоих запястьях. Он выглядел самым слабым из полицейских - он был похож на студента колледжа. Его настоящим именем было Ямагучи, но все звали его Хромым или братом Эльфа.

Эльф, Фуджи-сан, обладал головой странной вытянутой формы и большими ушами. Он был нервным и искренним. Он часто оказывался в паре с Хромым. Вместе они были близницами-эльфами. Эльфы, но все же полицейские, и хотя их лица часто искажались болью, они никогда не сдавались.

...

Я не знаю, чего я ожидал до курса - шести-футовых крепышей в шрамах и выпуклых мышцах? Беспощадных копов, которые слишком много времени провели с людьми по другую сторону закона? Серьезных крепких парней вроде Пола? Эта группа была достаточно дисциплинирована и, как группа, они впечатляли гораздо больше, чем мы. Но один-на-один они весили меньше и проявляли больше иронии и меньше преданного безумия.

Физическая хрупкость Эльфа и Хромого считалась их ошибкой. Мы молча побуждались к "избиению полицейских сегодня". Но даже гражданские полицейские не железные и из-за слабых запястий Хромого сострадание требовало беречь его.

Маленький Ник с этим был несогласен. Когда бы у него не появился шанс, он давал Хромому приличную взбучку. Некоторые учителя тоже принимали в этом участие. Во время одного занятия Хромому пришлось делать техники только на одну сторону, потому что не только его запястье, но и локоть оказались повреждены. Мы выполняли технику *хиджишима*, болевой прием на локоть, единственную технику в айкидо, где болевой прием выполняется в противоположном сгибу сустава направлению. В этой технике локоть растягивают и надавливают на тыльную сторону руки. Если не выполнить уход из этого положения достаточно быстро, то локоть может быть сломан или сильно потянут.

Чино вел занятие, расхаживая по залу и время от времени выполняя свой убийственный болевой прием на людях. Я тренировался рядом с Маленьким Ником и Хромым, когда услышал явственный треск здорового локтя Хромого. Он остановился и затряс рукой от боли. Чино видел все, он ухмыльнулся редкозубой улыбкой в сторону Маленького Ника и показал ему два больших пальца вверх. Локоть не был сломан, но около недели оставался на перевязи. Именно это Чино и хотел видеть.

Никто не критиковал Чино за такое отношение. Было очевидно, что все учителя проходили через "жесткую" фазу и такое отношение к полицейским считалось

справедливым всеми, включая "заказчиков".

Даже Андо милосердный ранее был известен как "маленький чертенок" (по-японски это звучит значительно лучше), не щадил никого в своем агрессивном стиле ведения тренировок. После того как он женился, Андо стал милосердным и его тренировки превратились в реальное облегчение. При его самом маленьком росте и лучшей быстроте среди учителей, его свободный стиль айкидо походил на работу Канчо. Андо любил шутки; когда Чино был учеником и подвозил его на багажнике велосипеда, Андо закрыл ему глаза ладонями и они слетели с крутого холма. Из всех учителей только у Андо лицо выражало доброту.

Поскольку полицейские подвергались постоянному преследованию они хорошо присматривали друг за другом. Возможно преследование было намеренно создано, чтобы собрать воедино дух команды, но у "профессиональных" айкидок жалость полицейских друг к другу вызывала лишь усмешку.

Было очевидно, что иностранцы были более одержимы тренировками, чем японские сеншусеи. Атмосфера одержимости была воспитана учителями. Она передавалась примером и поощрением севанинов-ассистентов, Майком "Шипом" Кимедой и широко-костным "Толстяком" Стумпелом.

в Японии одержимое поведение считается нормальным. Но это неброская, скромная одержимость. Это отнюдь не западная горячность. В то время как японцы умели быть жесткими и дружелюбными одновременно, у иностранцев этого не получалось. Дружелюбность означала отсутствие серьезности отношения.

Иностранные сеншусеи были более сбиты с толку, чем полицейские. По крайней мере полицейские знали значение *будо*. Буквально *будо* означает "путь войны", но так же имеет и коннотации за пределами этого значения. Оно включает в себя способ жизни основанный на жертве, чести и боли. Полицейские знали о *будо* и отказались от него. Даже Канчо сказал: "Современное айкидо больше является физическим упражнением, чем *будо*". Но иностранцы жаждали традиционного пути, боли и чести. Они хотели *будо* bona fide и не меньше.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (начало)

"Конфуций стал мудрецом потому, что стремился к учению с пятнадцатилетнего возраста, а не потому, что учился на старости лет". Это напоминает буддистское изречение: "Есть намерение, будет и прозрение".

Хагакуре.

...

Фрэнк избрал собственный путь совершенствования в боевых искусствах. Он обратился к источникам и проштудировал автобиографию Канчо в поисках полезных советов. Канчо утверждал, что одно из его главных озарений пришло к нему в момент наблюдения за тем, как золотые рыбки плыли, когда на всеречу им шла стая других рыб. Золотые рыбки никогда не отступали, вместо этого они полагались на свои способности двигаться из стороны в сторону, при этом постоянно сохраняя инерцию вперед. Именно поэтому в айкидо нет шагов назад. Он также высказал свое мнение, что золотые рыбки начинают каждое движение с поворота своей головы, обозначая направление следующего движения.

"Если вам нужна скорость и баланс, используйте вашу голову для начала поворота", - говорил Канчо.

Он также тренировался с большими собаками. Собаки были обучены атаковать его, в то время как он быстро уходил от их нападений, уворачиваясь от направленной атаки и шлепая их - насколько сильно история не зафиксировала. (Надеюсь, что не очень. Одно дело избить человека в погоне за конечное боевое превосходство, но немного стыдно еще и избивать собак.)

Фрэнк поговаривал о том, чтобы завести собаку. Несмело, без особой убежденности. Он знал, что вступила на зыбкую почву. "Даже маленькая собака - вне обсуждения", сказал Крис. Он был прав. Где жила бы эта собака? Под раковиной, с тараканами?

Тогда он сделал продолговатый аквариум с небольшой трещиной, залепленной черной изолентой. "А как насчет рыбы, ребята?" Пришло время применить *кинджэ но митори гейко* (наблюдение за золотыми рыбками) на практике.

У нас был аквариум, который стоял на кухонном столе, для чего пришлось передвинуть все бумаги Криса на стул, поэтому теперь нам всего лишь требовалась рыба. Бэн решил эту проблему на местной ярмарке. Используя свой колоссальный рост, он смог перегнуться через стойку ларька, который за попадание выстрела духового ружья по мишени, давал в качестве призов золотых рыбок. Он держал ружье в вытянутых руках, всего лишь в нескольких дюймах от цели и набрал отличное количество попаданий. На нормальном расстоянии духовые ружья настолько нестабильными и неэффективными, что попадание зависило от удачливости. В качестве приза были получена золотая рыбка нездорового вида, которого мы тут же нарекли "маленьким канчо". Бэн выиграл еще двух представителей поздоровее в противники для Канчо, до того момента, как ему запретили приближаться к стрелковому киоску.

Дома, в Фуджи Хайтс, наблюдение за золотыми рыбками превратилось в принудительное времяпровождение. Канчо, имеется ввиду настоящий Канчо, был прав: золотые рыбки не плавают задом - но они плавают назад и вперед и еще по всякому разному. Иногда они чистят плавники, но не выносят столкновений. Они плавают так, словно вот-вот столкнутся, но этого никогда не происходит. Люди же, с другой стороны, часто хотят "показать", что не хотят столкновения, оставляя больше чем необходимо места для того, кто движется в их направлении. Черезмерная реакция настолько же плоха, насколько и недостаточная - она нарушает естественную природу конфликта, разрывая вашу связь с противником, внося "мысль" туда, где вы должны руководствоваться инстинктом.

Тессю утверждал, что достиг полного просветления, когда его "не-разум" или инстинкт, а не интеллект, занял ведущую роль в его искусстве владения мечом и в жизни. Отличный урок преподавал ему не воин, а успешный бизнесмен, который сказал ему: "Купцы никогда не должны страшиться или заботиться о победе или поражении, прибыли или убытке. Если человек думает только о том, как заработать деньги, его сердце бьется в предвкушении; если он боится получить взбучку, он сожмется и съежится. Ничто не может быть успешно выполнено с беспокойством о таких вещах. Лучшее средство для человека держать свое сердце чистым, встречать лицом предстоящую работу и действовать неустрашимо."

Даррен обеспечил нас современной интерпретацией на эту тему: "Я в целом действую в уверенности, что меня ударят и потом удивляюсь, когда это не происходит. Быть слишком

озабоченным тем, что тебя могут ударить - ошибочное состояние разума."

Иногда то, что было сказано, доходило позднее, чем было услышано, при чем в ситуациях не связанных с высказыванием. В других случаях, событие и некоторые слова совпадали и урок был принят.

Самая большое отличие от уроков западного типа было в целевом занятии, где вы делаете одну вещь в избытке. Теперь мне кажется, что именно целевые занятия действительно изменили нас. Они использовали боль и освобождение от нее, чтобы выгравировать предмет изучения глубоко в нашем мозгу, так чтобы вы никогда не смогли его действительно позабыть. Боль улучшает запоминаемость материала, позволяя вам снова пережить его в деталях. В западной системе урок всего лишь информация; в Японии - это опыт.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (продолжение)

- Было больше 400, - сказал Маленький Ник.
- Может быть, - сказал Бешенный Пес (в конце концов, чем больше их было, тем лучше для всех), - но я сделал 350.
- Было 328, - сказал Уилл, стараясь разглядеть сзади за своим плечом голое мясо посреди спины.
- Неа! Было больше, - слышались голоса. Должно было быть больше того.

Мы только что закончили занятие с Чино-сенсеем "600 падений назад". Когда Крис, Толстый Фрэнк и я начали заниматься айкидо мы не могли представить, что сможем сделать хотя бы одно.

Падения назад были просто падениями назад на попу и затем на спину. Как только твой зад касается пола, ты подбрасываешь ноги вверх и это уменьшает силу удара. Но некоторая часть инерции должна быть сохранена для того, чтобы с ее помощью можно было подняться одним равномерным движением. Подъем требует подтянуть ноги к ягодицам в тот момент, когда ты пружинишь в стоячее положение. Размахивание руками делает отпружинивание проще. Быстрые падения назад очень утомительны.

За последние несколько месяцев я дошел до сотни падений и думал что это мой абсолютный предел.

Чино стал считать и мы начали выполнять: "ичи, ни, сан, ши, го, року, шичи, хачи, кю, джю". Он дошел до десяти и продолжил считать сначала. Я тайком покосился на часы. Еще сорок минут.

Через десять минут люди начали уставать. Полицейские стали ободрительно покрикивать друг на друга: "Ёши." "Файто."*

У Сакума, как я видел появилось кровавое пятно на спине его доги. Эта часть и зад больше всего стирались в кровь от постоянных падений на спину.

"Файто."

Прямой перевод общепринятого слова ободрения *гамбатте* - *продолжай драться*.

Англоязычная альтернатива стала предпочтительнее в японском спорте, чем оригинальный вариант *гамбатте*. Но даже заимствованное слово произносилось *файто*, что звучало весьма забавно для англо-говорящих. Поэтому крики "файто" только подтверждали насмешливое отношение японцев к иностранцам. Но в этот раз никто не насмехался.

Чино великолепно задавал ритм работы группы. Этим отличались все японцы и когда ритм группы устанавливался, выносливость каждого возрастала в 7-8 раз. Ни один западный учитель не мог установить групповой ритм. Пол был действительно хорош в прямо противоположном - постоянно ломая всякий естественный ритм, который мог проявить себя.

Я был уверен, что одной причиной, по которой японские сенсеи любили древние тренировочные программы вроде двух сотен отжиманий или часа *хаджиме*, была возможность подчинить группу ритму. Где-то глубоко в подсознании я приравнивал совершенство владения айкидо к способности использовать ритм для собственного превосходства: выстраивай свою защиту вокруг ритма атаки противника или заставь атакующего танцевать под твой ритм.

Через двадцать минут я сбился со счета. Мой зад, прямо на копчике, явно болел. Мы работали ни быстро, ни медленно. Чино установил убийственный ритм. Большинство сеншусеев успевали. Посреди спины Сакумы расплылось огромное красное солнце. Насколько я видел, Уилл тоже обильно истекал кровью.

Я следил за Чино, словно зачарованный и вдруг неожиданно заметил - он жульничал! Когда он опускался вниз, он расставлял ноги. Это означало, что при изначальном приседании его зад практически касался пола, таким образом снимая всяческое напряжение от столкновения с полом и стирания кожи в кровь. Но когда он вставал, его ноги оказывались вместе, потому я и пропустил этот фокус ранее.

Я тут же стал копировать его форму выполнения. Так было гораздо легче. Но когда на подъеме я схлопнул ноги вместе, то случайно зажал ногами яички. Весьма неприятно!

Я вернулся к "правильному" способу, заключив, что слухи о нехватке принадлежностей у Чино ниже пояса были верными. Либо это так, либо он довел до совершенства древний навык сумоистов, управляемое втягивание яичек внутрь тела.

Оставалось пятнадцать минут и мои ноги приняли желеобразное состояние, вскоре я был готов просто рухнуть на пол. И только ритм поддерживал мое движение и еще вид Сакумы, лицо которого обливалось потом, его тело отпружинивало от мата при ударе, в прилюдии неистового толчка к подъему.

Все полицейские и иностранные сеншусеи стонали и мычали; на матах была кровь и пот, текший с лиц. Затем случилось что-то особенное. За пять минут до окончания, что-то щелкнуло у меня внутри. Впервые я почувствовал, что мой разум все больше концентрируется на чем-то внутреннем, наводя фокус на маленькую точку с увеличивающейся точностью, вместо того, чтобы рассредотачиваться, распыляться и суесться как обычно. Новая дверь в моем мозге насильственно открылась и я знал, что могу продолжать и продолжать дальше.

Стрелка часов коснулась назначенной отметки, но Чино не остановился. Напряжение

стало ощутимым. Насколько он затянет тренировку? После каждого падения Сакума теперь с трудом вставал на ноги с жалким безумством. Тонкая струйка крови потекла по его стопам вниз между двумя матами передо мной.

Тренировка затягивалась на две минуты, три минуты, и наконец Чино дал приказ остановиться. Произошла своеобразная вибрация - словно некое устройство заканчивало работу, когда все остановились. Он сказал нам расслабиться. Тут же мои ноги подломились. Мы сползли с мата, сели на колени и в облегчении поклонились Чино.

В раздевалке штаны от доги Дэнни подверглись тщательной инспекции. Задняя часть была до неприличия окровавлена.

"Ты чем-то занимался с Агой, о чем мы не знаем?" - спросил Бешенный Пес. Раздевалочный юмор - часть "полного пакета" курса.

На одном занятии Чино заставил нас невероятно пахать в течение часа двадцати минут. Потом он приказал всем лечь и смотреть на потолок. Это было полное блаженство. Словно мечта сбылась - возможность наконец-то отдохнуть на занятии. Адам позже сказал: "Я так сильно потел, что даже когда мы легли на пол мои глаза были наполнены водой - словно я смотрю сквозь аквариум." Десять минут рая. Кто-то пошевелился и Чино приказал всем лежать неподвижно. Когда все закончилось, он просто сказал: "Когда вы работаете - работайте. Когда отдыхаете- отдыхайте."

* *Ёши* - японское слово ободрения. *Файто* - искаженное английское 'fight on'(продолжай драться), обычно выкрикивается для поддержки в спортивных играх.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (продолжение)

Перерыв в тренировке произошел когда мы поехали в ежегодное паломничество в Ивamu, посетить храм Уесибы, додзо айкидо и ферму. Рядом с фермой была гора. Я читал о ней в записях Канчо. Именно на ступенчатом пути вверх по горе в Ивame молодые *учи-деши* сражались на мечях среди ночи. С белыми полотенцами *хачи-маки* на головах в качестве единственного видимого знака они рубили и кололи в опасной ступенчатой темноте.

- "Ступеньки на горе" звучат немного смешно, - сказал Бэн, когда я рассказал ему историю.

- Это неверное японские земляные кочки, - сказал Уилл, - <>Яма<> по-японски может означать все что угодно от маленькой кочки до горы Фуджи.

-Нет, это настоящая гора, - сказал я, хотя и не имел тому подтверждения.

Я воображал себе более деревенское место, но чем больше поезд в Ивamu углублялся в загородные окраины севера Токио, тем больше я понимал, что более деревенской местности не будет. Вне зависимости от того как далеко мы отъезжали от Токио, казалось загородная часть оставалась без изменений. Серые здания с выцветшими красными знаками, пыльные серо-зеленые деревья, маленькие дороги,заполненные машинами, огромное количество проводов над головой. Куда бы ты не направился - подавляющее впечатление было от проводов над головой.

Я сидел с Бэном и Уиллом в поезде и Бэн обратился к извечной теме: что весь курс был просто промыванием мозгов.

- Ну ты же знал это с самого начала, - парировал я.
- Я знаю, но это отличается от того, что я представлял.
- Чем?
- Тем, что оно работает. Я не думал, что что-нибудь получится, но ведь оно работает. Мне кажется я превращаюсь в агрессивную сволочь.
- Не беспокойся, - сказал Уилл, - ты все еще слизняк.

Это была обязательная поездка для иностранных сеншусеев, но потому что она совпадала с днем зарплаты полицейских им было разрешено не ехать. По какой-то причине полицейские должны были лично являться для получения зарплаты и этот поисходящий один раз в месяц выходной был причиной обиды среди иностранцев.

Когда мы добрались до станции, нам пришлось бежать с платформы на ферму, которая теперь превратилась в центр айкидо. Ферма была скоплением низких деревянных домиков окруженных кедрами и соснами, производящими чудесный смолистый запах. Под дождю был выделен своеобразный длинный домик с навесами и примыкающими строениями с небольшими окошками - кухня и общежитиями, как я догадался. Сеншусеи были единственными людьми в костюмах.

Через полчаса Рэм прибыл на своем мотоцикле, неподходяще одетый в костюм и сапоги для мотоцикла.

Даррен был ассистирующим учителем, несшим ответственность за визит и он был неприятно раздражен:

- Где, черт возьми, ты был?
- Я ехал на мотоцикле, - ухмыльнулся Рэм.
- Ты должен был приехать на поезде.
- Я знаю, - Рэм продолжал улыбаться.
- Перестань на хрен ухмыляться.

Рэм выглядел сконфуженным, хотя я сомневаюсь, что он знал слово "ухмыляться".

Рэм однажды опоздал на тренировку. В наказание его заставили сидеть в *сейза* в течение часа. Если ты опаздывал три раза, то вылетал с курса. Но Рэм никогда не искал оправданий для учителей. Он оставлял свои оправдания для нас.

- Я думал сегодня нет тренировки, потому и не проснулся. А потом, о боже, уже восемь часов. Я схватился за мотоцикл. 180, 190 - поехал.
- А как костюм? - спросил я. Я одолжил ему костюм, так как у Рэма не было собственного.
- Посмотри на это, - сказал он. - Пуговица оваливается. Но не беспокойся, я ее пришью и отдам костюм в чистку. Он будет как новый.

В результате я обнаружил, что благодарю его за то, что он занял у меня костюм.

- Сколько еще до обеда? - спросил Маленький Ник.
- Около двух часов, - оскалился Шип.

Сесть было негде, поэтому нам пришлось провести два часа стоя в толпе с другими паломниками, наблюдая синтоистскую церемонию перед пагодо-подобным храмом.

Священники в белых мантиях говорили нараспев и пели, подчиняясь с ровной грамонии традиционной японской музыки. Они размахивали и кланялись и клали ростки кедр на маленький алтарь. Каждый росток неизбежно влек за собой больше речетатива. Когда я думал, что все закончилось, они стали забирать ростки по одному с алтаря. Я с ужасом понял, что мы должны будем стоять дальше, пока вся предыдущая церемония не пройдет в обратном порядке.

Стало полегче, когда сын Уесибы и приемник в руководстве ивамовским течением, Киссомару, выполнял айкидо без реальных атак и бросков.

"Это фальшивка", - разочарованно сказал Маленький Ник, и он был прав. Через полтора часа, у одного из синтоистских священников от сидения в *сейза* свело ногу. Ему пришлось встать и встряхнуть ее. Это был первый раз, когда я увидел страдания японца от *сейза*. "Сердце радуется, когда видишь такое, неправда ли?" - сказал Уилл.

Полка в храме была завалена подношениями в виде фруктов и овощей. Посреди церемонии большая дыня скатилась и ударилась об пол. "Ой!", - сказал Адам, "храм же промокнет!"

И даже когда церемония, казалось, подходила к концу, всегда находилась еще одна песня, еще один росток кедр для возложения на алтарь, который я знал означал, что потребуется время на то, чтобы его убрать. По сути вся церемония была метафорой курса сеншусей за время моего пребывания в Японии: как только ты подумаешь, что уже не может быть хуже, так оно происходит. И вдруг, неожиданно, все сначала.

Но если честно, ничто не длится вечно - даже синтоистские церемонии. К середине дня мы сидели в приятной тени деревьев на заднем дворе фермы, поедая обед в коробках, куда входили креветки, которых Рэм не мог есть по религиозным причинам.

После обеда я направился на поиски горы. К счастью были указатели к ней и я шел вдоль дорог, через бамбуковые рощи, пока не добрался до подножия холма.

По виду это было действительно ближе к земляной кочке, чем к горе. Я побежал легкой трусцой, мои непромокаемые сапоги шумно терлись друг о друга, мелочь позвякивала в кармане,

Взбираясь по наиболее очевидному пути, я чувствовал себя весьма неустойчиво. я останавливался, чтобы найти подходящие места для прохода, вместо привычного галопа вверх по горной местности. Даже в этих местах мимо меня проходили: семьи в красном полиэтилене, дети с микки-маусовыми рюкзаками, мужчины среднего возраста в очках с металлической оправой и фотоаппаратами с большими линзами, симпатичная пара, невписывающаяся в грубую местность и ищущая, как я подозревал, покрытую листвой и уединенную лужайку для собственного увеселения.

После получаса мои легкие, сердце и какие-то другие вовлеченные в работу органы, "включились" и стали слаженно работать. Я поймал ритм, подходящий для этого холма. Я вспомнил мой старый, быстрый способ подъема. Неожиданно, я подумал, что это айкидо нарушило мою устойчивость. Быстрая, сложная ходьба требует естественного джазового

ритма. Нет времени на размышления, или точнее нет времени на путешествие мысли от ног к голове и обратно - за это время пласт дерна раскрошится, камешек соскользнет, ответвление корня сломается. Ноги должны думать, их нужно заставлять думать выводя их из удобного равновесия. Тогда одна нога восстанавливает баланс, немного выталкивая другую из равновесия, и таким образом продолжается движение. Если вы дотошно ищите твердой опоры, как пенсионер на обледенелой дорожке, то каждый раз вы будете сталкиваться с разочарованием и либо не продвинетесь совсем, либо совсем мало. Вы должны привлечь динамику восхождения. Лучшая аналогия - бег по дощатому настилу на болотистой поверхности: двигайся, двигайся, двигайся или утони.

Упражнения в айкидо, которые были прилюдией айкидо, сырое, чистое айкидо, которое не знает правил, кроме естественных природных законов человеческого движения, эти упражнения тренируемые *ad infinitum*, повторяемые до момента утомления и дальше, подготовили мой разум для поиска стабильности, твердой почвы, ровной поверхности для отдыха ног. Такой поверхности нет на холмах.

Чтобы научиться принципам свободного бега, возможно вам нужна безопасная почва. безопасной почвой в айкидо были бесконечно практикуемые формы. Я заинтересовался. Это был урок горы Канчо, вытягивай себя бережно за пределы возможности. Недалеко от глупости находится дикая и ужасная зона чистого риска (Я там был во время дней моего скалолазания; протягивая удачу как можно дальше и даже еще дальше), но ближе ты забываешь об осторожности и "втягиваешься в веселье".

На вершине, где расположен буддийский храм, я искал знаменитые ступеньки. Нашел я их на другой стороне холма. Они вели вниз к автомобильной стоянке. Их были сотни, очень крутые и планка каждой ступеньки была узкой. Деревья держали ступеньки все время в тени, делая их влажными и тенистыми. Ступеньки неким образом следовали контуру холма, сейчас крутые и более мелкие, но всегда острые на конце, едва достаточных разеров, чтобы поставить одн ногу.

Я представил Уесибу и Канчо и остальных студентов несущихся к ступенькам с белыми повязками на головах и размахивающих мечами. Для этого нужно быть абсолютно сумасшедшими. Сумасшедшими или совершенно одержимыми делом.

Я таращился вниз на ступеньки и потом вокруг на исчерченный высоковольтными проводами ландшафт. Несмотря на окружающие меня деревья, местность внизу выглядела замусоренной как парк на исходе лета. На вершине горы больше не было никаких зацепок. От спуска по маленьким ступенькам волосы вставали дыбом. Я заставил себя пуститься на максимальной скорости, которую позволяли ноги, чтобы не запутаться. Я побежал еще быстрее, чтобы не было времени думать. Потом я начал совершать лунные прыжки, перескакивая через несколько ступенек за раз. Я поскользнулся дважды, но у меня оказалось достаточно ускорения, чтобы сохранить устойчивое положение. у подножья я встретил Бэна.

- Это там наверху они сражались?- спросил он.

- Да, - ответил я.

- Стоит подняться?

- У тебя слишком большие ноги, - сказал я, - Эта гора для размера не больше 7.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (продолжение)

К концу 1930-х Канчо оказался в центре колониальных амбиций Японии. Привязанный к военной комиссии, но все же будучи гражданским (в Японии в то время было такое звание - гражданский полковник), он прибыл в Шанхай для присмотра за скрытыми бизнес-интересами.

Перед отъездом он пошел к своему учителю Морихею Уесибе, чтобы выразить свое уважение. Уесиба сказал ему: "Шиода, не позволяй никому победить тебя. То, чему я тебя научил, - теперь примени на практике". Для Канчо это было равнозначно получению "00" разряда - лицензии на убийство. "Ничто не сделало бы меня счастливее - до сих пор Сенсей всегда был неизменно груб со мной. Впервые он признал меня."

Будучи в Шанхае, Канчо описал его как место, где "убийцы были обыкновенным делом и частью повседневной жизни". Как угнетатели, японцы не были особенно популярны и Канчо наверняка это почувствовал. Однажды вечером он вступил в размолвку с уличным сутинером во французском квартале. Он вышел выпить со своим *кохай*, младшим коллегой, который тоже занимался боевыми искусствами. Причины ссоры Канчо не объясняет, но перебранка обострилась и вскоре ребята со стороны сутенера погнались за Канчо и его другом в бар.

"Я понял, что начать драку в таком месте означало, что мы не сможем уйти, если не победим. Впервые в жизни стоял вопрос драться или умереть."

Оказавшись в ловушке, Канчо подпирал изнутри дверь бара, в то время как были слышны сбили спешащие по ступенькам шаги.

<<Крепко держа в руке пивную бутылку, я пытался уравновесить дыхание. Когда первый противник приблизился к двери, чтобы открыть ее, я распахнул дверь первым, дернув ее на себя, он упал вперед, потеряв равновесие. Я ударил его по голове настолько сильно бутылкой, насколько мне это удалось. Затем я воткнул разбитую бутылку ему в лицо и повернул ее. Тут же следующий мужчина зашел и прицелился пнуть меня. Я сдвинулся в сторону и отбил его ногу открытой ладонью. Такое отражение удара требует идеального расчета времени, что и произошло. Он свалился на пол, хрипя в агонии. Позже я узнал, что его нога была сломана.

Двое были уже под контролем и в тот момент появилось странное ощущение. Голос в моей голове повторял: "Ты сильный. Никто не может победить тебя." Я приобрел своего рода полную уверенность и на меня снизошло странное спокойствие.

Еще оставалось два противника. Мой *кохай*, специалист по дзюдо, взял на себя одного, а я другого. Я был настолько спокоен, что стал чувствовать намерение атакующего. Было так словно я не мог проиграть, зная, почти предчувствуя, что он будет делать. Он направил удар мне прямо в лицо. Я сдвинулся внутрь, ближе к его корпусу, чтобы уйти от удара и в вариации *шихонаге* [базовой техники айкидо] зафиксировал его локти и плечи в неподвижном положении. Я жестко швырнул его и услышал звук раздробляющихся костей.

Последнего преследователя бросал мой младший товарищ, но после каждого броска противник продолжал вставать и нападать. Я шагнул вперед и в сильном прыжке ударил

его прямо в грудную клетку. Именно этот удар оказался особенно эффективным, поскольку в полной гармонии с ударом я направил свой центр сильно вперед. Одним этим ударом он был уничтожен и уже не поднялся с того места, куда я уронил его.

Обозревая место происшествия, я с трудом мог поверить в то, что произошло. Тело и разум действовали в полном соответствии с техникой и посредством взрывной *кокую року* [концентрированной силы требующей правильного дыхания] я увидел истину айкидо. В тот момент я подумал: "Я сделал айкидо своим".

Это действительно было моим озарением в айкидо.>>>

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (продолжение)

...

Случай с гипервентиляцией Ника и издевательство над ним учителя служило своеобразным предупреждением для сеншусеев. Я спросил об этом Шипа, который был в одной группе с Ником.

- У Ника было все в порядке пока у него не сорвало крышу.
- В смысле?
- У него сорвало крышу. Он перестал тренироваться, но при этом все еще стоял на ногах. Именно это и привело учителя в бешенство. Он не потерял сознание или что-то в этом роде, а значит он мог продолжать тренировку.

Я сделал мысленную пометку, что надо хлопнуться в обморок прежде чем сдаваться.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (продолжение)

- Так, - сказал Терминтор, - сейчас будет *куро-обикай* - сидение в *сейза* в течение часа.

Мы сидели в два ряда напротив своих партнеров, опробывая жуткую позицию на коленях. Предстояла длительная каторга, потому важно, что в каком положении ты начинаешь <сейза> определяет насколько болезненной она будет.

Правильная *сейза* - не просто сидение на коленях. Ты должен находиться в неподвижном и безэмоциональном состоянии. Для иностранцев, которые никогда не проводили времени на коленях до начала занятий айкидо, это всегда испытание. Именно невозможность пошевелиться и высвободить напряжение колен и ступней делает это упражнение таким тяжелым.

Мы все знали, что такая тренировка должна произойти, мы просто не знали когда. Это было одно из знаменитых "убийственных" занятий, о которых все ховорили, когда хотели произвести впечатление на начинающих заниматься айкидо. Мы уже успели обсудить боль *сейза* и теперь должны были прочувствовать ее.

Было бы просто замечательно просто посидеть в тишине, но у Роланда были иные мысли на сей счет. Каждый из нас по очереди должен был сказать речь о том, что означает курс сеншусей для нас.

Я посмотрел на Рэма и он ухмыльнулся. Я ухмыльнулся в ответ. Наверное мы были единственными лыбящимися среди всех. Это была бравада.

Бешенный Пес начал речь. Он говорил траурным голосом о том, как он проделал длинный путь из Канады, чтобы учиться айкидо в Японии. "Я действительно считаю, что нам очень повезло с возможностью тренироваться здесь с лучшими сенсеями." после этого он перечислил всех учителей поименно, что заняло еще немного времени. Он продолжил фразой "это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Следующим был Уилл. К тому времени мои ноги стали неметь. Все говорили, что нужно позволить им онеметь и что самое главное в *сейза* - это неподвижность. как только ты пошевелишься, кровь начнет циркулировать и придет боль.

Я ожидал, что речь Уилла будет хоть немного остроумной, но это было не так. Несмотря на его острый язык, Уилл также как и остальные погрузился в грустное замокопание. Было похоже, что мы все оказались в периоде культурной революции, когда все занимались самокритикой.

"Это был шанс достичь хорошего уровня в айкидо, - сказал Уилл, добавив, - это стало самым сложным делом, которое я когда-либо выполнял".

Речь Аги была хитроумным сочетанием клише в айкидо. Но я не мог его винить. Я б напряг самые творческие умы, чтобы подумать как сказать что-то оригинальное и искреннее, когда единственное чего тебе хочется, так это заорать "Какого хрена я сижу на коленях?!"

Во время моей речи, жалкого излияния о том, как курс оказался психологически более требовательным, чем физически, Ага начал скручиваться вперед и стонать. Я удивился. Ага до тех пор все время выдерживал горделивую позу человека, для которого слово боль не имело значения. А потом я вспомнил его нервный срыв во время тренировки на удары предплечьем. Я начал гадать, выйдут ли его глаза снова из под контроля.

Он простонал немного громче.

"Ага! Сиди ровно!" - скомандовал Шип.

Ага сел прямо и потом снова рухнул вперед, его лицо стало ярко красным.

"Держи боль внутри, парень, - сказал Роланд ласково, - Не позволяй боли проявляться на лице." Я был уверен Роланд пытался выдержать интонацию в религиозном, а не авторитарном ключе.

Речь Рэма мне запомнилась лучше всего просто потому, что она была такой короткой. И еще она милосердно была свободна от какой-либо пропаганды - слов и фраз, типичных для доджо, затем подобранных и опубликованных журналами по *будо*, затем вернувшихся снова в доджо, потеряв всяческое подобие связи с реальностью.

"Это не самое сложное дело, но это очень сложное дело, сказал Рэм, - Потому что никто не говорит тебе просыпаться рано утром и приходить сюда каждый день. Это самая сложное дело. Это выбор."

Ага тяжело корчился слева от меня. Адам скрипел и закатывал свои глаза. Наступил общий этап беспокойства.

Я искал на чем бы сконцентрировать свое внимание. На некоторое время мои глаза замерли на лице Рэма, но потом я обнаружил что снова блуждаю глазами вокруг. Тут я начал корчить рожи, гримасы с трудом контролируемые, чтобы не показать полностью мои страдания. Но я знал, будь я один, то не стал бы корчить рож. Все настолько много внимания обращали на это, что было важно не держаться слишком мужественно. Я имею ввиду, что у меня все еще оставался некий резерв, но небольшой. Если бы я соблюдал полный контроль, я бы вообще не пошевелился.

К концу мой слух стал ослабевать, или точнее моя концентрация рассеялась. Я слышал как забасил Маленький Ник и я едва ли понял хотя бы одно слово. У него в принципе был мягкий, чудесный голос, который было сложно расслышать поверх шума и гама дождя. Но я был не в настроении его слушать.

...

Роланд сказал нам: "Однажды я стоял в *камае* и Канчо подошел и коснулся кусочка моей спины. Одно то изменение научило меня большему о правильной стойке чем часы и часы тренировок."

На мгновение беспокойство остановилось, когда люди размышляли о мастерском касании Канчо-сенсея. Затем Ага поломился и стал орать и стучать головой об пол. Впервые я подумал, может ему и правда настолько плохо и он вовсе не прикидывается. Роланд невозмутимо продолжил свою речь.

"Что делает сенсусея тем, чем он является? В чем заключасется дух сенсусея? Однажды, несколько лет назад, я наблюдал за тем как учитель поправлял студента-сенсусея. Этот студент не мог сделать того, что от него требовал учитель. Он продолжал попытки и не мог сделать, а учитель продолжал поправлять его снова и снова.

И я мог видеть, что студент все больше и больше расстраивался и начинал злиться, злиться на самого себя и на учителя. Я думал, что он, в конце концов он (здесь Роланд остановился, подбирая нужное слово) *ударит* учителя. Но он все продолжал попытки, он держал злость под контролем. Именно таким я вижу дух сенсусея. Чистая злость, контролируемая злость, ждущая момента, когда ее смогут использовать. Найдите злость, ребята. Найдите в себе злость!"

На несколько коротких мгновений мы все были вдохновлены злостью и перестали стонать. Но потом Ага сломался снова и мы все стали постыдно шумными.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Дзен и Искусство быть очень-очень злым (окончание)

Как говорил Крис, очень сложно судить о чужой боли, особенно если ты сам проходишь через внешне подобный опыт. Но в конце-то концов, я говорил себе, мы всего лишь сидим на коленях. Мы не подвешены на крюки за гениталии в гестаповском подвале.

Смутно, я мог уже оценить, что существуют два уровня боли. Боль-1 - была непосредственным ощущением. Это был уровень объективного наблюдения: "Меня

ужалила пчела. Вот боль вверху моего левого предплечья". Боль-2 - это субъективная реакция: "Ааа! Оно болит! Оно конкретно болит!"

Маленькие дети переживают только боль-2. Оно болит и болит и болит и когда боль закончится они перестанут плакать.

Основная характеристика боли, и почти неотличимая от нее - это желание, чтобы она ушла. Мазохист не хочет, чтобы она уходила. Это служит нейтрализации сути опыта боли-2, поскольку боль-2 представляет собой сторону "ой, больно!", когда кажется, что боль находится везде и не может быть локализована, словно атакуя непосредственно ваш мозг и неотличима от желания от нее избавиться. по сути боль-2 представляет собой "остановите это сейчас!".

С возрастом увеличивается сфера действия боли-1. Мы можем ощущать хроническую боль, например, ту, которая не уходит. Мы либо становимся несчастными, либо отгораживаемся от нее, делаем ее более вещественной ("вот она боль"), и затем учимся почти игнорировать ее. Почти.

Медленно я начинал видеть, что курс сенсусей во многом был о том, как справляться с болью, потерять опыт боли-2 и взять боль-1 под контроль. Если ты тренируешься до потери сознания, то ты потерял 2 составляющую боли. Если ты останавливаешься, когда "оно болит", то ты возможно держишь себя в безопасной зоне, но не управляешь собственным телом, а оно управляет тобой. Может быть время когда твоя жизнь будет зависеть от того, кто управляет кем.

"Терминатор" посмотрел на часы. Мы просидели 55 минут в *сейза*. Он нас больше не задерживал: "Я-мэ!"

По началу никто не мог идти. Существовала два мнения по поводу лучшего способа борьбы с онемением ног. Одна говорила, что нужно оставаться в сидячем положении как можно дольше вытягивая и массируя ноги прежде чем встать. Так говорили сторонники постепенного подхода. В соответствии с другим мнением нужно было попрыгать вверх, жестко впечатывая ступни в пол для стимулирования циркуляции крови. Шок конечно был больше, но сторонники прыжков предлагали более быструю реабилитацию. Стафан предупредил не прыгать слишком быстро: "Иногда, когда у вас не хватает ощущения в ногах, ваши пальцы подгибаются и вы можете сломать ногу." Он показал нам, подворачивая ногу в лодыжке, как это может быть. После этого я стал более осторожным с прыжками на онемевших ногах.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (начало)

Я против моего брата. Я и мой брат против моего соседа. Моя деревня против твоей деревни. Мой город против твоего города. Моя страна против твоей страны.
Пересказ персидской поговорки Толстым Фрэнком

Если, столкнувшись с неприятностями, человек смажет мочку уха слюной и глубоко выдохнет через нос, он легко справится с ними. Это средство следует держать втайне от других. Более того, если человеку в голову прилила кровь и он смажет слюной верхнюю часть уха, скоро к нему вернется спокойное расположение духа.
Хагакуре

...

<Младший Шиода вел занятие- Шиода Жестокий, Шиода Мелкий, Шиода Ненавистный. Он учил нас всего пару раз и уже все его боялись и не любили. Мы знали, что Чидо Великий не ладил с ним, и с приближающейся смертью Канчо-сенсея, все занимали сороны в финальной "борьбе за наследство". А теперь его сын собирался провести у нас первое занятие *хаджиме*.

Хаджиме просто означает *начинайте* на японском, но для сеншусеев это слово имеет особенно жуткий оттенок. Тренировка *хаджиме* представляла собой выполнение техники с максимальной скоростью снова, снова и снова.

Все техники в айкидо выполняются в парах. Когда первая пара заканчивает выполнение, учитель командует *хаджиме* и все должны начинать снова. Это означает, что самые медленные все больше и больше отстают и не могут извлечь пользу из установленного ритма. Если вы заканчиваете первым, то вам иногда удастся получить микросекунду отдыха между тем, как вы закончили, и когда учитель это заметил. Именно из-за этого и возникала мотивация закончить первым.

Мы все слышали об ужасах тренировок *хаджиме* - людей рвало, они теряли сознание, изнемогали от перегрева, в общем все то, что предыдущее поколение говорит вам, чтобы напугать.

"*Хаджиме*", "*Хаджиме*", "*Хаджиме*". Двенадцать пар мужчин в додзо бьющих, хватающих, кружащих и выполняющих завершающий технику удар в голову - не стоит даже упоминать о непрекращающихся криках.

Технику, которую Шиода специально подобрал для этой тренировки *хаджиме* была *катате мочи шихонаге* - наиболее известная нейтрализующая техника в айкидо. Именно ее Крис воспроизводил по книге в Фуджи Хайтс еще до того как мы начали заниматься. У Уесибы был студент, который практиковался *только* в *шихонаге*. Уесиба сказал "Все айкидо заключено в *шихонаге*", что мне кажется означает, что все принципы движения тела в айкидо показаны в этой технике.

Базовая форма обманчиво проста. Когда ваше запястье захватывают, вы вместо того чтобы освободиться закрепляете захват *в то время как* сами ныряете под его руку и поворачиваетесь так, что его рука изгибается ему за плечо. После этого вы можете либо выполнить бросок, либо уложить его на землю. Мы делали самую базовую форму, когда в конце вы кладете партнера на спину.

Шиода спешно продемонстрировал технику на своем помощнике, приведя его вниз на землю с жутким глухим стуком. Помощник выполнил высокое падение с хлопком вытянутой рукой о татами.

Если *шихонаге* выполняется достаточно быстро, то можно вырубить атакующего, сильно ударив его головой об пол. В додзо обучают специальному высокому падению, чтобы можно было скомпенсировать большую часть повреждения техникой. Конечно Шиода не показал нам важные моменты высокого падения, он нам просто сказал нам приступить к практике.

Практика после одной демонстрации - это старая методика обучения боевым искусствам. Честолюбивый ученик должен был уметь быстро уловить секрет техники, потому что

повторения ожидать не приходилось. Уесиба использовал этот метод: когда он бродил по додзо, он не критиковал студентов, а просто поздравлял их с тем, что у них так хорошо получалось. Шиода младший опустил поздравительную часть. После показа техники он бродил вокруг, насмехаясь над нашими попытками.

Перед началом курса я прошел инструктаж Стива, дружелюбного австралийца, который начинал тот же полицейский курс, что и Пол. После шести недель он бросил курс с опухшими, всеми в синяках, руками и травмами от неправильно выполненного высокого из *шихонаге*. Я уговорил его научить меня правильному падению и был благодарен ему за то, что обучился до этого занятия с бесконечно повторяющейся техникой.

В то же время я не знал, что единственная недавняя смерть в додзо случилась во время тренировки *шихонаге*.

Во время занятий на обычном занятии японский студент, женатый человек сорока лет, сообщил учителю о своей головной боли. Учитель сказал ему продолжать тренировку. В конце занятия студент остался на мате. Его партнер выглядел пристыженным и ни один из суровых комментариев со стороны учителя не мог поднять ленивого ученика с мата. Он умер от кровоизлияния в мозг, полученного при ударе затылком о мат во время приведения его к полу.

Реакция его жены по западным стандартам была весьма необычной. Она не выразила ни единой жалобы, только радость от того, что он умер в додзо, "месте, которое он так сильно любил".

После того как мы оттренировали *шихонаге* в течение какого-то времени, Шиода объявил, что последние двадцать минут мы будем выполнять технику в стиле *хаджиме*.

Мы начали работать с рвением. Бешенный Пес, как я заметил краем глаза, получал побои от Маленького Ника и его глаза выпучились от бравады Бешеного Пса. Они не только выполняли технику быстро, но еще и старались выполнить ее хорошо. Ничего подобного не пришло в голову Рэму и мне во время нашей работы. Запутавшись в летающих конечностях и резких шлепках на мат, мы торопились, не волнуясь насколько наша техника эффективна.

Я начал уставать. Небрежно уставать. Это такая усталость, когда ты начинаешь чрезвычайно снижать темп, но веришь, что работаешь так же быстро, как и раньше. В прошлом у меня это проявлялось во время бега - ты незаметно замедляешься до неуклюжей хромоты, но по ощущениям ты все еще прикладываешь усилия. Часы неожиданно приобрели подавляющую важность. Но с моего места, где я находился, моя близорукость превращала циферблат в расплывчатое пятно. Я не хотел шуриться, дабы не злить учителя. Так что мы продолжали пахать, перетаскивая свои конечности словно старые деревянныешки, хрипя и потея повсюду.

Затем прозвучала команда остановиться. Мы все во внимание встали в стойку *камае*: руки перед собой в защитном положении, немного переведя вес на переднюю ногу. Это было начальным и конечным положением для всех техник.

Но эта *камае* отличалась от обычной. Люди дрожали и тряслись в физическом истощении. Пот капал в огромные лужи на полу. Бешенный Пес казалось всхлипывал.

Мы совершили поклон, прошли по стандартному кругу с "оос" и похромали к месту, где хранились метлы.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (продолжение)

...

После тренировки *хаджиме* или вообще после занятий этим летом, мы выпивали по 2-3 литра жидкости. Сеншусеи любили покупать порошковый "*Покари Свэт*" -это подходящее имя носил японский спортивный напиток - и смешивали его с водой из-под крана в двух-литровой бутылке. После очередной тренировки вся жидкость успевала выйти с потом и приходилось снова выпивать следующие три литра. В летней жаре люди выпивали и снова теряли с потом около шести литров в день. Уровень мочи сохранялся в норме - все выходило в виде пота.

Когда я был в паре с Сато на тренировке *хаджиме*, которого я никогда не видел потеющим и чья техника была динамичной и сильной, я сильно переживал, что скоро будет моя очередь потерять сознание. Он продолжал работать без остановки, как машина или неутомимая белка в колесе, а я становился слабее и слабее. Мои удары становились жалкими извинениями за жестокость. Мои легкие разрывались в поисках кислорода.

А затем я увидел это на кончике его носа. Капелька пота. Сато потел. Я торжествовал. Откуда-то взялось второе дыхание. Моя техника выправилась. Теперь я чувствовал, что Сато тоже уставал, меньше чем я, но он прилагал усилия как всякий нормальный человек. В конце занятия Сато выдал мне сови обычный отрывистый поклон. Потом он улыбнулся, вытирая пот с кончика своего носа.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (продолжение)

...

Я всегда ненавидел кувырки вперед, даже будучи ребенком. Это было одной из причин, почему я не пошел в дзюдо, и вместе со стойкой на руках, они входили в число ненавистных мне гимнастических упражнений. Желание перевернуть тело вверх тормашками мне казалось слишком неестественным. Что для меня было естественным, так это желание защитить голову, не подвергая ее опасности посредством выполнения противоречащих гравитации маневров.

Но в айкидо кувырков вперед избежать невозможно. И после того как ты станешь экспертом в кувырках, ты должен прийти до варианта "высокого падения". Это аналогично кувырку вперед за исключением того, что в начале тебе не нужно использовать руки (или руку) для приземления. Ты бросаешь тело вперед, переворачиваешься в воздухе и приземляешься на одну половину спины и плечо. "Это как большой банан, падающий на пол" - сказал Пол, и я представил огромные желтые надувные бананы, которыми английские футбольные фанаты размахивали на трибунах.

Вместо большого банана, я чувствовал себя больше похожим на кирпичную башню, переворачивающую себя, с грохотом обрушивающуюся на землю и поднимающую тучу пыли. Когда спина ударяется о землю, одну руку нужно вытянуть и шлепнуть по мату для сокращения удара тела. Эффективность шлепка полностью зависела от его своевременности, а у меня как раз с этим было *плохо*.

Высокое - один из ключевых моментов в айкидо Ёшинкан. Иногда, когда тебя бросают

слишком жестко и слишком быстро, нет времени сделать безопасный прямой кувырок. А в некоторых техниках, в бросках за запястье, например, если ты не сделаешь высокого, твое запястье или предплечье или ключица будут сломаны.

У Торчка, большого неуклюжего полицейского с тоскливым выражением лица, чьи одеревенелые и упертые движения обеспечивали разнообразные насмешки учителей и коллег-иностранцев, были реальные проблемы с кувырками. Он переворачивался и обрушивался вниз так, что весь пружинный пол додзо начинал вибрировать. Смотреть на это было больно.

Сакума и Бэн тоже переживали трудности, но когда дело касалось высоких падений, я был наибольшим болваном в группе.

Я не мог понять смысл высокого. Я мог выполнить его один раз, но и тот получался несуразно деревянным, слишком быстрым и отдавался дикой болью в теле, когда я ударялся об мат. Я застрял в черной полосе. Из-за того, что мне не нравились высокие, я делал их слишком быстро, что нарушало своевременность шлепка рукой и падения. Из-за того, что я боялся быть в положении вверх тормашками, я старался нырять как можно ближе к мату. Иногда возникало ощущение словно я пытался нырнуть *под* мат. Но чем ближе ты к мату, тем сложнее безопасно приземлиться. Казалось совершенно несправедливым то, что правильное решение шло против интуиции, то есть что для безопасности нужно было быть как можно выше над полом. Что касалось меня, то я часто оказывался настолько близко к нему, что мог почувствовать, как мои волосы задевают мат во время переворота. Неприятная мысль - а что если бы моя голова оказалась на несколько сантиметров ниже? Она могла бы застрять и совсем оторваться. Думать об этом мне не нравилось, но это было необходимо. Невозможно было избежать падений, потому что все новые сложные техники требовали высокого падения для избежания броска. Именно высокое давало айкидо гимнастическую привлекательность. Благодаря высокому айкидо выглядело сложным по простой причине - высокое *было* сложным. С первого дня я понимал, что это будет проблемой. Моей собственной маленькой проблемой. Моим крестом. Моей ношей. Было странно насколько быстро я понимал, смогу ли я выполнить какую-то технику еще до того, как попробовал бы. Всего лишь наблюдая, как другие выполняют техники на коленях, я знал, что они не будут представлять никаких проблем. Да, я думал, что смогу их сделать.

Но с высокими было по-другому. И чем больше меня обхаживали, советовали, ругали, орали, тем хуже становилось. С увеличением у меня количества синяков и побоев, которым я подвергался, я начал терять способность сделать приличным образом хотя бы простой кувырок вперед и его старшего брата ныряющий кувырок вперед.

Проблемы начались с Оямады. ... Он был единственным учителем, который не прошел через программу сеншусей. Некоторые говорили, что именно это сделало его таким жестким по отношению к сеншусеям. Конечно его занятия были образцом скуки, его любимым методом обучения были повторения до тех пор пока не пройдут полтора часа.

Оямада выстроил нас вдоль одной стены додзо и приказал делать непрерывные кувырки вперед до противоположной стены. А потом обратно. И снова обратно. По началу было весело. Приятный перерыв среди тяжелого физического истощения, но потом стало очевидно, что он собирался продержаться на этом упражнении до конца занятия.

Через десять минут я был покрыт серьезными синяками на костных шишках, кончиках

подвздошных костей, которые немного выдаются с каждой стороны от поясничных позвонков, немного над ягодицами. За следующие одиннадцать месяцев эти синяки не сходили ни разу. На косточках слоями нараст кальций, что только ухудшило ситуацию. Иногда они отекали, иногда казалось, что они исчезли, и потом, когда ты падал на одну из них, то понимал, что все на месте.

Уилл окрестил их "шишечками" и имя прилипло. Это была травма специфичная для студентов курса сенсусей - рожденная в комбинации твердых матов и чрезмерных тренировок - и нечто совершенно непонятное для обычных студентов. Как нашивка за ранение или Пурпурное Сердце, это можно было получить, только вступив в бой.

У некоторых шишечки были настолько болезненными, что им приходилось прибегать к акупунктуре, чтобы избавиться от боли, другие же изобретали забавные и в целом опасные техники падения в отчаянной попытке приземлиться на что угодно, кроме двух чувствительных мест.

"Ты должен быть осторожнее, - сказал Пол, - потому что иногда кость может получить заражение."

Зараженные шишечки! Что могло быть хуже? В нашей тесной вселенной из четырех стен и сотни твердых матов я не смог представить ничего хуже зараженной шишечки.

Оямада был рабом болезненных падений, но Роберт Мастард был тем, кто привел меня к окончательной потере понимания о том, как сделать высокое легко и грациозно.

"Так, ребята, несите маты."

Мы бежали в угол додзю, подбитами два матрасо-подобных мата, которые предназначались для обучения высоким падениям.

Мы выстраивались и Мастард или Толстяк хватали тебя за руку и ты должен был сделать высокое. "Хорошо. Хорошо. Хорошо. Плохо." - в процессе комментировал Мастард. Для меня всегда было "Плохо". Возможно это был его способ ободрения для меня. Но эффект был противоположным. Я начинал мечтать о магических словах: "Хорошо, ребята, несите маты на место".

Мы постепенно привыкли к броскам и однажды днем Мастард сказал "Давайте повеселимся".

Он взял *джо* с полки на стене, где находились деревянные мечи и ножи. *Джо* - это палка из твердого дерева, примерно таких же габаритов как и толстая палка для швабры. Полицейские в аэропорте Нарита вооружены *джо*, многоцелевым инструментом для фехтования, дубинкой и жуткой колющей палкой, хотя я заметил, что они еще имеют при себе пистолеты.

Мастард стоял на мате и приказал первому ученику схватить конец *джо*. Затем он дернул *джо* вверх и вперед, чтобы выполнить бросок. Отпуская хват ученик перевернулся в воздухе и приземлился на мягкий мат.

Я ожидал проблему на этапе отпускания захвата. Если это сделать слишком рано, то будет видно, что хват несерьезный. Если слишком поздно, то у меня не будет свободной руки

для компенсации падения.

В итоге я настолько сконцентрировался на палке, что мое высокое оказалось недоделанно безжизненным. Я зацепился головой за мат в момент переворота. Послышался тошнотворный хруст в моей шее, которая свернулась набок. На секунду меня покинуло сознание. Потом я понял, что должен встать. На трясущихся коленях я вернулся в очередь выполняющих падение.

"Сломаешь шею и вылетишь с курса!" проорал Мастард с места, что он занимал с *джо*. Затем он подошел ко мне и поднял палец.

- Сколько пальцев?

- Один.

- Ты в порядке, - сказал он.

Я не чувствовал, что был в порядке. Я порвал шейную мышцу. Что было еще хуже моя уверенность упала ниже обычного.

"Ты подпрыгнул как раз на макушке головы, - прошептал Адам из очереди, - Это выглядело несколько жутко."

Я был рад, что Мастард сказал нам убрать маты до того, как до меня снова дошла очередь. Это было хорошо, потому что я начинал думать, что он дожидался меня. Когда он объявил, что едет домой в Канаду, я немного надеялся, что он не вернется.

С ныряющими падениями мне повезло больше. Четыре или пять людей пригибались, сидя рядом, и ты должен был бежать и нырять через них. Это был сложный трюк, и даже чудотворец Сато однажды свалился на последнего сидящего. Я видел его трясущуюся в неверии голову, когда он поднимался на ноги.

Моя техника заключалась в том, чтобы бежать как при пожаре, издать воинственный клич и надеяться, что последний пригнувшийся не будет возражать, когда я свалюсь ему на спину. Но даже я иногда умудрялся обходить препятствия.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (продолжение)

Я постоянно чувствовал себя побитым, но пока не получил ни одной травмы. Кроме Хромого с его локтем, полицейские тоже выдерживали чистый лист по части здоровья, то же самое касалось других иностранных сеншусеев.

Первым человеком, получившим перелом был Дэнни, это случилось во время занятия, на котором мы постоянно делали высокое. Он неловко приземлился и сломал палец на ноге, маленькая но болезненная косточка для перелома.

По дороге в доджо в то утро я успел попасть в небольшую аварию, врезавшись на велосипеде в скутер, что было неким предупреждением, что дальше дела пойдут хуже.

С тех пор как перед курсом я перечитал военные мемуары Роберта Грэйвса, чтобы не выпускать ничего из виду я начал твердо верить в выполнение своеобразных ритуалов для отражения зла. В одном случае из книги солдат делает наглый комментарий и все "стучат по дереву", за исключением бедняги, который был убит.

Я объяснял себе и другим, что стук по дереву просто концентрирует сознание на

потенциальной угрозе и по сути всего лишь является техникой для повышения осознанности. На чисто психологическом уровне я обнаружил, что стук по дереву разряжает тревожное состояние о том, что я предсказал или сказал, не подумав. Если такой тревоге позволить себя терзать, я полагал, что могу пострадать от болезненного исполнения желания, исполнения желания о смерти, если хотите.

Но суеверие могло зайти слишком далеко и я начинал раздавать крепкие шлепки придорожным деревьям, проезжая мимо них на велосипеде.

После моего едва не произошедшего дорожного происшествия на велосипеде, у меня сохранилось ощущение беспокойства. Я подъехал к доджо и немедленно постучал по деревянному столбу ограды. Я услышал шаги и посмотрел по сторонам, чтобы увидеть не заметил ли кто меня. Это был Бэн. Не страшно, я признался в своей слабости Бэну.

"Нам надо быть поосторожнее сегодня, - сказал я. - У меня плохое предчувствие и мы сегодня делаем *котэгаеши*."

В этой технике кисть атакующего заламывается назад за предплечье в сторону а не за плечо. Если продолжать заламывать чью-то кисть таким образом, то запястье в конце концов сломается, если атакующий на этом этапе превращающийся в защищающегося не выполнит высокое падение. Таким образом рука раскручивается и человек остается на спине на полу.

На первом занятии я практически забыл собственный совет действовать аккуратно, когда услышал сдавленный крик со стороны, где тренировался Бэн и Дэнни. Я огляделся. Дэнни лежал на полу. Пытаясь не упасть на "шишечку", он зацепился пальцем ноги за свою брючину. Его быстро отнесли в сторону. Пол сказал нам продолжать тренировку. Я услышал как он говорил, стоя в стороне: "Я вправлю без проблем - это не перелом, просто вывих".

Бэн умудрился убедить Пола позволить ему отвезти Дэнни к доктору до попытки применения такой решительной меры самолечения. Пол все еще убежденный, что перелома нет, с неохотой удержал себя от вправления кости в сустав. Он согласился, что они должны отправиться в хирургию, располагавшуюся непосредственно возле доджо. Мне это показалось немного жутким и в то же время по своему обнадеживающим. К счастью у Дэнни была медицинская страховка.

- Это всего лишь палец, - сказал я, - Это не вопрос жизни и смерти или что-то в этом роде.

- Если бы это было что-то более серьезное, я бы еще больше волновался. Это показывает, что им все равно, - горячился Бэн, - Я тебе говорю: если со мной что случится, держи меня подальше от учителей - просто отведи меня сразу в больницу. Я даже не уверен в той хирургии рядом с нами.

Дэнни сказал мне несколькими неделями раньше, что не смог попасть в австралийскую авиационную спецслужбу из-за того, что растянул коленную связку, тренируясь к тесту. Я проследил картину. Дэнни мог бы травмироваться, чтобы был повод не заканчивать курс.

Когда ему помогали взобраться на велосипед (на котором он поехал, крутя лишь одну педаль), он сказал печально "Ребята, завтра вы меня можете не увидеть".

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (продолжение)

Стив, австралиец, который ушел с курса год назад, вернулся в город. Он зашел к нам на Фуджи Хайтс и рассказал о геологическом обзоре, которым он занимался в Лаосе. Его рассказ звучал увлекательно, в миллион раз соблазнительнее чем клаустрофобия доджо.

- У тебя получается лучше, чем я ожидал, - сказал он в своем грубом, но все же дружественном тоне.
- Спасибо, - ответил я.
- Но ты все равно бросишь, не окончив, - сказал он, делая глоток чая.
- Почему? - я был действительно шокирован.
- Потому что я бросил.

Значит, подумал я, это Вызов.

Несмотря на свое грустное прощание, Дэнни пришел на следующий день. Он прохромал в офис доджо и проинформировал миниатюрного Андо-сенсея о сломанном пальце. Выражая прозаичное сочувствие Андо дал ему две недели на выздоровление. Конечно, он все равно должен продолжать приходить в доджо, но сидеть в кресле и наблюдать каждую тренировку.

Для сеншусеев давалось мало времени на выздоровление. Как только травма заживала, ты сразу возвращался. Если доктор прописывал перерыв на месяц, то учитель в доджо давал перерыв на неделю, или иногда поощрял тренировки с травмами. Чем больше перерыв ты брал, тем больше ты отставал и тем больше была вероятность повторной травмы при возвращении к занятиям. И если ты мог хоть как-то ходить, то тебе нужно было каждый день появляться в доджо и наблюдать все тренировки. Если травмирована была верхняя часть тела, то нужно было сидеть в *сейза* каждую тренировку. Это четыре с половиной часа *сейза* каждый день, достаточно, что само по себе достаточно, чтобы дать тебе травму.

Если травмирована была нижняя часть тела, то *сейза* не требовалась, но был специальных способ сидения на кресле для сеншусеев (спина прямо, ступни вместе - не перекрещены и ровно расположены на полу) и этот способ сидения не способствовал восстановлению сил.

Жесткая политика по травмам сеншусеев была еще одним традиционным способом "развивать дух". Идея заключалась в том, чтобы создать бойцов, которые могли бы исполнить долг вне зависимости от состояния тела. Целью было сломать субъективную связь между тем как ты себя ощущаешь и как действуешь. Более того ее нужно было подменить на определенную цель и достижение этой цели, используя тело, вместо того, чтобы позволить телу диктовать, какой должна быть цель. Если вы идете спать, когда ваше тело чувствует усталость; едите, когда чувствуете голод; или деретесь, когда чувствуете злость, ваше тело диктует цель, а не наоборот.

Когда мы начинали курс, Толстяк спросил каждого из сеншусеев о прошлых травмах. Многие это восприняли как возможность "похвастаться шрамами", Адам со всеми его многочисленными признаками бурной молодости, проведенной на скейтборде, выдал все. Только Рэм спросил причину вопроса. "Для того, чтобы учителя знали, где могут быть ваши слабые стороны и в чем могут быть ваши ограничения, и как далеко они могут вас подтолкнуть" - был ответ. Неспособность Адама сидеть спокойно была отчасти санкционирована его балладой о переломе колена в пятнадцатилетнем возрасте. Рэм сказал: "Что касается этого курса, у меня нет старых травм, о которых я мог бы

рассказать". Тепер я понимал, что это была лучшая политика, признание старых травм всегда было путем для отступления. Рэм себе его не позволил.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Вызов (окончание)

...

Толстый Фрэнк и Крис все так же тренировались каждый день в доджо и медленно продвигались по пути к черному поясу. Если они продолжают регулярные "кенишу", интенсивные, регулярные тренировки на дневных занятиях, они могли бы сдавать тест на черный пояс в то же время, что и сеншусеи.

"Будет интересно посмотреть, чье айкидо лучше, - посмеивался Крис. - Я все еще не очень уверен, что ваш курс имеет отношение к айкидо, больше похоже на грубый обряд инициации или просто курс выживания."

У Толстый Фрэнк мнение было выше. "Не думаю, что я бы смог мириться с дерьмом так, как это делаете вы, ребята".

Толстый Фрэнк все еще не нашел работы и проводил много времени за стиркой доги и одежды в стиральной машинке. В один день случилась небольшая трагедия, когда его особенные иранские трусы были украдены с веревки для сушки белья. Мы догадались, что их украли, потому что внезапно в квартире загорелся свет. Когда огромные коричневые эластичные трусы, сшитые его матерью, сушились на веревке они загорали весь свет поступающий в квартиру через кухонное окно. Я привык к темноте. Когда свет неожиданно появился, я помчался узнать, что случилось. Гигантских трусов как не бывало, как собственно пропал и след вора. Возможно причудливый порыв ветра сорвал огромный трепещущий кусок материи с веревки. И кроме того воровство трусов довольно распространено среди японских женщин. Я посчитал непостижимым причину того, что кто-то мог захотеть обладать такой жуткой огромной парой коричневого иранского нижнего белья.

Крис выразился довольно нетактично по поводу этого происшествия. "По крайней мере теперь я могу читать, не включая свет", - сказал он.

Несмотря на то, что Крис вел себя как наша "мамочка" Крис был основным кормильцем в Фуджи Хайтс... Он решил забросить рискованный шоу-бизнес и теперь проводил долгие часы в Митсубиси, Иточу и Митсуи, обучая высоко-оплачиваемых интеллектуалов. В этих компаниях Крис получил работу, подготавливая тех особенных людей, которые получили продвижение по службе за рубежом и считал это более достойным, чем обычное обучение английскому.

Работу он получил через Патрика. Когда бы мы не встретились, он спрашивал меня "Ну и что это за штука такая, айкидо?", тогда я показывал ему несколько приемов и он говорил "очень хорошо, очень хорошо - в теории. Но что же делать в реальной драке?"

Непосвященные всегда вели себя одинаково. Они хотели знать можешь ли ты "сделать" Майка Тайсона, если он не так посмотрит на тебя в паре. Иногда я объяснял в чем ошибка этого вопроса в целом. Иногда просто говорил: "Возможно я не смогу *сделать* его, но могу выдержать приличное количество ударов".

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Хороший полицейский, плохой полицейский (начало)

Зевать в присутствии других людей - признак плохого тона. Если неожиданно самурай почувствует желание зевнуть, он должен облизать губы, не открывая рта, и желание пройдет.

Хагакуре

...

У меня появились друзья среди японских полицейских.

...

Полицейские жили в *шо-доджо*, маленькой комнате рядом с основным доджо. Я зашел взять сигарет у Шерлока, я все время пытался бросить, поэтому половину времени был без сигарет. Я открыл дверь и меня практически снесло клубами дыма. Все полицейские лежали в спальнях мешках. Семь или восемь из них курили. У них был телевизор и видео-плеер и я заметил кипу порно-видео, хотя в тот момент они ничего не смотрели.

...

В доджо Шерлок стал моим новым "приятелем". Перед тренировкой мы перебрасывались парой дружеских слов, обсуждали наши последние травмы. Если я забывал об этом ритуале, Шерлок подкрадывался сзади после тренировки и щипал меня за зад. Я видел как мальчишки в младшей высшей школе таким образом показывали свое дружеское отношение. Но все же трудно было это вписать в поведение мужественного гражданского полицейского. Я как-то не представлял их щипающими друг друга за зады в тренировочном центре штаб-квартиры спец подразделения.

Среди иностранных сеншусеев симпатия и выражение дружелюбия обозначались твердым ударом в живот. В чайной комнате люди делали друг на друге болевые контроли и удержания и буянили, если только Роберт Мастард не был там же, тогда настрой менялся на уважительный и даже подобоострастный.

Чайная комната заключала в себе два автомата с напитками, ряд полок для нашей обуви и именные места на других полках для нашей еды. комната была серой с постерами лучших японских учителей, выполняющих сложные броски из айкидо. Част олюди подходили к постеру, указывали на жертву броска, черты которого как правило были плохо различимы и спрашивали "Кто это?". Тогда все в комнате на момент отвлекались от скучной каждодневной болтовни, поворачивались и орали ответ. Или в другой версии игры, кто-нибудь подходил к постеру и говорил "Это... Такено?" или "Это... Мори-сенсей?". Даже я иногда ненамеренно вытворял нечто подобное; каким-то образом постеры вынуждали.

Дважды в неделю в 7.15 утра чайная комната превращалась в класс. Миссис Хасегава, жена бывшего министра иностранных дел, ожидала у доджо, когда ее встретит "человек *шинкоку*", ответственный за группу в течение недели. Он стоял снаружи на оживленной улице в белой пижаме, смущенный из-за белого пояса, обутый в сандали, в то время как какой-нибудь офисный клерк проходил мимо него на работу, и переживал тяжелые минуты, если Миссис Хасегава не появлялась как обычно на три минуты раньше.

Встречающий кланялся ей. Она хихикая, кланялась в ответ. По пути в лифт и вверх в додзо велся высокопарный японский диалог. Сопровождение Миссис Хасегава было единственным поводом для сеншусеев проехаться в лифте. Это было единственным плюсом такой работы.

Миссис Хасегава была нашей учительницей по японскому языку, хотя, боюсь, сеншусеи не были лучшими из учеников. Наш японский варьировался от свободного (Уилл и Адам) до спотыкающе-несведущего (Дэнни и Бешенный Пес). Я был где-то посередине, так как брал уроки в течение полугода после своего первого прибытия в Японию. Но все уже знали то, что должны были знать на японском: японский язык айкидо, лающие приказы и команды были поняты на собственной шкуре: пойми или получи наказание. Миссис Хасегава никогда никого не наказывала, для этого она была слишком приятной дамой. К сожалению, это означало, что никто не принимал ее уроков всерьез.

...

Как только Миссис Хасегава препровождалась наружу, чайная комната использовалась по назначению для быстрого завтрака перед тем, как начиналось выполнение обязанностей по уборке. В отличие от непринужденной спальной обстановки в полицейском малом додзо, здесь всегда была атмосфера иступленного напряжения в чайной комнате. Бэн однажды приклонил голову и Мастард сказал ему, что если тот хочет спать, то должен бросить курс. Пол запретил нам слушать плеер. "Это хорошая тренировка, - сказал он, - Все время, что вы находитесь в додзо, вы в состоянии боевой готовности, можете действовать."

Когда атмосфера в чайной комнате становилась слишком тягостной, я запирался в туалетной кабинке и засыпал минут на пятнадцать между занятиями. Это напоминало мне одну из младших школ, в которой я учился, где я прятался в туалете в свободное время, чтобы избежать позора не быть отобранным для игры в футбол.

Одним человеком, с которым мне не хотелось проводить время, был Мастард. Даже само его присутствие рядом нервировало меня и вводило в состояние ожидания упреков и жесткой критики. "Если вы не можете этого вынести, идите домой" - это высказывание ненавидели все из-за намека на то, что мы все были слабыми звеньями. После одной серьезной ругани Мастарда, когда он сказал иностранным сеншусеям, что мы теряем время и с таким же успехом могли бы попрощаться с курсом, Бешенный Пес захлебнулся эмоциями, настолько он не мог терпеть иметь противоположное учительскому мнению.

Иногда я замечал, что Мастарда утомляло быть кумиром. Периодически он с тоской хотел быть одним из парней. Он пытался безуспешно быть компанейским парнем, но никто не мог забыть о его ранге и факте, что он хотел уважения не меньше, чем дружбы. Не думаю, что он был готов к начальственному одиночеству. Кикучи, наиболее легкий из всех *учи-деши*, сказал мне, что Канчо-сенсей имел всего четырех близких друзей, которые ходили с ним выпить почти каждый вечер. Никто из них не занимался айкидо. Вероятно, они даже не осуждали его.

Возможно для имитации Мастарда, Бешенный Пес снова начал курить, как собственно и Адам. Бешенный Пес не курил пять лет. Он бросил, поехав в дичайшее десяти-дневное путешествие на каное, взяв в комапнию только собаку. "Иногда мне так хотелось закурить, что я скручивал листья и курил лишайник", - сказал он. Бешенный Пес

страшился своей жены: "Если она узнает, что я взялся за старое, то точно подаст на развод".

Мне нравился Бешенный Пес с его маленькими нотациями. Когда бы не накладывали мы лед на травмированное место, он повторял как попугай (о том сколько минут нужно держать лед): "На двадцать наложить, на двадцать убрать, иначе не сработает".

Пугающие слухи появлялись в чайной комнате из неоткуда. В какой-то момент все были уверены, что человек, доставляющий сок для пополнения автомата был сам великий Такено.

"Посмотрите на постер, если не верите мне", - говорил Маленький Ник. Когда Мастард услышал это, он грубо заржал. "Когда Такено придет в это доджо, ни у кого из вас, идиотов, не будет ни малейшего сомнения. Он создал вокруг себя пространство, вызывающее чистый ужас. Вы, ребята, наложите в штаны."

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Хороший полицейский, плохой полицейский (окончание)

Из-за отъезда Мастарда в Канаду, Пол бесжалостно вел нас к первому тесту. Это должна была быть проверка знания базовых техник, как *шихонаге* и других фундаментальных движений. Мне вдруг пришла в голову идея, что я могу завалить. Это было маловероятно на таком первом, простейшем тесте, но все же возможность не исключалась.

Пол тренировал жестко, но в отличие от Мастарда без всяких психологических игр. Его оскорбления были прямыми и спланированными таким образом, чтобы их можно было принимать в лицо. Когда он хотел быть грубым, он сравнивал нас с полицейскими или обычными студентами.

Каждое утро, перед тем как наступала очередь японского учителя, Пол просто заваливал нас техниками. День за днем заведенный порядок практически не менялся. Но на одном занятии, что-то сдвинулось.

- Продолжайте работать, - заорал Пол, - сила начинает проявляться.

Это был групповой прорыв, мгновенный и абсолютно явный. Я *почувствовал* что-то, о чем мог только рассуждать до этого: командная сила, которая представляла собой нечто большее, чем просточувство принадлежности, это было осознание коллективных усилий, которые вытягивают тебя на уровень, недостижимый индивидуально. Мы могли стать значительно лучше, чем полицейские, которые все еще отставали от нас на месяц, и Пол был убежден, что мы покажем себя гораздо лучше.

Все это время Дэнни наблюдал. Через две недели его палец все еще сильно болел, но опухоль уменьшилась. Он пытался выторговать еще неделю отдыха, но к концу недели начал тренироваться с полузажившим переломом пальца ноги.

- Все еще болит, - сказал он, - но что тут поделаешь? Вы, ребята, меня опережаете.

Тест предполагал выполнение с партнером отдельно от всех пяти базовых техник из списка пятнадцати (или около того) выученных к тому времени. Японские учителя наблюдали и отмечали наши ошибки в блокнотах.

Во время теста я наблюдал со зрительских мест, как Дэнни с трудом выполняет базовые движения, требовавшие поворота на больной стопе. Его лицо было искажено из-за концентрации или боли. Я знал даже тогда, что он не завалит тест, вне зависимости от количества ошибок. Он уже показывал наиболее важную вещь, что Сато называл "Дух, который подчиняет воображаемых демонов".

Для всех кроме Дэнни это был легкий тест. После выполнения техник, нас собрал Чиди и сказал, что все полицейские и сеншусеи сдали.

Некоторые из обычных студентов спросили нас, что произошло с Дэнни. Уилл стал грубым, как только они заговорили о собственных травмах.

- Я недавно смотрел на себя в зеркало, - сказал он мне, - и выработал такой же холодный взгляд, как у прошлогодних сеншусеев. Когда обычные люди говорят о травмах и боли, я просто смотрю на них таким взглядом, сеншусеевским взглядом, который означает "Не говори со мной о боли, парень, ты даже не представляешь где *начинается* боль".

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (начало)

Лучше провести жизнь на ногах, чем умереть на коленях.

Поговорка

Самурай пользуется зубочисткой, даже если он ничего не ел.

Хагакура

Жара. Сезон дождей совершенно не был дождливым. Но он был горячим. Было больше похоже на парниковый сезон. В Фуджи Хайтс вернулись с помпой вернулись тараканы, один даже проехался до дождя, спрятавшись в моей сумке. Он сбежал из моего шкафчика и промчался по полу раздевалки прямо перед глазами Стефана Отто. Тот проорал баварское ругательство и категорически запретил нам приносить еду в раздевалки. Затем, без сомнения о справедливости, осмотрел душевые комнаты и обнаружил растущую на стенах плесень. Это было плохим началом дня, ведь за уборку душевых несли ответственность мы с Адамом. Нас перевели туда с туалетных обязанностей с прибытием полицейских. Душевые были приятнее, чем уборка после коллективного испражнения в дождь, но мы стали не столь обязательными в отмывании стен душевых во время холодной погоды. В парниковый период черные пятнышки грибка проявились в течение тридцати шести часов. Мы стали экспертами по использованию всяческих порошков и отбеливающих веществ для избавления от настенной заразы. Щелочной чистящий порошок жег мои босые ноги, пока я стоял, потя и дряя кабинку - и еще не было 8 утра.

Крейг все еще не вернулся из Австралии. Обитатели чайной комнаты растащили стопу газет, журналов, словарей и пенал для ручек с его полки. Я спер его линейку, которую можно было с пользой применить для создания *Книги Шикоку* - общественного дневника, куда записывалось каждое из наших занятий. От Крейга не было слышно ни слова. Возможно он сдрейфил. Растаскивание его добра означало, что теперь он неофициально был признан невозвращенцем.

Мы поменяли партнеров. В этом деле не было выбора. Мне в партнеры был дан Маленький Ник, "армянин". Я думал, что это будет "хорошо для моего айкидо". Я еще не

осознавал, что пожалею о том дне, когда потерял Рэма в качестве партнера до конца курса.

Маленький Ник был невысоким и крепко сложенным. У него были немигающие черные глаза убийцы, в которых отсутствовал всяческий блеск. Ему было девятнадцать лет и в драке он был жестким как гвоздь, но когда он возвращался в гайдзиновский дом, где он снимал угол, он сильно тосковал по маминой стряпне и спал двенадцать часов в день, пребывая в затянувшейся ностальгической депрессии. Он недавно нанял "толстых братьев" - двух толстых канадских мальчишек, которые были на каникулах в Японии. Он помыкал ими и заставил их вломиться в соседнюю школу вместе с ним, чтобы плавать там каждую ночь.

Одержимый айкидо с тех пор, как он увидел Канчо-сенсея в канадском турне в 1990 году, Маленький Ник сделал Мастарда своим кумиром, который ответил на почесть. "Ник сдаст мне", - говорил Мастард, потягивая светлое пиво на вечеринке по случаю дня рождения Пола. "Нет", - протестовал я. Я начинал познавать скрытое искусство подхалимажа, но мне нужно было больше практики. Никто не мог опередить Бешенного Пса по этой части. Наблюдая за демонстрацией техники учителем, он небрежно сползал на одну сторону и лаял хриплым хохотом над абсолютной невозможностью всего увиденного. Иногда он шлепал себя по бедру, чтобы подчеркнуть насколько продвинутым был учитель и насколько низким был он. Тренируясь со мной, добрые и покровительственные советы били через край.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (Продолжение)

...

В чайной комнате появился новый посетитель - Долорес безденежная. Она изучала айкидо в Испании и проехала в Японию, чтобы превзойти своего учителя. Поначалу было приятно иметь новое, женское, лицо в додзо. Оживление спало, когда стало ясно, что Долорес была одной из тех девушек, которые никогда не платили.

Сильная жара того лета принесла с собой больше обычного количества девушек в мини-юбках.

Токио в то время вероятно был столицей мира по ношению мини-юбок. То, в чем японские девушки уступали остальным по части насильного навязывания вида обнаженной груди, они легко компенсировали демонстрацией своих тоненьких ножек. Часто можно было увидеть молоденькую девушку в мини-юбке, шаркающую голубиной походкой, более подходящей для ношения кимоно. Вполне возможно эти девочки никогда в жизни и не носили кимоно. Конечно криваватая форма ног с вечно стремящимися друг к другу коленями некоторых из них делала голубиную походку наиболее удобной. Однажды я заметил одну японскую девушку с идеально прямыми ногами, какие бывают только у африканок или шведок. Я последовал за ней, пройдя еще несколько домов, чтобы зафиксировать эту аномалию в своей памяти.

В додзо были и другие проблемы, связанные с жарой. Адам и Дэнни были близки к потере сознания от теплового удара. У Дэнни появилась одышка - его дыхание стало похоже на собачье, а привело к опасному виду гипервентиляции, занятие закончилось как только силы окончательно его покинули. Адам принял ярко-красный цвет и Уильям фактически таскал его на себе, пока выполнялась техника, поскольку Адам постоянно падал на пол от абсолютной усталости.

Бэн дважды потерял сознание и был приведен в чувство, только чтобы отключиться в третий раз. Он сказал мне, что предупреждающим сигналом теплового обморока становится звон во рту. Адам подтвердил то же самое. Бэн был поставлен на ноги Агой, но до этого мягкий Чида успел сделать ему выговор. "*Усаги тоби*, Бэн", - сказал Чида. Когда Бэн не понял, Чида сказал на английском: "Кроличьи прыжки". Бэн ухитрился сделать один круг по залу прежде чем потерять сознание снова. Это было необычно строгим обращением со стороны Чиды, но на этом занятии за нами наблюдала группа официальных лиц, представлявших полицию.

После занятия мы силой влили жидкость в Бэна и поставили его под холодный душ. Необычным образом проявив свое участие, Чида явился в раздевалку, чтобы посмотреть в порядке ли Бэн. Он сказал Бэну каждый день подмешивать соль себе в питьевую воду. Это был единственный раз за все время, когда Чида посетил раздевалку. После ухода Чиды Кикучи, *учи-деши*, воскликнул: "Ёшинкан айкидо - это камикадзе!"

Я научился не тратить больше силы, чем требуется, пытаюсь продержаться на выполнении базовых техник, чтобы уменьшить напряжение. Между занятиями я выпивал два или три литра жидкости, не избавляясь ни от единой капли.

По ночам иногда были грозовые мелкие дожди, но все высыхало слишком быстро. Сезон дождей просто решил не приходить.

Мы прошли базовые техники и теперь начался месяц *сувари ваза*. *Сувари* означает техники сидя, и выполняются они в положении на коленях. Все повороты делаются на колене и в результате с этой нежной части тела кожа быстро стирается. Крис проинформировал меня, что на коленях невозможно отрастить мозоли. Я парировал, приведя в пример детей-волков, обнаруженных в Бангладеше с огромными мозолями на коленях и ладонях, образовавшихся от неумения ходить. Многие уроженцы запада придерживались мнения, что тренировка *сувари* была подобным ненужным регрессом.

В журнале доджо была опубликована история о выпускнике полицейского курса предыдущего года, кто, будучи японским полицейским детективом, был вынужден войти в дом полный вооруженных подозреваемых. Он избежал выстрелов, быстро войдя в дом на коленях. Сообщалось о его благодарности за всю практику хождения на коленях, полученную в доджо Ёшинкан. Менее вразумительным объяснением было то, что из-за того, что так тяжело выполнять техники на коленях, когда ты их изучишь, выполнение тех же техник стоя не составит проблем. Движение бедер является фундаментальным в приложении силы айкидо. *Сувари ваза*, как нам сказали, поможет нам постепенно наработать силу бедер.

Ценой этому была кожа на коленных чашечках. В первый час практики поворотов я стер с коленей кожу размером с ладонь. Я наполучал противоречивых советов о том, как ускорить их заживление. Пол посоветовал втирание алкоголя. Рэм сказал ничего не делать. Бен предложил антисептический крем. Я попробовал все три способа и ни один не сработал - колени сочиться гноем через пару дней. Независимо от того насколько они заживали за ночь, тренировка на следующий день снова растирала их в кровь и когда кожа длянистирования заканчивалась, начинало стираться мясо. Каждый поворот превращался в значительное усилие воли. Ощущение напоминало вкручивание болтов в коленные чашечки. Это было неприятно чувствовать и неприятно наблюдать и каждый вечер я пытался изобрести новый метод защиты.

Наколенники стали большим вопросом, фактически они стали ВОПРОСОМ - одевать их или нет. Никто из учителей не носил "защиты". Все гражданские полицейские носили, некоторые из них - весьма крупные волейбольные наколенники, которые постоянно приходилось поправлять под штанами доги. Ношение защиты считалось выражением слабости, поскольку защита мешала быстрому выполнению техники. Это было схоже с дискуссией по поводу использования шлемов в велогонках - эксперты этого не делали, а потому никто из серьезных претендентов тоже не должен был.

Пол сказал мне, что после месяца месяца издевательств коленная плоть начинает заживать изнутри. Поначалу она пытается заживать с краев, как в случае обычной раны, но поскольку образующаяся короста ломается каждый день, этот способ неизбежно терпит поражение. "Тело это понимает, - сказал Пол, - и тогда оно начинает заживать из-под раны. И после этого у тебя никогда больше не будет проблем."

Месяц агонии, чтобы опровергнуть текущие медицинские убеждения о необходимости отдыха для адекватного заживления - именно это предлагал Пол. Стефан и Даррен его поддерживали. Они были действительно крепкими парнями.

Адам и Уилл носили наколенники с начала курса. Они предпочитали резиновые трубчатые варианты из материала для гидрокостюмов, но они перекрывали ток крови к стопам во время сидения в *сейза*. Ага, поначалу хваставший отсутствием наколенников, вскоре надел пару. Бешенный Пес и Маленький Ник последовали за ним, и вскоре все одели наколенники. Дэнни был последним сдавшимся, но его спецназовский дух все же покинул его вместе с двумя лужами крови, которые постоянно сопровождали его, когда бы он ни присаживался на колени. Я потратил тысячи йен на наколенники. Я перепробовал все варианты с алчностью человека на религиозном пути к освобождению. Я обрезал задние части наколенников, чтобы адаптировать их по форме к моим собственным особенно шишчатым коленям. В результате я отказался от наколенников в пользу бинтов и пластыря, поскольку задняя часть наколенников больше вредила моим ногам, чем того стоило.

Наматывание бинтов стало длительным ритуалом, который поглощал большую часть времени отведенного на уборку в душевой, но я не хотел заниматься бинтами сразу по приходу в додجو, потому что к началу первого занятия они были бы насквозь потными и кожа размягчалась бы достаточно, чтобы облезть. В итоге я стал прятаться в туалетной кабинке перед занятием, чтобы не было очевидно, что я не мою душевые, которые в любой момент могли перейти в угрожающее состояние. "У нас нехватка рабочей силы, - сказал я Адаму, - Нам нужны дополнительные руки." Адам вытирал пыль верха ящиков и пылесосил. Я отвечал за зеркала и четыре душевые кабины. С тех пор как Крейг уехал, нам действительно не хватало рук - в то время как убиравшие додجو делали гораздо меньше работы чем мы. Но я нашел своеобразный успокаивающий ритуал в отмывании и полировании. Образование нового места, где собиралась грязь, всегда меня радовало. Я открыл для себя полоску пыли в каждом отверстии каждого ящика. Я честолубиво планировал свой путь через всю раздевалку, полируя каждое отверстие до конца курса. Это было чем-то, приносящим удовлетворение, не требующим навыков и не ведущим к тяжелым наказаниям. "Мы станем самыми крутыми уборщиками в мире после всего этого", - сказал Адам, пожалуй, в пятидесятый раз. Шутка иссякала.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (Продолжение)

...

Возраст для меня был меньшей проблемой, чем отсутствие способностей в технике. Каждый второй день нам давали учить новую технику, я схватывал медленнее остальных. Пол говорил об этом по-другому: "Учишь техники ты быстро, но похоже не запоминаешь их, а просто возвращаешься к старому способу их выполнения".

Никто из сеншусеев больше не носил штанов. Мы ходили в шортах или укороченных брюках. Штаны приносили слишком много боли израненным в кровь коленям. Сидя в поезде, я наблюдал зачарованные взгляды, направленные на безобразные открытые раны на обоих моих коленях. Ничего, думал я, пусть погадают о причинах.

У Мастарда умерла мать и он вернулся из Канады. Было приятно его снова видеть, но удовольствие продлилось не более дня. Глянув на мои колени, он сказал: "Хуже коленей я не видел со времен Тима Джойса". Тим Джойс был известен именно своими коленями, которые стали олицетворением страданий, отведенных на душу сеншусеев. Из-за проблем с визой Джойс пропустил первую часть курса предыдущего года. Прибыл он уже в трудный период тренировок, что не дало ему шанса на акклиматизацию и его колени сильно страдали 9 месяцев, не успевая заживать.

...После субботней тренировки я пригласил Бэна в Фуджи-Хайтс. Я направил вентилятор на свои гноящиеся колени, чтобы подсушить их к вечеру. Даже когда они подсыхали, я старался не сильно их сгибать, иначе они трескались и вокруг моих лодыжек собирались подтеки желтого гноя. Бэн самостоятельно приложился к виски "Дикая Индейка", хранящемуся в аквариуме Канчо, хотя до этого он всегда мне говорил, что не любит крепкие напитки. Я и сам сделал несколько вливаний и почувствовал себя значительно лучше. Через несколько минут мою голову потянуло вперед и мы оба заснули за столом. Когда я проснулся было темно.

...

Удивительно, что еще не было восьми. Я почувствовал, что мои силы восстановились и я был полон спокойной энергии. Я разбудил Бэна и настоял на поездке в город в поисках приключений или чего-нибудь другого достаточно отвлекающего от надвигающегося вторника, дня возобновления методичных пыток. Почему бы все просто не бросить? Очевидно было, что мне это не приносит абсолютно никакой пользы. По такому пути мои мысли следовали постоянно и, когда они достигали этого вопроса, я напоминал себе вновь, что занимаюсь тем, чем мне хочется, тем, что я сам выбрал. Это само по себе делало меня счастливее девяти десятых населения. И те небольшие испытания и неудобства, с которыми я сталкивался, в конце концов должны были закончиться. Всегда имей дело с тем, чем является боль, а не тем, что она означает.

После еще одного глотка виски мы отправились на станцию. Курс был забыт, имела значение только эта ночь.

От поезда пахло сезоном дождей, влажным, кондиционированным, прохладным воздухом, немного аммиачным от пропитанной потом вагонной обивки. Бэну и мне на двоих досталась целая лавка. Никто не хотел сидеть рядом с нами, если только поезд не был

ненормально переполнен. Это я легко принял в Японии - японцы были иррационально нервными и не хотели сидеть рядом со мной в поезде. Иногда я замечал, как люди вставали из-за меня, чтобы уйти продвинуться подальше от меня по вагону, притворяясь, что собираются выходить, но не делая этого на самом деле. Я развил в себе шестое чувство, определяя, кто уходит по разумным причинам, а кто из предубеждений. Криса это беспокоило достаточно, чтобы обсуждать эту тему в оскорбленном тоне. Он предложил развернуть маечную кампанию в целях борьбы с несправедливостью. На майках было написано "Рад быть Гаем" как в слове *гайдзин*.

Были времена, когда я наслаждался фактом, что от меня отодвигаются люди. Я понимал почему черным легко удавалось запугивать белых вместо того, чтобы раздражаться по поводу дискриминации. Если кто-то иррационально тебя боится, тяжело не сыграть на их страхе.

Поезд заворачивал по медленной кривой на станцию Икебукуро и мы побежали через толпу на пересадку на линию Яманоте. "Слишком жарко для бега", проорал Бэн, но продолжил бежать из естественного чувства соревнования, или просто не желая отстать.

Мы втиснулись в поезд южного направления рядом с красивой японской девушкой в белом пластиковом платье, белых пластиковых сапогах на пяти-дюймовых платформах, с пероксидными светлыми волосами и тяжелым взглядом.

- Она выглядит белой, - сказал Бэн.

- Как *стирают* пластиковые платья? - спросил я.

- В холодной воде, - ответил Бэн, - Пошли, - сказал он, вытягивая меня из поезда, - это наша остановка.

Мы направились в *изакая*, огромную открытую пивную, где истеричные группы служащих, офисных дам и студентов сидели за <дай-джокки> пенящегося светлого пива. *Дай-джокки* представляет собой около литра пива, за исключением того, что вернюю треть составляет только пена, поэтому больше похоже на пинту. Бэн пристал к ним с трбованием, чтобы убрали пену. Для флегматичного австралийца семи футов роста он вел выглядел слишком живым, если не перевозбужденным.

"Я плачу не за пену", - сказал он официантке. Она вернулась с первой *дай*, что я видел в своей жизни. Я попробовал проделать то же. После этого к нам рпшел менеджер и сказал: "Стиль *дай-джокки* предполагает наличие большой пенной верхушки". И мы вернулись к пенному варианту.

Вскоре появился Патрик с "вечеринкой". Мы отмечали открытие новой языковой школы, где работал Патрик. Он привел с собой в *изакая* большинство своих студентов. Все были девушки.

"Будь немного осторожен, - сказал он, - Это мой хлеб с маслом."

Я посмотрел на девушек. Временно мое зрение ослабилось, когда Бэн швырнул часть пены на мои очки. Он демонстрировал девушкам свое отвращение к пене. Они с готовностью прыснули над действиями семи-футового детяти. Ослабленным зрением я разглядел высокую, низкую, толстую, худую, нет, две худых, нормальную, красивую и очень красивую.

Я протер очки. Пиво Кирин наверняка переполнено химикатами - на моих очках уже присох его твердый осадок.

Я говорил с Патриков. Он мне рассказал об окончании возведения храма из пивных банок в своем туалете. "Ага, - сказал он, - заставил каждую стену. Одна тысяча четыреста семьдесят семь банок. Я подсчитал их, сидя на толчке. Это что-то вроде медитации." Шутил ли он? Он посмотрел на меня искоса твердым взглядом, выдыхая дым Мальборо.

- Что дальше?- спросил я. - Кухня?

- Жена мне этого не позволит, - ответил он с полной серьезностью. - Она провела черту у туалетной двери, сказав "Ни одна банка не пересечет эту границу."

Я задумался, откуда берется загадочное спокойствие Патрика. Может быть все дело в его бесстрастном голосе. Или его твердый взгляд. Или алкоголь.

Патрик относился к айкидо скептически. Он был высоким, может быть шесть дюймов и один или два фута и считал, что может продержаться в потасовке. "Дело не в потасовках", - протестовал я. "А в чем тогда?" - с небольшим удивлением парировал он.

Я старался как мог, пробуя на нем недавно выученные болевые, и обнаружил, что его тело еще менее гибкое, чем мое - должно быть я все же чему-то научился за недели тренировок. Я показал ему несколько изящных контролей на локтях и ловких ударов в челюсть. Он все еще казался неубеденным. Проблема в демонстрации айкидо в том, что если другой человек не знает айкидо, то травма практически неизбежна. Я объяснил это Патрику и он медленно кивнул. Я был уверен, что он мне не поверил.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (Продолжение)

...

Каким-то образом мальчик Бэн взял власть в свои руки. В пьяном вихре он возвышлася как каланча, вокруг которой мы веселились. Он предложил переместиться. Две девчонки повисли на его руках и таращились восхищенными глазами. Он проорал мне: "Роллинг Стоун!"

Выстроенный в честь знаменитой британской рок-группы, хотя и 97 процентов японцев считали ее американской (так же как невероятно как и то, что 68 процентов верили, что Роллс-Ройс были немецкими машинами), клуб "Стоун" на самом деле оказался вшивой дырой, переполненной отчаянных пьянчуг и любителей потанцевать с обслуживающим персоналом в виде угрюмых байкеров. Диск-жокей сидел за ограждением, напоминающим деревянные клетки для кур или кроликов и крутил нескончаемый тяжелый рок. Определенными вечерами давали только песни Стоунов, но такие вечера не были самыми популярными. Это было единственным местом в Японии, где я видел знак "не драться".

"Стоун" был известен иностранцам, но их количество там не доминировало, во всяком случае не так как в больших клубах на Роппонджи. Из-за того, что в Роппонджи находились основные стрип-клубы и шумные дискотеки, это было основное место съема в Токио. "Стоун" таким не был, там в основном тусовались промышленяющие в районе Кабуки-чо уличные банды. Более того, "Стоун" был в центре территории, где за шестьдесят лет до нас бродил Канчо-сенсей в надежде ввязаться в драку с бандитами того

времени. Закралось ли такое в мысли Бэна? Или мои? Или было просто совпадением, что мы жаждали каких-то событий в этом месте?

Самая известная потасовка с участием Канчо случилась, и положила начало его знаменитому "70 процентов уличной драки - это *атеми* (удары)", через три здания от "Роллинг Стоун", районе все еще известном своими сутенерами, проститутками, гангстерами, бездомными, трансвеститами, голубыми, мальчиками в наём и офисными служащими.

Но Шиода не был ни офисным служащим, ни очкариком, желающим напиться и в приступе порока спустить зарплату на ветер. Он был крепким ублюдком в поисках материала для битья, естественно расправиться с которым он собирался высоко-научным способом.

Мастер Уесиба строго наставлял учеников: "Какой бы ни была ситуация, не стремитесь ввязаться в драку". Но как и хорошие ученики в других местах, они абсолютно проигнорировали его.

Шиода и его приятель заметили бандитов, стоящих без дела на углу района Кабуки-чо. Они прошли вразвалочку между ними, без сомнения растолкав их плечами в соответствующей тому времени манере, чтобы завязать драку.

Парень из банды с вызовом сказал Шиоде: "Мы члены такой-то банды - может будешь поосторожнее?"

Шиода ответил: "Мы члены айки-банды - и это тебе надо быть поосторожнее".

Еще не получив ответа, Шиода понял, что разговаривал не с лидером банды, тот по его мнению должен был оказаться самым твердым орешком среди всех. Уголком глаза он отметил самого высокого из всех мужчину, крепко сложенного и с явным интересом наблюдающего за происходящим. Без предупреждения, Шиода подошел к нему и со всей силы врезал ему в солнечное сплетение. Это было не очень спортивно, но наваяло еще одну любимую цитату основателя: "В бою против большого количества, всегда совершай первый удар против сильнейшего".

Сильнейший сложился пополам от боли и драка началась. Растерявшись от раннего поражения лидера, банда вскоре была раскидана неожиданно умелым Шиодой, наиболее смертоносной "золотой рыбкой" из всех, что большинство из них встречало.

Рассказывая эту историю в своей автобиографии, Шиода рисует нам картину, где он вместе со своим коллегой по татами, потирает на радостях руки от осознания, что айкидо таки работает и что все тяжелые тренировки не оказались напрасными.

В Англии, люди, которые любят подраться, могут найти то, что ищут в пабах или на футбольных матчах. В Японии же совсем нет такой "задиристой культуры". Со времен 1960-х, банды байкеров, или *босозоку*, стали известны как "заповедник" для молодежи в поисках насилия. Два года назад западный журналист был убит во время фотографирования такой банды, но все признали, что это необычное событие. Фильм *Черный дождь*, с Майклом Дугласом в главной роли, показывает специфику хорошо организованной и злобной банды байкеров. Тех, с которыми встречался я и те, с которыми катался Рэм, можно было назвать гораздо более пассивными. У них было больше общего с

гонщиками Ace Cafe 1950-х чем с Ангелами Ада.

Люди считали *босозоку* наёмными центрами для приема на службу в *якузу*. В Кабуки-чо *якуза* выставляла себя на показ. Нося короткую химию и водя большие черные Мерседесы, они выглядели гораздо опаснее средних японских законопослушных граждан. Банды, которые придерживались каких-то музыкальных стилей обычно были безвредными, даже если для соответствия моде и носили обычные или автоматические ножи.

...

Возле Хараджуки находится Шибуйа с кварталом розовых освещенных неоном гостиниц для жаждущих любви. Место довольно скучное, но Сента-гай, в дословном переводе "центральная улица", была немного пожестче. Там странным образом могли и зарезать, и избить, что делало это место запретным для большинства пуритански настроенных японцев. В состав банд, крутящихся в том районе, в основном входили отбросы и беглецы; все же эти банды не представляли большой физической опасности и убивали в основном одиночных студентов университета, наиболее незащищенную ночную добычу.

Рок-н-рольщики в Кабуки-чо, слоняющиеся по мелким барам о темным аллеям, тоже отличались. За тщеславие и самовлюбленность, Патрик их называл подружками бандитов. Многие из них носили дреды, обрабатывая прямые японские волосы химикатами, чтобы они выглядели тусклыми. Будучи старше основного сборища в Шибуйа, около двадцати пяти- тридцати, некоторые из них выглядели заметно потрепанными. Знак "не драться" в "Стоуне" был адресован им. Они были профессиональными уличными людьми, с налетом уличной крутизны, которая держится и на более хилых экземплярах, не имеющих уважаемой работы, живущих ночной жизнью и получающих удовольствие от дрожи насилия, обещанной поздними барами и другими местами сборищ.

Как бы Канчо использовал таких уличных агрессивных людей? Один на один - наверное никак. Но в случае нападения банды, есть риск невезения - можно споткнуться и упасть, поэтому честной игры ждать не приходится. Если повезет запинаят ногами, а если нет, то зарежут.

Я видел как в Шибуйа студенты открыто смеялись над человеком на костылях, с болью передвигающемся по Сента-гай. Чтобы стало еще смешнее, один молодой парень не старше двадцати, выбил один из костылей. Я прорычал несколько английских ругательств и калека, не оглядываясь, уковылял прочь. Но студенты до моего взрыва, от которого они моментально остолбенели, смеялись и шутили по поводу невезения калеки. И это была смешанная группа, все из уважаемого университета, мальчики и девочки из "приличных" семей. Японцы, как ни одна другая нация по моему опыту, имеют великую способность дистанцировать себя от побежденных неудачников.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (Продолжение)

...

Ничего не боясь, наша пьяная компания ввалилась в "Стоун". Патрик заказал бутылку крепкого напитка и много содовой. Он позабыл о своих опасениях потерять лицо перед студентками. Мы влились в тесную группу веселящихся. Это получается в Японии лучше,

чем в каком-либо другом месте. Вообще-то, одна из девчонок все еще держалась в стороне, она пользовалась стандартным объяснением "мой поезд скоро уходит" и, оставшись без халявщиков, вечеринка достигла своей критической массы.

Ди-джей скрючился в своей птичей клетке и казалось без конца наигрывал Red Hot Chilly Peppers 'Give it Away'. Пропотевшая яма в центре "Стоуна" взорвалась неистовым танцем. Столь единого, абсолютно серьезного и маниакального танца я еще не видел никогда. Без малейшей иронии или смеха, отдаваясь такому нелепому действию, это было проявлением поиска полного освобождения подавленной человеческой природой.

...

Затем ад вырвался наружу. На танцполе возникла какая-то перебранка между садистом и парнем, одетым как точная копия Сида Вишеса, ссора быстро переросла в соревнование по пощечинам. Они толкались и хлестали друг друга по щекам как школьницы. Потом садист в кожанном жилете грузно рухнул на пол с пивным стаканом в руке, который каким-то образом разбился еще до удара об пол. Струя крови брызнула мне на рукав рубашки. Порезавшаяся девушка завопила диким фальцетом, что оказало обратную реакцию - люди держались подальше, как держатся подальше от закалываемой свиньи. Парня на полу, между тем, запинывала толпа из агрессивных мужчин и женщин. Скромные и, как мне казалось, довольно обыкновенные японские девочки навалились на парня с невероятным рвением и фанатическим удовольствием. Эти девочки носили ножи и сапоги и не были знакомы с парнем, лежащим на полу. Они не знали и как выглядит Сид. Инстинктивно они решили навалиться на упавшего мужчину, как на проигравшего. Это было одной из наиболее шокирующих вещей, которые мне довелось увидеть.

Садиста как-то оттащили и поставили на ноги друзья. Порезанную девушку осматривал один из голубых байкеров-барменов. Ди-джей из птичей клетки призвал всех к порядку и поставил Red Hot Chilly Peppers в пятый раз.

- Ты это видел?" - спросил я Патрика.

Он кивнул, пристально уставившись на меня.

- А где Бэн? - Бэн смотался незамеченным. Одна из девушек тоже исчезла.

- Может в туалете, - сказал Патрик, - Там дикая очередь.

- С девушкой? - Вопрос остался без ответа. Какая-то суета происходила у входной двери, но было сложно увидеть. Патрик приподнялся, чтобы разглядеть получше. Его голова практически касалась крыши потного подвала. Люди повернулись и уставились на его неожиданно высокий рост.

- Что происходит, - спросил я.

- Не вижу. Но, кажется какая-то возня.

- Забудь, - сказал я, - Это нас не касается. - Эту фразу я слышал в Японии бесчисленное количество раз, на сейчас, когда я ее повторил сам, он показалась фальшивой, будто сказанная не мной. Патрик сел.

...

Послышались тяжелые удары в дверь, которая затем распахнулась внутрь на ведущую вниз лесницу. У двери явно шла какая-то перебранка, но все еще было слишком много людей, чтобы что-то разглядеть как следует. Музыка остановилась и через колонки прозвучало объявление. Ди-джей просил пока всех оставаться в клубе, поскольку на улице происходили какие-то беспорядки. Двери были заперты, что наверняка нарушало все правила пожаробезопасности, но "Стоун" был таким клубом, который наверняка завершит свое существование в показательном фейерверке или поджоге во время ретроспективы Бо Дидлы, или от гранаты домашнего производства, брошенной недовольным членом-основателем японской красной армии.

После объявления и прежде чем музыка заиграла вновь повисла мрачная, потная почти-тишина, когда все что можно было услышать это тяжелые топ-топ-топ у клубных дверей. С того места, где я сидел, сквозь танцевальную яму, я мог видеть у входа прогибающиеся и вздрагивающие от ударов двери. В конце концов жуткое ощущение стерлось. ... снова заиграли. Я вернулся к джину и талой воде.

...

Где же Бэн? Удары с новой силой начали сотрясать дверь, послышался треск и дверь распахнулась настежь. Два иностранца, один блондин и один брюнет, ввалились кубарем через дверной проем, как путешественники во времени, которые только прибыли в другую страну. Они пошли к бару, пытаясь делать вид, что это не на них сконцентрировано всеобщее внимание, но это им не до конца удалось, несмотря на затихающих рев музыки и рассеивающееся внимание публики.

- Давай выясним, что происходит, - сказал Патрик, - Ты идешь?- продолжал настаивать он.

- Хорошо, - сказал я. Мне было интересно попытается ли он мне что-то доказать.

Блондин был низкорослым и молодым - мне показалось не старше двадцати двух или двадцати трех - и трясся от страха. Впервые я видел человека, чьи глаза были расширены от страха. Он оглядывался по сторонам и вокруг, пока говорил.

- Их там сотни, - сказал он.

- Ты о ком? Что случилось?

- Они решили, что я пинал парня из их банды, когда он лежал на полу. Но я этого не делал. Я был здесь со своей девушкой.

Девушка видимо испарилась.

- Я видел, - сказал я, - Парня пинали только японцы, в основном девушки, как мне показалось.

- Но они так не думают. И они ждут снаружи. Как я теперь попаду домой? Они меня схватили, именно поэтому мы и долбили в дверь, чтобы попасть обратно внутрь.

Трясущимися руками он прикурил сигарету Мальборо.

- Они там меня ждут. Они хотят до меня добраться. Их там было двадцать или тридцать.

Он был совсем молодой, невысокий, с квадратной головой, среднего телосложения, - но совершенно был не готов к бою. Темноволосый парень, сопровождавший его, был постарше, амереканец. Он тоже курил.

- Там было страшноовато, - сказал он.

- Что ты хочешь делать? - спросил меня Патрик. Несмотря на весь разбавленный джин, что я успел потребить, мне не нравилось, как он пытался меня втянуть в это дело.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Самое жаркое лето с 1963-го (Окончание)

...

Пока мы разговаривали, со стороны входа нахлынула толпа. Белокурый австралиец тут же был окружен японцами в кожных куртках и с дредами. Это собралась вся мощь банды. Мы все были окружены бурлящей массой тел. Я попытался прорваться к австралийцу, которого толкали в сторону двери. "Что происходит?", - орал я. Члены банды теснились позади. Я повернулся к Патрику: "Подвинься, пропусти их, уйди с дороги!" Это была страна ножей, самый плохой вариант - это оказаться среди людей с ножами. "Всегда дерись, имея позади стену", - говаривал Крис. Мы были окружены в темном клубе безымянными головорезами. Нет ничего сложного кому-нибудь пырнуть тебя ножом и свалить. Со всей толкотней и дикими плясками, они скорее всего найдут твоё тело пока не примутся за уборку на следующее утро. Патрик пытался говорить с пятью людьми одновременно. Я дернул его за плечо и мы вырвались из толпы вокруг австралийца. Мы увидели его беспомощное лицо, бледное и испуганное, исчезающее в двери, когда его вынесла волна членов банды. И он тут же исчез, а дверь с грохотом захлопнулась. Клуб вдруг показался пустым и мирным, но дверь, массивная и захлопнутая, таращи́лась на нас с упреком.

Вернувшись за стол, мы объяснили, что случилось. Девушки сказали: "Это ужасно." Ни у кого не возникло предложений.

- Что там с ним будет? - спросил я Патрика.

- Наверное выбьют из него все дерьмо.

- Но мы не можем быть в этом уверены, правда?

- Нет.

- Мы должны были позволить им его забрать, - сказал я, чувствуя немного менее уверенным в невмешательстве, чем это прозвучало. - Мы должны были позволить им его забрать. Мы ничего не могли поделать. Нас вполне могли прирезать в этой суматохе.

Патрик прикурил ещё одну сигарету и спокойно глотнул джина.

"Что мы собираемся делать? - спросил я. Я огляделся вокруг. Было около четырех или пяти иностранцев, рассеянных по клубу. - Мы могли бы заручиться поддержкой. Сформировать отряд гайдзинов."

Патрик посмотрел вокруг и потом на меня. Я знал, о чем он думал. Я тренировался каждый день уже пять месяцев. Для чего я тренировался? Для чего? Для этого. Вот к чему все пришло.

"Меня это не слишком радует", - сказал я.

"Да ладно, - сказал Патрик, - Он там один, сам по себе. Мы должны что-то сделать."

Мы подошли к американцу, парню, который пробил себе путь обратно в клуб вместе с испуганным австралийцем.

"Мы думаем помочь твоему другу", - сказал я.

Американец казалось нервничал. "Он не мой друг, нет. Я о том, что только встретил его, когда был там снаружи. Я его практически не знаю".

"Ты нам поможешь?" - спросил Патрик, наклоняясь над ним.

Американец быстро взглянул вверх. "Нет, я же говорю, я не знаю парня. Правда не знаю. Извините."

Мы пошли к столу, где два иностранца разговаривали и пили пиво. Они были примерно моего возраста или немного старше. Я повторил просьбу. Один, англичанин, ответил, Он растягивал слова и судя по всему был пьян: "Меня не парит, понятно? Я пришел сюда тихо выпить и остальное меня не парит". Он взглянул в поиске поддержки на своего друга, который носил каплевидные очки. Друг отвел глаза.

"Это не наше чертовое дело, - продолжил англичанин, - Я видел тех ребят. От них одни чертовы проблемы, - он неловко заглотил пива из бутылки, - И мне плевать."

Я отвернулся.

- Мы теряем время,- сказал я

- Значит, остаемся только мы.

- Похоже на то.

Я открыл большую деревянную дверь клуба с загробным предчувствием, которое в тот момент, неожиданно затмилось необычным чувством любопытства. Ни капли страха, только невероятное любопытство. Что мы увидим наверху этой лесницы? Чо мы будем делать?

Мы поднялись по ступенькам и ступили на многолюдную освещенную улицу. Банда и ее тени окружили нашего австралийского друга. Его лицо было покрыто розовыми пятнами и его пихали вперед назад, насмехаясь перед тем как толкнуть его на землю и обработать ногами.

Мы плыли через двадцать или тридцать человек, которые окружали испуганное лицо. Я, словно впервые, обратил внимание на то, каким высоким и расслабленным он выглядел в униформе Английского учителя - брюках и рубашке.

Лидер банды, главный герой, чья рука пихала несобортивляющегося австралийца назад, носил дреды и шерстяную растаманскую шапочку. Он выглядел оскорбленным.

Не планируя и не советуясь, Патрик тронул японского расту за плечо, вызвав направленный вверх интерес у мужчины, как мне показалось, моложе лет тридцати. У него было несколько неряшливых волосков произрастающих из подбородка, как у

женщины-атлетки, сидящей на стероидах.

В тот самый момент, неподготовленного отвлекающего танца, я обхватил своей рукой трясущиеся плечи австралийца. "Пора домой", - сказал я голосом, который отложился у меня в памяти на несколько тонов ниже моей обычной речи. "Но они меня не пускают", - пробормотал он. Патрик, с ниспосланным с небес озарением, на которое способны только самые невозмутимые люди, отметил взглядом красно-желто-зеленый ямайский значок на отвороте кожанной безрукавки японского расты. "Тебе нравится регги, - начал он на необычно медленном английском. - Мне тоже нравится регги." Растоподобный настороженно смотрел на вещающего монолог англичанина. "Мне нравится регги, - повотрил Патрик, - а регги о мире."

Где угодно на земле этой фразой он скорее всего схлопотал бы по роже. Но Япония была другой страной. "Мир" - сильное слово в Японии.

Все теперь замерло в стоп-кадре и я больше ничего не слышал, так как шел очень медленно, заставляя себя едва двигаться и точно НЕ БЕЖАТЬ, братски придерживая австралийца за плечи, в сторону стоянки такси, находившейся где-то в сорока ярдах около перекрестка с нашей дороги с более крупной улицей. Там стояла обычная бесконечная очередь из посетителей ночных клубов, ожидающих редкие такси у бетоннированного столба. Ночь была темной и мои глаза, шея и затылок горели. Мне отчаянно хотелось оглянуться, посмотреть разрушено ли заклинание Патрика, высвободилась ли орда и готовится ли она напасть на меня с ножами и бритвами. Но я не оглянулся. Я был Орфеем, бегущим Орфеем - таким, каким он должен был быть.

Такси появилось в замедленном эффекте, когда мы приблизились к началу очереди. Среди множественных протестов в очереди, я схватился за дверь, распахнув ее и тем самым остановив законных ожидающих от попытки войти, рывкнув теперь уже на маленького австралийца, чтоб он влез и ехал. Чудом непонятно откуда опять объявилась его подружка. Длинноногая и признательная, она поблагодарила меня восемь раздо того, как захлопнул дверь; я позволил себе завопить "езжай-езжай!" И правда это было слишком возбуждающе. Возмущающейся очереди к такси не существовало.

Я пошел назад, в раздумиях, в сторону возвышающегося всем своим невероятным ростом Патрика, теперь стоящего в стороне, углубленного в разговор с лидером. Я стоял, выжидая завершения разговора. Не следует торопить - это все, что я знал.

"Я виноватый, я очень виноватый. Спасибо, Я виноватый", - приговаривал лидер, который чудесным образом был обращен под действием влияния Патрика. Японец сменил свое отношение, при чем серьезно.

"Я виноватый, - повторил он. - Я виноватый. Очень виноватый."

Мы говорили втроем, ведя общий и примерительный разговор настолько долго, насколько мне хватило сил, Патрик по-отечески держал в своей руке руку Расты, их дружба стала нерушимой, банда растворилась, ночь опустела и очистилась снова, заметил я перед тем, как направиться обратно в райский ночной клуб. Я не имел понятия о времени.

Пиво, которым нас угостил новый друг Патрика, прибыло на наш стол и время от времени лидер, когда-то воинственный, но теперь совершенно мирный, подошел, чтобы повторить свое самообличительное извинение. Эти отношения на мой взгляд имели весьма ограниченные перспективы.

...

На следующий день объявился Бэн. Он очень стеснялся того, что исчез вместе с девушкой. Он был очень романтичным в отношении женщин и не хотел, чтобы я подумал, что он был помешан на сексе или что-то подобное. Я сказал ему о моем приключении и на протяжении всего рассказа он ждал, что я скажу как я сломал челюсть одному парню и дал коленом по роже другому. "Дело не в этом, - сказал я, - Патрик показал мне, что важнее всего расслабленность. Расслабленность в сочетании с бдительностью - это главное."

Это был воскресный вечер. Мои колени все еще были в отвратительном состоянии. Мысль о том, что я добровольно придавлю всем своим весом две открытые раны на коленях по меньшей мере приводила в уныние. Впервые я серьезно задумался о том, чтобы бросить курс. К тому времени я стал одержим идеей о том, чтобы доводить все до логического конца, но дело выглядело мрачно, а совсем не радужно. И еще маячила специальная летняя "тяжелая" тренировка ранним утром. Приключение предыдущей ночи было всего лишь отвлечением. Это была реальность, и я не был уверен сколько еще могу выдержать. Я хлебнул из бутылки "Дикая Индейка", чтобы немного забыться. Бэн порянулся в сторону бутылки.

- Ты же не любишь виски, - сказал я.
- Люблю, - сказал он с хитрым видом. У Бэна был инстинкт туриста хватать все, что выглядит бесплатным.
- Когда оно закончится, оно закончится, - сказал я нравоучительно, - И тогда нам останется только разделить нболь друг друга. Дай сюда.

...

Телефон зазвонил. ... Это был Пол. Странное бредовое чувство пришло ко мне.

Пол говорил официальным тоном.

- Есть плохие новости. Канчо-сенсей умер. Он скончался сегодня рано утром. Нельзя сказать, что мы не ожидали этого раньше или позже, но это до сих пор шок.
 - Да, - я придал своему голосу обеспокоенности, - Как ужесно, я имею ввиду, какое жуткое дело.
 - Да, ну, эти вещи случаются. Доджо будет закрыто, конечно, в течение недели. От сеншусеев ожидается посещение похорон во вторник.
- Я еще несколько раз выразил соболезнования и отключил телефон. Я сделал победный удар кулаком в воздух. Потом проверил, что телефонная трубка лежит на телефоне.
- Да! - я заорал, - Да! Да! Да!"
 - Он умер, правда? - сказал Бэн.
 - Да! Да! Да!
 - Сколько дней отдыха?
 - Одна целая чудесная... неделя! Да!

Мы схватили друг друга и закружились в победном танце по кухне.

- Время выпить еще виски.
- Не виски - неси шампанское!

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Драка на похоронах (Начало)

Только три вещи должны заботить верного слугу. Это воля Господина, его собственная жизненная сила и обстоятельства его смерти.

Хагакурэ

Я прошел мимо фонаря Канчо по пути на станцию. Возможно с годами здесь должна быть прикреплена табличка во славу жизни великого мастера боевых искусств. Хотя и много путешествовал за свою жизнь, он родился в 1916 году именно в том же районе, где и умер через семьдесят девять лет. Его отец был состоятельным доктором и в собственном доме построил додзо, чтобы местные люди могли там заниматься дзюдо. Доджо называли Ёшинкан, что означало "место культивации духа".

Канчо ценил семейный подход, поэтому, когда он основал собственное доджо и начал обучать полицейских и мирных граждан смертоносному искусству, которое он знал, он продолжил использовать название Ёшинкан. В течение почти четырех десятилетий он продолжал учить, и теперь когда он умер, никто достаточно не представлял, кто получит мантию мастера. Канчо не оставил никаких конкретных распоряжений, так что выстраивалась борьба за власть, в основном между Чидо-сенсеем и сыном Канчо, Шиодой-младшим. Я знал, что на похоронах ведущие учителя предстанут перед миром единым фронтом, но уже после в доджо пошли слухи о возможном расколе на две фракции.

Стоял жаркий день для похорон: "34 градуса по Цельсию" неоновым возвещал цифровой термометр на возвышающемся здании около станции, а все еще было 9 утра. Мой костюм должным образом был черным и шерстяным, и уже насквозь пропитался потом в подмышках. Я потел так сильно, что не было смысла снимать пиджак и обнажать мое неудобство.

От станции до похоронного храма мальчишки-школьники в традиционных черных пальто с прусскими воротниками и нарукавными повязками стояли через каждые несколько ярдов, чтобы направлять постоянный поток скорбящих. Иностранные сеншусеи в ожидании инструкций сбились в тесную группу перед синтоистским храмом. Храм представлял собой большую, усыпанную гравием территорию, заполненную пагодоподобными постройками с одним большим нарядным деревянным строением, где воздавались последние почести. В том числе и денежные, на сеншусеев была рассчитана сумма в размере двух тысяч йен с человека, от более обеспеченных ожидалась большая сумма. Крошечный ученик, Фуджитомо, утонувший в огромном черном костюме, направил нас к скоплению белых навесов, где проходил сбор денег. Полицейские были призваны в качестве похоронных церемониймейстеров. Они пришли в своей униформе и находились в распоряжении Оямады. Иностранные сеншусеи не имели обязанностей, в ответственный момент, никто не хотел, чтобы сборище гайдзинов испортило все дело. В Японии недопонимания боятся больше всего; исключение иностранцев происходит не от неприязни, а из патологического страха возможного недопонимания и чрезмерного воображения о последствиях такого недопонимания.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Драка на похоронах (Продолжение)

По моим подсчетам похороны были по крайней мере дешевле свадьбы. Гость на японской свадьбе мог распрощаться с пятью тысячами йен минимум, а если он претендовал на звание близкого друга, то сумма уже приближалась к двадцати или тридцати тысячам, то есть двум или трем сотням долларов. Приглашение на свадьбу в Японии, как и где-либо еще, очевидная радость, прячущая опасное жало в своем хвосте. В японском языке есть слово, которое используется для всех подобных щекотливых общественных обязанностей, особенно тех, которые задуманы как удовольствие, но заканчиваются весьма болезненно, как выпивание с начальником после работы и вынужденная покупка шоколада для коллег на день Св. Валентина. Это слово - *мендокусай*, наиболее полезное слово в изучении страны, ведь оно воплощает всю культурную концепцию Японии.

Полу было поручено организовать иностранных сеншусеев. Он, как я заметил, был в потрепанном коричневом костюме и с подбитым глазом. Фингал заметили все, но никто не мог добиться от него больше чем "упал с велосипеда" - Пол был слишком шустрым, чтобы это было похоже на правду. Объявились и остальные иностранные инструкторы. Все были одеты в никуда не годные, плохо сидящие костюмы. Что же тут происходит? Японцы, все до одного, были облачены в безупречное похоронно-черное. Иностранные сеншусеи тоже были опрятно одеты. Рэм был снова в моем темно синем костюме. У Адама не было пиджака, но ему удалось занять его на время, когда мы проходили по одному мимо гроба, как это бывает, когда прощаются с мировыми вождями и тиранами.

Мы были созваны Толстяком Стумпелом для обращения Пола.

"У нас небольшая проблема, - сказал Пол. - Она." Он кивнул в сторону Долорес, которая стояла возле входа в храм.

Долорес, как выяснилось, была сильно увлечена Доном Фернандо, ведущим испанским сенсеем. Она стала просто одержима им и приезд в Японию был небольшой передышкой в ее самоотверженном решении всегда оставаться рядом. Теперь он приехал в Японию на похороны и она могла возобновить свой штурм, только с этим словом отождествлялось ее поведение. Когда Дон Фернандо прибыл в додзо два дня назад, она просочилась через толпу и отказалась отойти от него даже на шаг, в том числе, когда он отправился на встречу с японскими учителями. Это было очень некорректно по японским стандартам, которым следовали даже иностранцы, ведущие дела с додзо Ёшинкан. На следующий день, на частных похоронах, о которых она каким-то образом пронюхала, она вломилась через живую изгородь, чтобы похитить ничего не подозревающего Фернандо. Пол применил на ней *сан каджо* (стандартный полицейский болевой прием при аресте) и увел ее. В процессе его рассказа у меня создалось впечатление, что ему это доставило реальное удовольствие, что было странным, так как вся ситуация казалась немного печальной.

"На случай, если она попытается что-нибудь выкинуть" нас детально проинструктировали об охране Фернандо с аккуратной бородкой. Пол показал полный полицейский профессионализм. Нас разбили на пары, которым выделили двадцати-минутные интервалы; каждый человек из пары занимал место на углу основания треугольника, позади которого находился Фернандо и перед которым была Долорес, которая в идеале должна была постоянно идентифицироваться как условная вершина треугольника. Десять громил в черных костюмах защищали одного из лучших бойцов от девяносто-фунтовой (сорока-килограммовой) девицы в любовном бреду.

- А оно того стоит? - спросил Адам.
- Хорошая тренировка, - ответил Пол. - Действительно хорошая.

Жара уже достигла 36 градусов в тени, за исключением того, что тени в принципе не было, поэтому мы стояли изнемогая от зноя под ярким солнцем в ожидании нашей очереди "дежурства по охране Фернандо". Очередь из более тысячи скорбящих растянулась в пять рядов вокруг территории храма. На похоронах Тессю присутствовало более пяти тысяч, но похороны Канчо определенно не страдали от недостатка посетителей. Прошло два часа прежде чем вся очередь прошла через здание храма, где каждый хлопал в ладони перед гробом и возлагал веточку *сасаки* на алтарь. Происходящее в храме заканчивалось очень быстро. Это напоминало двухчасовую очередь, чтобы прокатиться сорок секунд на поезде-призраке. В этом отражались все признаки японской социальной жизни - пытки замаскированные под празднования, огромное ожидание, увеселение абсолютно несоразмерное времени ожидания, и перенесенные неудобства. Все официальные мероприятия в Японии следуют этому распорядку. Если этого не произойдет, то люди начнут подозревать, что возможно мероприятия вовсе не было.

Тот факт, что кого-то надо охранять казался непонятным образом уместным. НА похоронах Тессю одного из его наиболее верных учеников пришлось взять под охрану. Последователи Тессю боялись, что он может совершить *сеппуку* из уважения к почившему учителю. Стал бы кто-то вспарывать себе живот коротким мечом в честь Канчо? Возможно раньше, до войны, но не теперь. Единственной ныне почетной формой самоубийства в Японии было *кароши*, смерть от переработки - часто достаточно уместный рак желудка. В *кароши*, а не *харакири* теперь измерялась преданность.

Наконец, мы увидели как японские учителя пронесли гроб Канчо и водрузили его на катафалк. Японские катафалки - лучшие из когда-либо виденных мной. Мне они так понравились, что я захотел купить один подержанный и отвезти его в Англию в качестве примера восточной роскоши и неумеренности. Современные японские катафалки - это чудовищные медные пагоды на колесах, черный грузопассажирский автомобиль, у которого на месте кузова-универсала расположен сильно разукрашенный вариант храма с высокой крышей. Похоже на нечто из *Безумных Гонок*. Мой последний почти-взгляд на Канчо был брошен, когда гроб был передан на руках в подобный катафалк, перед тем как его увезли в крематорий. Почти все японцы кремируются, поскольку уже не осталось достаточного количества земли для захоронений, как было в прошлом.

Внезапно возникло какое-то волнение - Толстяк Стумпель двинулся как телохранитель, чтобы заблокировать проворную Долорес в тот момент, когда она сделала прорыв в сторону черного микроавтобуса скорбящих. Дон Фернандо заходил в него вместе с другими ведущими учителями для заключительной процессии в крематорий. Он отвернулся, устыдившись происходящего, когда Стумпель конвоировал Долорес сквозь напирющую толпу.

История с лицом Пола постепенно выходила наружу. Стефан разболтал большую часть истории Бэну, а Даррен обеспечил остальную часть. И затем все услышанное было логически связано с состоянием одежды учителей.

На маленькой буддистской церимонии за день до похорон присутствовали только члены семьи и преподаватели айкидо.

После церемонии иностранные учителя пошли выпить в Раппонджи. Некоторые из них тренировались вместе в Японии много лет назад и прилетели специально: Пайет, Дэвид Рубенс из Англии, Дон Фернандо и другие. Роберт Мастард и Фернандо благоразумно отправились домой рано, когда Роланд Терминатор выступил против бармена в клубе в Раппонджи. Замахиваясь для удара, бармен упал, но прежде он успел вызвать главного вышибалу. Бывший член Французского Иностранного Легиона, главный вышибала затем сделал большую ошибку: он положил руку на чье-то плечо - чье, никто точно не мог сказать, но без сомнения это была серьезная ошибка. Ни один из иностранных учителей не был черным поясом ниже третьего дана. Они все были в высшей степени крепкими, агрессивными и пьяными. Должно быть это было первой неприятностью, с которой экс-легионер был вынужден разбираться - он относительно недавно поступил на эту работу. Его неправильная оценка ситуации привела к увольнению, но до того его вырубил Роланд. Даррен добил его удушающим приемом и затем наступил ему на шею, пьяно покачивая пальцем: "Ну, дернись хотя бы на дюйм." Потом весь ад вырвался наружу и иностранцы раздали еще несколько выволочек прежде чем спуститься вниз и устроить другую драку там. "А там было айкидо?" - спросил Бэн. "Я не видел, - сказал Отто, медленно имитируя сильный удар новичка, - Это была просто драка." Даррен был несогласен: "Тренировки айкидо пригодились, когда я провел на нем удушающий. Мне удалось расслабиться и направить весь свой вес на его шею." Пайет, встреча с которым в подобной ситуации считалась летальной, был задвинут Стефаном в угол на основании уважения к его высокому уровню. На самом же деле Отто заметил, как Пайет глазами ассасина выискивал возможность подвергнуть проверке свое смертоносное искусство.

Они перешли в другой бар, но слухи уже расползлись по округе. "О, нет, - швейцар упрасивал, - только не банда черных галстуков!" Все еще одетые, как подобает на похоронах, в черных костюмах и черных галстуках, неуправляемая банда начала новую драку, когда приехала полиция.

Полиция в Раппонджи давно привыкла к сумасшедшим иностранцам - пьяным морякам торговых и военных судов, в поисках приятного времяпровождения - и потому набрасываются с дубинками при малейшем знаке сопротивления.

Рубенс принял на себя ответственность за ситуацию, которая казалось весьма серьезной - преступное причинение ущерба, опасные телесные повреждения, фактические телесные повреждения, возможно даже наказание в виде краткого лишения свободы. Рубенс владел очень хорошим японским и он начал перечислять имена всех японских полицейских, которые он мог припомнить - ему требовалось найти ключик к офицерам с беспощадными выражениями лиц, готовых упрятать их за решетку. Люди, с которыми Рубенс тренировался в далеком 1986-ом к этому моменту должны были продвинуться вверх по служебной лестнице от уличных полицейских; люди, которых он знал должны были быть дома в четыре утра в эту липкую летнюю ночь. В конце концов он убедил полицию, хотя учителям пришлось щедро рассыпать в извинениях перед полицейскими с суровыми лицами. В Японии, все, кто имеет черный пояс выше третьего уровня, обязаны регистрировать свои руки в полиции. Никто из этих парней не был зарегистрирован, и если они были учителями, как утверждали, то они подавали плохой пример, разве нет? Пристыженные старшие чины айкидо в унисон кивали, склоняя свои головы и молились, чтобы их отпустили. Газеты бы с удовольствием напечатали историю: *иностранцы мастера айкидо отметили похороны основателя ночной потасовки*. С другой стороны, японская пресса настолько повязана интересами менеджмента и владельцев, дружки Канчо по военному времени в издательском бизнесе могли легко подавить дурную огласку.

Их костюмы были изорванные и грязные, дебоширившие учителя легко выделялись по одежде, которую надели на вторую похоронную церемонию. Без исключения они выглядели потрепанной компанией, шурящейся на ярком солнечном свете, некоторые с порезами от бритвы и синяками. Не удивительно, что Пол так стремился отвести интерес от ночного происшествия.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Драка на похоронах (Продолжение)

Я набрался смелости поговорить с Жаком Пайетом, "ассасином", используя в качестве повода для начала разговора мое короткое владение одним из его доги. Невысокий и жилистый, Пайет выделялся даже среди японских учителей. Он провел десять лет в Японии, последние пять в качестве близкого друга Канчо. Из-за жесткой иерархичности было невозможным для японца младше Канчо общаться с ним на равных. Пайету это удалось потому, что он был иностранцем. Это вызвало негодование в рядах японцев, но Канчо все устраивало, а потому Пайет на это не обращал внимания.

- Пять лет я пытался быть японцем, а затем поехал обратно во Францию. Я немного преподавал, пока не понял, что учу только тому, чему меня учили. Я давал те советы и учил тем уловкам, которым научили меня, и постепенно у меня стали заканчиваться слова. Я понял, что не знаю айкидо. Так что я вернулся обратно в Японию, и в этот раз я уже признал, что я - не японец, а иностранец. Хорошо, а в чем же преимущество быть иностранцем? Я могу игнорировать японские правила и пойти прямо к Канчо, именно это я и сделал.

- Я посмотрел на Канчо сказал себе: Как этот ничтожно маленький человечек, который наверняка с каждым годом становится физически слабее, который только пьет чай и смотрит телевизор в своем офисе, а еще читает газеты и курит, как может он становиться сильнее в айкидо с каждым годом? Как это возможно? Потому что, я уверяю тебя, это действительно так - он был сильнее в свои семьдесят три, чем в семьдесят, и это продолжалось до тех пор пока он не заболел раком. Однажды я увидел как перегородка *шоджи* упала на Канчо и он упал. Он не устоял против веса бумажной перегородки, и я понял, что у него есть какой-то секрет, который сильно отличается от обычного понимания физической силы. А потому я попытался добраться до этого секрета.

- И в чем секрет? - спросил я.

- Есть три вещи, которые связаны друг с другом и усиливают друг друга. Как слова они ничего не значат, но если ты сможешь понять их, то сможешь заниматься айкидо. И для этого не потребуется всей жизни. Уесиба учился всего несколько лет; Канчо возможно пять с перерывами. То, что они поняли - это равновесие, центр и уверенность. Когда ты знаешь, где твой центр, тогда у тебя есть равновесие. После этого ты находишь в себе уверенность, которая в свою очередь помогает равновесию. Техники в айкидо необходимы только для того, чтобы развить эти вещи. Я дрался с мастерами карате. Я не мог применить *шихонаге* или *котэгаеши* - поэтому мне приходилось импровизировать, но я добился успеха потому, что использовал равновесие, центр и уверенность.

Пайет скромно улыбнулся. Я обратил внимание на огромные предплечья, несоответствующим его телосложению. По его словам все было очень просто.

- Во-первых, продолжай настраивать свой центр, двигай его назад и вперед, пока не обнаружишь его. Учитель традиционных японских танцев посмотрел мою видео-запись и сказал мне, что я сдвигаю свою центр тяжести слишком далеко назад. Мне это очень помогло.

- А каким был Канчо? - спросил я.

- Вообще, он был очень простым человеком, с простыми вкусами. Его не волновало иностранец ты или японец. Иногда я думаю, он ненавидел свою зависимость от организации, которую он создал. Ему были нужны ученики, но он также презирал раболепие среди учеников; но это японский подход. Он был в душе бунтарем. Он очень любил пиво. Иногда он вызывал меня посреди тренировки и говорил: "Давай, Жак, выпьем пива у меня в офисе. Говоришь, у тебя не выходит *тай но хенко*? Так и у меня *тай но хенко* не выходит тоже, а ведь я изобрел его!" Когда он заболел, я почувствовал к нему жалость. Он стал похож на одинокого старика, который создал что-то, что вышло из под его контроля. Именно поэтому я уехал из Японии и вернулся во Францию. Я научился всему, чему он должен был меня обучить".

Пайет вместо обычного японского поклона встряхнул мою руку. "Запомни, - сказал он, - мы- не японцы."

Шведкая девушка Пола, Ева, успокаивала Долорес после ее неудавшегося прорыва в микроавтобус скорбящих. Это была последняя капля для Долорес, которая, не выдержав, разрыдалась. Из ее коверканного английского я пришел к выводу, что все было не так просто - по ее словам, у нее с Доном Фернандо все же была связь. Он хотел покончить с этим, в то время как Долорес считала иначе. "Мужчины, - огрызнулась Ева, - все вы трусы, разве нет?"

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Драка на похоронах (Продолжение)

...

Недельная передышка сработала на пользу моим коленям. Сочащиеся раны сменились розовой кожей. Впервые, когда я входил в доджо в припоятом настроении, без необходимости настраивать себя на серьезный лад.

В нашем полку, ответственных за душевую, прибыло - Крэйг наконец-то получил визу по направлению культуры и вернулся из Австралии. Он был толстым, дряблым и отстающим от всех на три месяца, но он вернулся. Он не сказал ни слова по поводу своего разоренного шкафчика в раздевалке. Во время занятий *севанин* отводил его в сторону, где избивал, гонял, оскорблял его, чтобы поскорее подтянуть до нашего уровня. Его основной проблемой была неспособность безошибочно выполнить элементарные движения. Мы же упражнялись в них каждый день в течение месяцев. Он чистосердечно признался, что в Австралии проводил свое время в играх в футбол и поглощении пива. Судя по его пузу, пиву он уделял больше внимания.

Крэйг оттирал плесневелые душевые с особым рвением, давая нам с Адамом приятную

возможность отдохнуть. Он был забитым и услужливым и горячо желал быть принятым в коллектив.

Спина Крэйга вскоре превратилась в массу желтовато-фиолетовых синяков, поскольку Даррен заставлял его делать неисчислимое количество страховочных падений. Страдальческие стоны Крэйга пронизывали влажную тишину наших летних тренировок. Мы уже давно для себя усвоили, что крики ведут лишь к растрате энергии в независимости от силы боли. Крэйг все же не был убежден и ревел как зверь, попавший в стальной капкан. Его колени, тоже, вскоре превратились в красное месиво, не хуже чем мои, возможно чуть лучше, но не выглядели здоровыми это точно.

После одной особенно тяжелой тренировки с Дарреном, где на каждую страховку Крэйга приходилось два его вопля (один для самоободрения и другой от боли после падения), Крэйг сидел в раздевалке в очень угрюмой позе, готовый признать поражение. Я старался убедить его взглянуть на обратную сторону его мучений - это скоро пройдет, курс закончится и чтобы он обратил внимание на скорость его улучшения; обычная каша из полуправды, что мы подбираем для обиденного ободрения. Напомнив слова Дэнни после несчастного случая с его пальцем, Крэйг печально сказал: "Не удивляйся, ребята, если вы завтра меня не увидите".

Неужели они его сломали? Если бы он ушел, уникальный рекорд - первый курс без сдающихся - оказался бы для нас недостижим. Но где-то в душе проявилось и злорадство - тот несомненный прилив энергии, что случается, когда ты оставляешь позади тех, кто не дотянул до конца.

Моей собственной новой неприятностью было возвращение в пару к Маленькому Нику, горячему армянскому парню. Он становился все более заносчивым, капризным и просто неприемлемым в совместном деле. Ему не нравилось находиться в Японии и не нравилось тренироваться со мной. И он поклонялся Мастарду. И, конечно же, он был зеницей ока для Мастарда. Да, это было действительно время испытаний.

"Ты - мужчина, а он - мальчик, - говорил Уилл с Дикого Запада. - Ты должен показать ему, кто здесь главный."

Крис относился к ситуации с большим скептицизмом. "Единственный способ иметь дело с Маленьким Ником - это выдерживать дистанцию. Но ты - его партнер и никакой дистанции нет, так что ты ничего не можешь поделать."

Недостатками Маленького Ника были всего лишь недостатками девятнадцатилетнего правонарушителя, богатого сыночка, возбужденного словно ребенок, сидящий на риталине (американском наркотики, предписанном гиперактивным детям) и еще невероятно избалованного - мать специально по его требованию ездила в Голливуд для покупок предметов последней моды.

Бэн, который был того же возраста, что и Маленький Ник, жаловался:

- Когда мне было четырнадцать, у меня был подержанная форма для дзюдо, которая мне была мала. Когда ему было четырнадцать, его родители оплатили ему годовые курсы чечетки.

- А кто платил за твои занятия дзюдо?

- Они были бесплатными. Никто не платит за дзюдо в Австралии. Но чечетка очень дорогая.

Я не имел ничего против танцевальных способностей Маленького Ника; действительно, казалось, что он их применяет должным образом на практике в кафе "Бейсбол" в токийском куполе, где он работал танцором.

- Что ты танцуешь? - спросил я в один из редких моментов нашего общения.

- Ну, Village People, "YMCA", типа того.

- "Village People!", - я с трудом мог удержать свое ликование, - Когда ты в следующий раз выступаешь? Я должен это увидеть!

Но армянин скромно умолчал точное время своего выхода на сцену для танцевальных телодвижений и прежде чем у нас возникла возможность добраться туда, чтобы взглянуть на него, он сломал руку одному из официантов и был уволен.

- Вообще-то я сам ушел, - сказал он скромно, - После того как я сделал того парням я понял, что они наверняка не захотят, чтобы я оставался работать. И кроме того они все там козлы.

Он показал мне как он избил коллегу с помощью определенной последовательности движений в комбинации с *никкё* и *хиджишимэ*, чтобы уложить его.

- Я услышал треск его руки, так что думаю, я сломал ее, - сказал он, - Его лицо тоже сильно повредилось, после того как я в него двинул коленом несколько раз."

- По крайней мере ты применил айкидо, - сказал я, запинаясь.

- Да, - сказал он, - Кроме колена, это было не айкидо, это было мое.

В чайной комнате Маленький Ник и Роберт Мастард, "Я кое-что сделал, о чем не знаю стоит ли говорить Вам..."

Мастард не оторвакся от газеты, которую читал:

- Значит, ты влез в драку, да?

- А как Вы узнали?

Мастард пожал плечами. А потом сказал:

- Ты победил?

- Да.

- Ну, тогда все в порядке.

Но однажды Ник зашел слишком далеко. Мы делали технику, которая требовала удара в живот, который блокировался. Повторяя снова и снова, люди стали относиться к блокам менее внимательно. Использовать это невнимание приемлемо для учителя, и даже для такого же ученика, но не в так, чтобы это привело к травме - так считал я, в любом случае.

Маленький Ник обошел мой блок с определенным намерением и направил сильный удар в ребро, что было неожиданно болезненно. Я был так раздосадован, что в ответ ударил его в почку и сказал ему отвалить. В неожиданном раскаянии он предложил руку, чтобы

помириться и забыть о недоразумении. Я неохотно пожал его руку. Но не забыл. Я не бог. Это маленькое ничтожество своим целенаправленным ударом доставило мне изрядную боль. Сломано ли ребро? Конечно, нет, и стыдно признаться, потому что, рассуждая технически, я должен был блокировать удар.

Я описал симптомы Даррену.

"Мне кажется, у тебя сердечный приступ", - сказал он.

Сато, лысый массажист, пришел по просьбе Мастарда. Сато проверил меня полностью и покачал головой. "Может ребро сломано", - сказал он. Но он был тверд в своем мнении, что я должен провериться у доктора. Мастард отнесся к этому настолько серьезно, что я я почувствовал вину, что преувеличил боль. Затем я поправил себя: мне плохо и действительно больно. Но где-то в подсознании, я думал "Эта травма не хуже армянина Ника. Когда уходит он, исчезает и она; в этом я могу быть уверен." Мастард в шутку стукнул меня в живот. Он указал на нескольких университетских студентов.

- Хочешь тренироваться с девочками?

- Нет, - сказал я с чувством.

- Ёш! - он стукнул меня снова. Вот и умница, как бы говорил он. Из него получился бы отличный отец.

Немного позже мы снова разговаривали. Он сказал: "Иногда я чищу утром зубы и чувствую в груди какую-то жуткую боль и я думаю, наверное у меня удар, но потом я думаю - это невозможно, ведь я все еще чищу зубы." Возможно он интуитивно заметил во мне ипохондрию. Мастард весь в этом- сочетание того, что кажется полной тупостью с невероятной интуицией.

Ему нечего было скрывать и он даже не собирался скрываться.

Чтобы растянуть разъяснение обстоятельств я должен был посетить больницу и получить медицинское подтверждение моей травмы: рентгеновский снимок, чтобы похвастать перед недоверчивыми глазами сенсея или справку, подписанную костоправом. Проблема заключалась в том, что у меня не было медицинской страховки из-за моего полулегального статуса проживания в Японии. У Бэна же страховая карточка имелась и он мне ее одолжил. Только когда я вошел в католическую больницу в Очаи, заполненную приятными японскими монашками, я понял, что должен пройти за девятнадцатилетнего. Мне было тридцать. На моей бритой голове проглядывала седина. Я заполнил регистрационную форму, ловко копируя дату рождения Бэна, которую я не знал - еще одна брешь в плане. Монашка с испугом взглянула на мою карточку и снова посмотрела на меня. "Вам девятнадцать?" - спросила она. "Да" - с легкостью ответил я. Она приняла мою ложь, выражая сомнение только еще одним взглядом в медицинскую карту в поисках опечатки. У меня уже было готово шустрое объяснение, что я происхожу из семьи с историей жуткой болезни, из-за которой стареют раньше времени; она была лишь недавно открыта и диагностирована. Монашка меня просто пропустила. В Японии откровенная ложь редко подвергается сомнению - это было бы слишком враждебно, но люди могут выражать иное мнение за спиной. На поверхности они притворятся, что согласны. Кроме того я был иностранцем, что считалось низшей формой человека большинством японцев. Если я выглядел немного странно, то это было лишь составной частью необъяснимой странности гайдзинов.

**Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Драка на похоронах
(Окончание)**

Но я сидел в ожидании на виду у медсестры за приемным столом, я пытался вести себя так, как на моей памяти вел себя Бэн. Он обычно неожиданно засыпал. Но в моем случае это бы лишь прибавило несколько лет, а не уменьшило мой возраст. Благодаря моим седеющим волосам меня уже однажды со спины приняли за сорокасемилетнего японского сенсея - меня на улице окликнул студент и почувствовал себя весьма неловко, когда я обернулся. Нет, заснуть было неверной стратегией. Вместо этого я стал раскачивать головой вперед-назад, изображая вертлявого пацана, слушающего рэп на плеере. Я также все время касался своих волос - так, я заметил, вели себя многие подростки, возможно и я тоже, когда был в соответствующем возрасте.

Доктор согласился принять меня. Я очень надеялся, что он будет говорить только по-японски. Тогда я смог бы ограничить наше общение, сообщив минимум о своем возрасте.

Все было хорошо. Он обратился ко мне на японском. Я, спотыкаясь, дал нужный ответ. Он отправил меня на рентген после беглого осмотра.

В коридоре рентгеновского отделения смешливый японец затушил сигарету и сделал мне знак в сторону аппарата. Он совершенно небрежно прикрыл мое тело свинцовыми щитками. Тогда я решил, что стану импотентом уже в девятнадцать лет, как раз на пике своей сексуальной активности.

Доктор позвал меня для обсуждения снимка. Легкие выглядели абсолютно черными. "Не волнуйтесь, - сказал он, - ничего страшного."

Ребро не было сломано, это был ушиб. Доктор посоветовал отдохнуть месяц. Месяц! Мне повезет, если мне дадут три дня за эту царапину, может неделю, если я смогу описать травму впечатляющим образом. Именно тогда я изобрел термины "реберное смещение" и "отслоение межреберных мышц". У людей бывают плечевые смещения, так почему же не быть реберных? Звучало это жутко - ребра разведенные в стороны в мучительной... ну, короче, агонии.

Доктор выдал мне эффектный эластичный корсет, для ношения на груди - отлично, теперь у меня было наглядное доказательство моего ранения. Я с энтузиазмом оплатил пятидесяти-долларовый счет.

Затем доктор снял свои полукруглые очки и начал говорить на почти забытом, но великолепном английском. Страх захлестнул мое тело - для практики некогда выученного в колледже английского языка, он решил поступиться правилами социального поведения.

- Откуда? - спросил он.

- Австралия, Мельбурн.

Он просиял:

- Я ездил в Мельбурн в прошлом году, на отдых!

- Наверное было хорошо, - я старался хорошо передать отсутствие интереса своим очень неубедительным австралийским акцентом, гнусавым выговором Крокодила Дэнди, который в любой момент мог трансформироваться в пакистанский.

- Мне Австралия очень понравилась, и Мельбурн тоже.

- А Вы сходили в музей Неда Келли? - это было единственным, что я знал про Мельбурн.

- Нет, он был закрыт, - ответил доктор.

- Правда? - сказал я, - Нум я здесь был несколько лет и совсем оторвался от жизни. Вернее, не годы, а месяцы - иногда просто кажется, словно прошли годы. - Боже, я сам рыл себе могилу. - А Вы были в Оперном Театре?

Он выглядел озадаченным:

- В Сиднее?

- Нет, в Мельбурне. Мельбурнский Оперный Театр. Он очень старый и большой. Гораздо интереснее чем... сиднейский. Вам обязательно надо его посетить в следующий раз.

- Обязательно, - сказал он, бросая взгляд на мои бумаги.

Мне надо было отвлечь его:

- А много австралийцев к Вам приходит?

- Нет, не много, - сказал он, - Вы первый, кого я лечу.

- Как интересно, - сказал я. Затем я решил взглянуть на часы. Будучи японцем, он должен был понять этот намек.

- Мне нужно идти, - сказал я и направился к двери.

- И еще одно, - сказал он.

Ну все, решил я.

- Не забудьте вот это, - он передал мне преступную медицинскую карту, - Это очень важно, - сказал он с насмешливым упреком.

Я рванул из больницы бегом, как девятнадцатилетний хулиган. Мне было гораздо лучше, с корсетом или без.

Бэн, как я начал понимать, был одним из естественных подражателей, как те мотыльки, что имитируют птиц, или насекомые, которые похожи на палочки, или мухи, что прикидываются осами. Я был травмирован и соответственно, по велению божьему, он был тоже. Не то, чтобы это прошло через его сознание логическим путем, но все сработало именно так, как только его подсознание подключилось к делу.

На следующий день, во время моего третьего занятия по *сейза*, во время броска Бэн неудачно приземлился на свою шею. Занятие вел Шиода-младший, который не проявил особого интереса к происшествию. Бэн со знакомыми слезами, льющимися по лицу подражателя, присоединился ко мне на скамейке наблюдателей. Для Шиоды это было неприятно, и он направил Уилла, который был партнером Бэна, отвезти его в больницу. Я наблюдал за этим в немой агонии. За разговор я бы получил выговор. Резкий комментарий

со стороны Толстяка Сумпеля возможно, ничего особенно плохого. А была ли в этом необходимость, следовало ли мне предупредить Бэна, чтобы он пошел в другую больницу? Нет, конечно же он не настолько глуп. И все же он был.

Позже, в тот же день, когда я вернулся в Фуджи Хайтс и задрал ноги повыше, просматривая газету в поисках интересного фильма, мне позвонили из больницы.

Будучи подозрительным по натуре, я прикинулся, что меня нет дома и попросил оставить сообщение. Бэн не только рассекретил меня, но еще и был достаточно глуп, чтобы дать моншкам мой телефон. Я побагровел.

Позже позвонил Уилл, Он посоветовал мне связаться с больницей. Именно он посоветовал Бэну дать мое имя и номер больницы. Какие законопослушные кретины.

- Неужели Бэн действительно решил, что они забыли единственного преждевременного-стареющего австралийца за все время посетившего их больницу, через двадцать четыре часа после того, как это случилось?

- Он почему-то решил, что все пройдет гладко, - сказал Уилл.

- Замчательно. Просто потрясающе. Ну, как хотите, а я звонить в больницу не буду.

- Все должно быть в порядке. Мы объяснили, что это просто недоразумение.

- Просто недоразумение! Это же очевидное мошенничество! Я говорил с австралийским акцентом. Я назвал его дату рождения. Я отвечал на дурацкие вопросы про Мельбурн! Это не просто недоразумение.

- Я считаю, что признание вины обычно лучший выход из положения.

- Неужели, ты действительно так считаешь? Может тебе ограничиться признаниями о собственных проступках и не касаться чужих?

Это был удар ниже пояса. Уилл был благородным человеком. Когда его девушка забеременела, я посоветовал ему серьезно подумать об аборте. Вместо этого, он женился на ней и как ни странно, для него все обернулось хорошо. Ребенок должен был родиться через месяц.

Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался отвечать на звонки. И вообще, у этого могла быть и положительная сторона. Я мог подождать пока нам не отключат телефон за неуплату и не возобновлять подключение. Способ экономить денег.

Бэн, при своем высоком росте и напускной крутизне, все еще был семи-футовым ребенком. Я не собирался звонить в больницу, как и не собирался снова получать травму. Это стоило бы мне слишком дорого. Я просто не мог себе позволить заболеть. Странно, но эта мысль меня успокоила. Отговорок на будущее не оставалось, я сжег все мосты для отступления посредством болезни.

Несмотря на свои жалобы и вялые предупреждения о возможном невозвращении, Крэйг не только выживал, но и потерял вес. С потерей веса, тренироваться становилось легче. Он тоже стал крепким; способным принимать удары без серьезных повреждений. Как и многие люди, которые занимаются спортом, отличающимся повышенной контактностью,

он выглядел значительно старше своих двадцати двух лет. Он рассказал мне о своей спартанской жизни, когда мы оттирали нескончаемую плесень с душевых стен. Он жил в комнате в съемном доме: "Но я бы переехал жить один в любой момент, если бы мог это себе позволить." Он работал каждый вечер и в выходные официантом в мексиканском ресторане. У него не было девушки ("нет времени"), не было и друзей, насколько я подозревал. Он был вспыльчивым парнем, с трудом открывался людям, но халтурщиком он точно не был. Во всем дождо он был наиболее усердным в оттирании плесени в душевых.

Я спросил у Фрэнка как мне вести себя на первом настоящем свидании с Сарой. "Решай за двоих и за все плати сам", - посоветовал он. Я встретился с Сарой возле супермаркета, когда она закончила работать. "Пойдем в бар у Джея", сказала она, взяв меня за руку. В *Баре у Джея* у стены стояло два огромных усилителя и было полно музыкальных записей. На возвышении был установлен проигрыватель. Там играли только R&B, но играли очень громко. Обложка проигрываемого альбома была выставлена за барной стойкой. Сара не хотела есть и только пила кофе. Я пил пиво. Ей как-то удалось заплатить самой, так что я и не заметил. Это было не по плану. "Пойдем прогуляемся", - сказала она.

Мы бродили по маленькому парку вдоль железнодорожных путей в Шибуйе. Сара запихнула свою и мою руку в карман моего пальто. Мы сели на лавочку. Я почему-то продолжал улыбаться. Эй, я снова радовался жизни! Это было просто. У Сары не было забот, так что их не было и у меня. Я посмотрел вверх на те несколько звезд, которые не затмевал фонарный свет. Большая медведица, полярная звезда и перевернутый пояс Ориона, наиболее заметное созвездие в японского ночного неба. Мне всегда становится хорошо, когда я смотрю на звезды. Сара посмотрела на свои часы и сказала "У меня есть десять минут". Через десять минут самозабвенного тискания, она убежала на электричку "Я позвоню тебе скоро, завтра или послезавтра!" В этот раз я был уверен, что она действительно позвонит.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Плохие парни со стильными прическами (Начало)

Настоящий самурай не моет волос, дабы избежать нападения сзади.

Хагакурэ

У нашей золотой рыбки Малыша Канчо были проблемы. Словно он почувствовал, что его тезка отошел в мир иной, Малыш Канчо слабел с каждым днем. Две другие рыбки были в полном порядке, здоровее, чем когда мы их привезли.

- Это от нехватки кислорода, - сказал Толстый Фрэнк. - Две другие отбирают весь кислород у Малыша Канчо.

- Дело не в том, чем они дышат, а в том, что пьют, - сказал я. - Вода грязная, тебе надо почаще чистить аквариум.

- А почему бы тебе не почистить аквариум, - встрял Крис. - Или по крайней мере не вымыть посуду?

В итоге Бен почистил аквариум, но Малыш Канчо не оклемался, поэтому я присоединил воздушный шарик так, чтобы он сдувал в аквариум воздух, поставляя дополнительный кислород в воду.

- Хорошая идея, - сказал Крис, - но она не работает.

- Почему?

- Я наблюдал за Канчо с тех пор, когда мы его взяли. Он всегда плавает с небольшим креном влево. А две другие рыбы - абсолютно вертикально. А у него крен стал еще сильнее. Думаю, он был болен еще до того, как мы его взяли. Он обречен.

Бен подошел и приблизил лицо к аквариуму. "Ну же, Канчо, не умирай! Пожалуйста, не умирай!"

Я сочувствовал страданиям Малыша Канчо. Каждый раз, когда я делал вдох, слышался странный щелчок в моей груди, будто что-то отсоединяется. Еще я кашлял желтой мокротой. Каждый день в то время записи в моем дневнике начинались со слов "худший день" или "куда уж хуже, чем сейчас" или "сегодня мы свалились на самое дно". Я начинал формулировать лозунг, который бы поддержал меня морально: *В любой ситуации все может стать еще хуже, неважно насколько плохи твои дела сейчас- дальше они могут пойти еще хуже и обычно так и случается; но помни, что и это тоже пройдет.*

Рэм тоже был на грани срыва. Причиной этому была фотография Канчо-сенсея, которая теперь весела под алтарной полкой. Рэм объявил, что больше не может кланяться алтарю, потому что в иудаизме не кланяются человеческим изображениям. Но поклоны алтарю были важной частью ежедневного ритуала в доджо. Мы кланялись шесть раз ежедневно на глазах у всех присутствующих. Неужто Рэм собирался бросить занятия только из-за религии? Крис, которого с Рэмом познакомили мы с Бэном, пытался предоставить аргументы в пользу религиозного отступничества. Аргументация обычно была примерно такой:

Крис: "Ты же кланяешься партнеру в конце тренировки, это ведь нормально?"

Рэм: "Да, нормально."

Крис: "А знаешь почему? Дело в том, что в японской культуре поклон является аналогом рукопожатия. В этом вся его суть."

Рэм: "Но с фотографией я не могу обменяться рукопожатием!"

Крис: "Но смысл тот же!"

Рэм: "Нет, фотография - это другое"

Крис: "Поклон фотографии в Японии не имеет смысла, если ты не веришь в него."

Рэм: "А я не могу перестать верить. Никаких поклонов!"

Но Рэм решил эту проблему, или по крайней мере нашел временный выход. Он начал кланяться немного не по центру, не совсем в сторону алтаря. "Я кланяюсь стене", - сказал он с гордостью. Это было настолько небольшое отклонение, что учителя не обратили внимания, а его совесть осталась чиста.

Исчезновение одной фотографии из доджо бросалось в глаза, не было "Железного" Майкла Тайсона. Доджо оставалось верным Майку в течение всего судебного процесса об изнасиловании. И даже после того, как он был признан виновным. И на протяжении апелляции Железный Майк освещал присутствием своих японских друзей, лишь после отклонения последней апелляции, фотографию сняли. В Японии, страшная правда заключается в том, что за изнасилование дают только два года заключения, и когда иранский студент изнасиловал шестерых японских девочек, он стал своеобразной национальной знаменитостью. Он заманивал девочек к себе в квартиру, обещая приготовить чудесный соус для макарон. Журнал *Brutus*, странная помесь между *Hello* и *Loaded*, даже опубликовал этот рецепт, извращенным способом определив его в

категорию афродезиаков. У доджо вкус был немного получше. Я знал, что фотографию Тайсона больше не вернут на место, даже когда его выпустят из тюрьмы.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Плохие парни со стильными прическами (Продолжение)

...

Кейко, новичок в доджо, была только рада кланяться алтарю. После занятий я видел ее медитирующей перед не улыбающейся фотографией Канчо добрых пять минут.

Кейко, как и Долорес, которой теперь вход в доджо был заказан, стала просто одержима айкидо. Мужчины-айкидоки умели скрывать свое пристрастие лучше, прикрывая его бесконечными тренировками и повторением техник перед зеркалом, в то время как женщины облекали свои пристрастия в присущую только женщинам форму. У Долорес это выражалось в виде безумной страсти к Фернандо-сенсею, а у Кейко это была любовь к Канчо.

Некоторые учителя в доджо женились на своих любимых студентках, а некоторые женились на сотрудницах офиса доджо. Именно это и было запланировано в случае Кейко, ее выбрал лично Канчо в качестве будущей подружки для одного из младших учеников. Чида и Такено женились на сотрудницах офиса, Андо и Накано женились на студентках. С его прилизанными черными волосами и лающим голосом Накано напоминал головореза. Мы никогда не видели его по утрам, потому что он учился на мануального терапевта. В общем его манера поведения, мне казалось, сработает против него на выбранном им поприще.

Аскетичная жизнь современного *учи-деши* (ученик в доджо) оставляла мало времени и возможностей для свиданий. У полицейских в этом плане жизнь была ближе к норме, у большинства из них были подружки, с которыми они встречались в свои редкие выходные дни.

Во времена Тессю все было намного свободнее. Он заявлял: "В мои двадцать и тридцать я был одержим природой сексуально страсти. Я спал с тысячами женщин в надежде устранить различие и недопонимание между мужчиной и женщиной, собой и другой".

Такое высокопарное объяснение постоянной погони за сексом не вызвало сочувствия у его жены. Размахивая кинжалом, она поклялась, что убьет себя и детей, если он не перестанет спать со всеми подряд. Он перестал.

У Уесибы, основателя современного айкидо и учителя Канчо, тоже было много любовниц. Он поощрял своих юных учеников наращивать свое сексуальное *ки*, мастурбируя перед бумажными ширмами *шоджи*. "Тот, кто сможет пробить дыру в *шоджи* только с помощью своего семени, будет настоящим мастером!"

Кейко была девушкой неопределенного возраста, в районе конца второго десятка или начала третьего; в этом возрасте большинство японских девушек должно начинать беспокоиться о замужестве. Посреди одного занятия она, абсолютно проигнорировав учителя, начала подметать в углу доджо. В культуре, где обучение происходит посредством наблюдения и копирования, Кейко была радикальной индивидуалисткой. Даже сумасшедший иностранец не посмел бы начать посреди урока. Один из учеников

подбежал к ней и вытолкнул ее из зала. И хотя она больше не бралась за метлу, я замечал некоторую нервозность среди учителей, когда она посещала занятия после этого случая.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Плохие парни со стильными прическами (Продолжение)

...

Все это сумасшествие из доджо должно было на время переехать на природу. Наступило время *гаишу*. Ежегодное *гаишоку*, летний лагерь, проводимый под руководством доджо, не имел аналога на западе. Его посещали все ученики, занимающиеся в доджо, включая полицейских, детей, молодых матерей и иностранных сеншусеев. Старшего сенсея в лагере - в последние несколько лет это был Накано-сенсей - можно полноправно сравнить с главой огромной и счастливой семьи. Сенсей, *учи-деши* и *севанины* управляли делами, а полицейские выполняли их указания. И, конечно, посещение лагеря иностранными сеншусеями было обязательным. Все сошлись во мнении, что это не плохо - девушки там тоже должны были быть, а тренировки по слухам были мягче, чем обычно. Кроме того, мы должны были тренироваться с обычными учениками, что на фоне привычно строгого и безжалостного режима было для нас сопоставимо с отдыхом.

В помощниках у Накано-сенсея были обладатель пятого дана и высокомерного выражения лица, не профессиональный айкидока, взятый для административных поручений, миниатюрный *учи-деши* Фуджитоми и севанин Стампи - а также Сакано-сенсей, которая при своем четвертом дане имела наиболее высокий уровень в доджо среди женщин и была единственным учителем женского пола.

По сравнению с другими стилями айкидо Йошинкан был в основном ориентирован на мужчин, хотя время от времени появлялись и ученики женского пола. Это была давняя традиция, одним из любимых учеников Канчо в 1920-х была женщина. Не такие сильные, как мужчины, женщины обычно быстрее овладевали правильной формой исполнения, поскольку наиболее частой ошибкой у новичков бывает использование силы вместо техники. Лучшим учеником Такено, которого серьезно боялись, была женщина. За ее спиной мужчины поговаривали, что несмотря на красоту исполнения в ее бросках не было мощи. Женщины, чьи тела были скроены по мужскому подобию, как правило не уступали мужчинам, но остальным женщинам приходилось применять скорость и совершенную форму, чтобы сдвинуть своих громоздких противников. Японские женщины, как правило, не любят кровоточащих носов и выщербленных зубов и предпочитают оставаться высокотехническими профессионалами в боевых искусствах вместо того, чтобы рисковать своей внешностью оттачивая бойцовское мастерство. Поскольку к женщинам в доджо предъявлялись одинаковые требования с мужчинами, я видел, что это не плохое место для занятий. Женщины-айкидоки, в основном молодые ученицы вузов, были страстно увлечены занятиями и многие из них решили посетить летний лагерь.

Отрывки из "Злых белых пижам" Твиггера. Плохие парни со стильными прическами (Продолжение)

...

Как только мы вошли в автобус, и, естественно, полицейские и сеншусеи тут же заняли места в конце автобуса, я обратил внимание, что Кейко, со своей обычной безумной и невозмутимой улыбкой, тоже ехала с нами. Я сразу подумал о том радушии, которое проявлялось в айкидо ко всем занимающимся, - словно все мы были членами одной общей семьи. Но на самом деле японцы всегда надеются, что ты поставишь собственные интересы на последнее место. Многие японцы знакомы с английским выражением "быть

сосланным в Ковентри" (прим. пер. - означает подвергнуться опале или бойкоту, происхождение фразы связано с тем, что во время гражданской войны в XVII в. захваченных в плен королевских солдат ссылали в г. Ковентри)- они сразу же понимают о чем идет речь, поскольку это вполне в японской традиции: создавать такую неприятную атмосферу, когда тебе все-таки придется сыграть роль Капитана Оатеса и пожертвовать собой даже если этого не хочется. (Между прочим, большинство японцев считает подвиг Оатеса совершенно нормальным поступком – они придумали для себя, что его заставили выйти из палатки в результате негласного решения большинства, поскольку именно так бы случилось в Японии.) (прим. пер.- речь идет об участнике экспедиции Р.Скотта на Южный полюс, Лоренсе Оатесе, о котором известно, что в сорокаградусный мороз он вышел из палатки босиком, чтобы увеличить шанс выживания своих товарищей по экспедиции.)

Автобус тащился через Токио и заехал в Чибу. Мы проехали завод по сжиганию мусора, в это время приторная девушка, предоставленная автобусной компанией для нашего сопровождения, рассказала нам, сколько в точности мусора сжигается на заводе ежедневно. Мы выразили уважительное восхищение острову «Гоми», который построен из мусора и находится в Токийском заливе. Мы проехали по подвесному Радужному мосту и были проинформированы о его точной длине в метрах, а также о том, что он на 327 метров короче моста через Йокогамский залив. По-видимому, мосты в Японии олицетворяют романтику – в любой субботний вечер вы можете увидеть ряды Тойот и Нисанов, припаркованных со включенными фарами по всей длине моста через Йокогамский залив, пока влюбленные парочки всматриваются в темные воды глубиной в сотни метров у их ног. Никто не занимается сексом- для этого есть "гостиницы любви"- здесь они просто наслаждаются необъяснимой романтической атмосферой, которая непонятна западному наблюдателю из-за большого количества присутствующих.

В храме *будо* в Кашиме (префектура Ибараки), который расположен в небольшом лесочке, где из-за громадных сосен и кедров едва заметны деревянные похожие на пагоды строения храма, мы бросили монетки в алтарную решетку и отправились на поиски прохладительных напитков. Вокруг входа в храм было множество сувенирных лавочек, торгующих деревянными дощечками удачи, и магазинов традиционного оружия. Когда мы усаживались обратно в автобус, я заметил, что Кейко приобрела традиционный деревянный меч, обернутый в прозрачную упаковку, чтобы покупатель мог его рассмотреть. Неудержимый Хал, студент университета, высказался по этому поводу: «Он конечно в целлофане, но это не значит, что ты можешь его съесть», - и Кейко одарила его в ответ суровым взглядом. Но это и правда была странная покупка для женщины; несмотря на то, что по японской традиции женщины могли заниматься боевыми искусствами, очень редко можно было увидеть свидетельство этого.